

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

ISSN 2712-7451 (online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

SCIENTIFIC JOURNAL

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

16+

2026. Том 45, № 2

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2026. Том 45, № 2

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки».

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.8 – Науки об образовании: 5.8.1, 5.8.7; 5.9 – Филология: 5.9.5, 5.9.6, 5.9.7, 5.9.8, 5.9.9). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Прохорова О.Н., доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ведущий редактор

Ерошенкова Е.И., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Заместители главного редактора:

Короченко А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ерошенкова Е.И., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ответственный секретарь

Тарасова С.И., кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Члены редколлегии:

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Асташова Н.А., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой художественного воспитания Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского (г. Брянск, Россия)

Ахмедова Лала Фарман кызы, доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом «Страны Центральной Азии» института востоковедения Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан)

Белозерцев Е.П., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной педагогики Воронежского государственного педагогического университета (г. Воронеж, Россия)

Дускаева Л.Р., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель комиссии медиалингвистики при Международном комитете славистики (г. Санкт-Петербург, Россия)

Жиро К., доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (г. Барселона, Испания)

Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта (г. Санкт-Петербург, Россия)

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Людвиг Х., доктор философии, профессор института педагогики Вестфальского университета им. Вильгельма (г. Мюнстер, Германия)

Нагорный И.А., доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков Цицилинского университета (г. Чанчунь, Китай)

Перси У., доктор филологии, профессор Университета Бергамо (г. Бергамо, Италия)

Подымова Л.С., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия)

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник института языкознания РАН (г. Москва, Россия)

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и литературы Университета София Антиполис (г. Ницца, Франция)

Стоянова Е.В., доктор филологии, профессор, заведующий кафедрой русского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского (г. Шумен, Болгария)

Ушакова С.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ»

ISSN 2712-7451

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020. Выходит 4 раза в год. Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 19,1. Дата выхода 30.06.2026. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- 217 **Авдони́на Н.С., Скокова Т.В.** Инфографика кризисной повестки: COVID-19 в российских информационных агентствах
- 226 **Быкова П.И., Короченский А.П.** Становление комплекса СМИ Союзного государства России и Республики Беларусь
- 238 **Грицай Л.А.** Медиадискурс православных блогеров об искусственном интеллекте: стратегии интерпретации и эсхатологические нарративы
- 250 **Мириманов Д.А.** Международное вещание Китая: от пропаганды к глобальному медиа
- 269 **Семакина О.Н.** Межрегиональная программа – новый формат тележурналистики: истоки, концепция, жанрово-тематическое разнообразие (на примере программы «Вести: Дальний Восток»)
- 280 **Хазанович М.В., Карпенко И.И., Тихонович Е.В.** Роль процедурной риторики и геймерских сообществ в трансляции антироссийских установок среди молодежи Литвы и Беларуси
- 291 **Ширин Э.Р.** Редакционный комментарий в журнале «Былое» (документально-историческая периодика)

ПЕДАГОГИКА

- 301 **Ирхин В.Н., Ирхина И.В.** Российская цивилизационная идентичность будущего специалиста по физической культуре: содержание, сущность и структура
- 310 **Kaliuzhnaya E.V., Tsurikova L.V., Tarasova S.I.** Teaching English Academic Writing to Non-Linguistic Undergraduates: The BelSU Case
- 323 **Старинская А.Р.** Структурно-функциональная модель педагогического мониторинга осознанного выбора профессии обучающимися психолого-педагогических классов

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 330 **Азизова Н.Б.** Языковая личность в произведениях мыслителей Центральной Азии
- 343 **Бондарь О.А.** Языковые средства реализации категории «недосказанность» (understatement) в парламентском дискурсе (на примере высказываний премьер-министров Великобритании)
- 354 **Инчаурральде-Бесга К., Родченко А.В.** Языковые механизмы эвфемизации смерти в испаноязычном дискурсе: лингвокогнитивный и социокультурный аспекты
- 368 **Файзиева Г.В., Маджаева С.И.** Субстандартные номинации органов человека в английском и русском языках
- 378 **Чекулай И.В., Прохорова О.Н., Пархоменко А.Н., Кобченко В.И., Ломакин Н.А.** Проверсия и реверсия как когнитивные модели словосложения в русском языке
- 385 **Чупина К.С.** Лингвокультурологическая интерпретация односоставных текстовых эмотивов (на материале романа Дианы Гэблдон «Чужестранка»)

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

2026. Volume 45, No. 2

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities series".

Founded in 1995

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.8 – Educational sciences: 5.8.1, 5.8.7; 5.9 – Philology: 5.9.5, 5.9.6, 5.9.7, 5.9.8, 5.9.9). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (PVIHL).

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod State National Research University "BelSU".

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief

Prokhorova, O.N., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Intercultural Communication and International Relations (Belgorod, Russia)

Commissioning Editor

Eroshenkova, E.I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Deputy Editors-in-Chief

Korochensky, A.P., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Eroshenkova, E.I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Baghana, J., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Executive Secretary

Tarasova, S.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Members of the Editorial Board:

Aleksandrova, O.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of English Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, (Moscow, Russia)

Astashova, N.A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Art Education of the I.G. Petrovsky Bryansk State University (Bryansk, Russia)

Akhmedova Lala Farman kyzy, Head of Central Asian Countries Department, Doctor of Philology, Professor, National Academy of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan)

Belozertsev, E.P., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia)

Duskaeva, L.R., Doctor of Philology, Professor, head of the Department of media linguistics of the Higher school of journalism and mass communications of Saint Petersburg state University, head of the Commission of media linguistics under the International Committee of Slavistics (Saint Petersburg, Russia)

Giro, X., Ph.D., Professor of the Barcelona Autonomous University, Director of the Department of Media, Communication and Culture (Barcelona, Spain)

Irkhin, V.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy, Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health (St. Petersburg, Russia)

Isaev, I.F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogics, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Ludwig, H., Doctor of Philosophy, Professor of The University of Münster (Muenster, Germany)

Nagorny, I.A., Professor of the Institute of Foreign Languages of Jilin University, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China)

Persi, U., Doctor of Philology, Professor University of Bergamo (Bergamo, Italy)

Podymova, L.S., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Education, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

Polonskiy, A.V., Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications of Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Porkhomovsky, V.Y., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rieu, J., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Language and Literature, University of Sofia Antipolis (Nice, France)

Stoyanova, E.V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language of Shumen University named after bishop Konstantin Preslavsky (Shumen, Bulgaria)

Ushakova, S.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications (Belgorod State National Research University)

ISSN 2712-7451

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage. Certificate of registration of mass media ЭЛ № ФС 77-77958 or 19.02.2020. Publication frequency: 4/year.

Commissioning Editor YU.V. Mishenina. Editing, computer imposition, page layout O.G. Tomusyak. English text editor E.S. Danilova. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 19.1. Date of publishing 30.06.2026. Dummy layout has been prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

CONTENTS

JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

- 217 **Avdonina N.S., Skokova T.V.** Infographics of the Crisis Agenda: COVID-19 in Russian News Agencies
226 **Bykova P.I., Korochensky A.P.** Formation of the Media Complex of the Union State of Russia and the Republic of Belarus
238 **Gritsai L.A.** Orthodox Bloggers' Media Discourse on Artificial Intelligence: Interpretation Strategies and Eschatological Narratives
250 **Mirimanov D.A.** China's International Broadcasting: from Propaganda to Global Media
269 **Semakina O.N.** Interregional Program as a New Format of Telejournalism: Concept, Genre, and Thematic Diversity (Example of the Vesti: The Far East Program)
280 **Khazanovich M.V., Karpenko I.I., Tikhonovich E.V.** The Role of Procedural Rhetoric and Gamer Communities in the Disseminating Anti-Russian Attitudes among Young People in Lithuania and Belarus
291 **Shirin E.R.** Editorial Commentary in the Byloe Journal (Documentary-Historical Periodicals)

PEDAGOGICS

- 301 **Irkhin V.N., Irkhina I.V.** The Russian Civilizational Identity of the Future Physical Education Specialist: Content, Essence, and Structure
310 **Kaliuzhnaya E.V., Tsurikova L.V., Tarasova S.I.** Teaching English Academic Writing to Non-Linguistic Undergraduates: The BelSU Case
323 **Starinskaya A.R.** Structural and Functional Model for Pedagogical Monitoring of Professional Self-Determination of Students of Psychological and Pedagogical Classes

LINGUISTICS

- 330 **Azizova N.B.** Linguistic Personality in the Works by Central Asian Thinkers
343 **Bondar O.A.** Linguistic Means of Expressing Understatement in Parliamentary Debates (Based on UK Prime Ministers' Speeches)
354 **Insaurralde-Besga C., Rodchenko A.V.** Euphemistic Representation of Death in Spanish: Cognitive Models and Sociocultural Aspects
368 **Fayzieva G.V., Madzhaeva S.I.** Sub-Standard Nominations of Human Organs in English and Russian Languages
378 **Chekulai I.V., Prokhorova O.N., Parkhomenko A.N., Kobchenko V.I., Lomakin N.A.** Proversion and Reversion as Cognitive Models of Word Compounding in Russian
385 **Chupina K.S.** Linguocultural Interpretation of Single-Component Textual Emotives (Based on the Novel "Outlander" by Diana Gabaldon)

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 070

DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-217-225

EDN DYLRW

Инфографика кризисной повестки: COVID-19 в российских информационных агентствах

¹ Авдони́на Н.С., ² Скокова Т.В.

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, 163002, Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17

² РГУ им. А.Н. Косыгина,
Россия, 119071, Москва, улица Малая Калужская, д.1, стр. 4

n.avdonina@narfu.ru, Skokova-tv@rguk.ru

Аннотация. В кризисной ситуации медиа должны оперативно информировать население, а инфографика как формат визуальной журналистики может помочь решить эту задачу. Однако доминирующие характеристики инфографики в практике российских агентств в условиях кризиса эмпирически не изучены. Цель исследования – определить, какие характеристики инфографики и в какой степени реализованы в кризисной повестке, а также выявить доминирующие типы визуализации и нарратива. На материале инфографики ТАСС и РИА Новости о COVID-19 (ноябрь 2020 – ноябрь 2021) проведён контент-анализ 26 единиц. Установлено, что доминирующая тема – здоровье и медицина, преобладающий тип нарратива – линейный, наиболее частотные типы визуализации – иконические знаки и текстовые списки/таблицы. Информационная и иллюстративная функции реализованы в 100% выборки, когнитивная – в 92,3%, воздействующая – в 35,7% (ТАСС) и 25% (РИА Новости).

Ключевые слова: инфографика, визуальная журналистика, медиатекст, восприятие, визуализация данных, контент-анализ

Для цитирования: Авдони́на Н.С., Скокова Т.В. 2026. Инфографика кризисной повестки: COVID-19 в российских информационных агентствах. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 217–225. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-217-225 EDN: DYLRW

Infographics of the Crisis Agenda: COVID-19 in Russian News Agencies

¹ Natalia S. Avdonina, ² Tatyana V. Skokova

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk 163002, Russia

² The Kosygin State University of Russia
1 Malaya Kaluzhskaya St., building 4, Moscow 119071, Russia

n.avdonina@narfu.ru, Skokova-tv@rguk.ru

Abstract. In crisis situations (exemplified by the COVID-19 pandemic), media face the need to promptly inform the public under conditions of rapidly changing data and high uncertainty. Infographics as a multimodal format of visual journalism can potentially address this challenge. Despite numerous theoretical works on the classification and functions of infographics, there is a lack of empirical research that could

reveal which thematic, structural, functional, and technical characteristics of infographics actually dominate in the practice of Russian news agencies within a crisis agenda. This study aims to apply the existing classification of infographic characteristics to the COVID-19 infographics produced by TASS and RIA Novosti (November 2020 – November 2021), to determine which of these characteristics and to what extent are realized under a crisis agenda, and to identify the dominant types of visualization and narrative. A content analysis of 26 infographic items (full sample) was conducted using operationalized categories: topic, subject of representation, narrative type, interactivity (browser testing), data visualization types, and functions. Coding was performed by two authors (multi-coder design). The dominant topic is health and medicine (76.9%, 20 items). Linear narrative prevails (92.3%, 24 items). All infographics are static; interactivity (filtering, clicking, hovering) is absent. The most common visualization types are iconic signs/pictograms (76.9%) and text lists/tables (53.8%). The informational and illustrative functions are realized in 100% of the sample, the cognitive function in 92.3%, and the persuasive function in 35.7% (TASS) and 25% (RIA Novosti).

Keywords: infographics, visual journalism, media text, perception, data visualization, content analysis

For citation: Avdonina N.S., Skokova T.V. 2026. Infographics of the Crisis Agenda: COVID-19 in Russian News Agencies. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(2): 217–225 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-217-225 EDN: DYLRW

Введение

Цифровая трансформация медиа изменила медиапотребление и привела к переносу контента в онлайн [Вартанова, 2022]. Одним из ключевых трендов стала инфографика – формат, объединяющий данные, визуализацию и текст в единое целое [Крам, 2015; Лайкова, 2015]. В кризисных ситуациях (на примере пандемии COVID-19) медиа сталкиваются с необходимостью оперативно информировать население в условиях быстро меняющихся, противоречивых данных и высокой неопределенности. Инфографика как мультимодальный формат потенциально способна решить эту задачу, однако эмпирически не выявлено, какие именно структурные и технические характеристики инфографики фактически используются российскими информагентствами в таких условиях, насколько они соответствуют современным технологическим возможностям и как соотносятся с задачами сохранения доверия аудитории.

Инфографика определяется как синтетический жанр, «визуально наглядное представление информации, создающее единый образ путем комбинирования текста, изображений и визуализаций данных» [Крам, 2015, с. 25]. Исследованию развития инфографики, а также ее классификации, описанию функций и основных принципов посвящено достаточно исследований, выделим ключевые.

Так, Е.Г. Трушко и Ю.Ф. Шпаковский отмечают, что развитие инфографики обусловлено научным (развитие математики, географии, физики и астрономии, позже – картографии, статистики) и техническим прогрессом, требующим иллюстрирования полученных данных и наблюдений. Что касается СМИ, то первые подробные графические изображения стали появляться в XVIII в. сначала в британской *The Daily Courant*, затем, в начале XIX в., – в *The Times*. Современная инфографика появилась в 1982 г. вместе с газетой *USA Today*, когда ее редактор Лори Демо применил правило, применявшееся впоследствии и другими периодическими изданиями: «если история начинается непонятно и трудна для понимания, это момент, когда надо использовать графику». Концепцию развития современной инфографики создал Эдвард Тафти, сформулировав основные ее принципы, на которые продолжают опираться современные дизайнеры и редакторы: «точность, достоверность и масштабность визуализации данных, но и демонстрирует эффективность информационного дизайна для решения серьезных проблем» [Трушко, Шпаковский, 2017]. Как отмечает А. Сахарова, представившая эволюцию научной инфографики в контексте культурного кода, активное применение инфографики пришлось

на 1920–1930-е г. XX в., когда назрела необходимость «быстро и наглядно» донести до малообразованного населения большой объем данных и информации. Многие государства на тот момент «нуждались в инструменте быстрого донесения информации в массы», а в СССР – в пропаганде, тогда «строгость в графиках сочеталась с агитационной мощью и партийными установками», которые подкреплялись «конструктивистской графикой» [Сахарова, 2026].

Я.В. Лайкова выделяет и описывает такие виды инфографики, как статистика и отчеты; справочная информация как дополнение к главному материалу; иллюстрации, передающие информацию с помощью графического изображения, что «упрощает процесс восприятия»; анимация и видео, что делает возможным интерактивное общение с пользователем; чертежи и схемы; картография, которая помогает «географически привязать данные». Исследователь отмечает, что именно для онлайн-СМИ такие качества информации, как оперативность и интерактивность позволяют пользователю самому управлять информацией – осуществлять скроллинг «по вертикали и горизонтали», использовать гиперссылки [Лайкова, 2014]. Автором детально охарактеризованы такие особенности инфографики, как мультимедийность и интерактивность (возможность для «пользователя менять изображение и контент на экране») и функции инфографики, детерминированные типом издания – информационная, познавательно-просветительская, развлекательная [Лайкова, 2015], а также систематизированы базовые элементы инфографики, к которым относятся прежде всего графики («линейные, временные шкалы»), различные диаграммы (например, секторные, столбиковые), схемы и иллюстрации, которые также бывают иконическими (пиктограммы – упрощенное изображение объекта), фотографическими, техническими, 3D-иллюстрации, таблицы и карты. Выделены и такие признаки мультимедийной инфографики, как технология создания, область ее применения (реклама, издательская деятельность); способы иллюстрирования – двух- и трехмерная графика; динамичная или статичная графика. Также инфографику выделяют по способу интеграции в текст – она может представлять собой самостоятельную одностраничную публикацию, компонент статьи или «многостраничный интерактивный проект с использованием аудиовизуальных технологий» [Лайкова, 2015].

В ряде публикаций подробно рассмотрены функции инфографики в деловых онлайн-СМИ и способы их подачи. Так, информационная функция реализуется за счет размещения большого количества новых сведений, «статистических данных по актуальной проблеме»; воздействующая реализуется с помощью образов – «в заголовках, в выборе цветовой палитры»; развлекательная – с помощью «визуальных приемов и интерактивных элементов, понятных пользователю символов, юмористических и анекдотических ситуаций» [Золотова, 2015]; иллюстративная функция реализуется через оригинальность и привлекательность за счет «наглядности и компактности визуальных данных», а когнитивная функция находит выражение в структурировании и систематизации информации и целостном восприятии образов [Трушко, Шпаковский, 2017].

Анализу инфографики информационного агентства ТАСС посвящено исследование Г.С. Зуевой, рассмотревшей раздел спецпроектов на сайте агентства за 2019–2020 гг. и заключившей, что со временем данный формат усложняется в плане применения интерактивных элементов и многочисленных технических возможностей. Автор приходит к выводу, что интерактивность – ключевое свойство инфографики, которое «позволяет взаимодействовать с аудиторией, вовлекать пользователя в чтение текста, удерживать интерес и внимание с помощью интерактивных возможностей, элементов геймификации, иммерсивных технологий», однако первостепенная роль в удержании читательского интереса сохраняется за текстовым компонентом и иллюстрацией [Зуева, 2021].

Однако отмеченные работы носят преимущественно теоретический или описательный характер, опираются на экспертные оценки, но не содержат эмпирических данных о том, какие характеристики инфографики реально доминируют в практике

российских СМИ, особенно в кризисной повестке. Остается неясным, используются ли интерактивные и динамические возможности, какие типы нарратива и визуализации преобладают, насколько фактическое применение инфографики соответствует ее декларируемым функциям. Эмпирических исследований, системно анализирующих инфографику российских информагентств в условиях пандемии, не проводилось.

В данном исследовании под инфографикой понимается целостный мультимодальный медиапродукт, объединяющий текст, статические или динамические изображения, а также визуализацию данных (графики, диаграммы, карты, схемы, временные шкалы). Термин «визуализация данных» используется только для обозначения графической составляющей инфографики и не является ее синонимом.

Цель исследования – определить, какие характеристики инфографики и в какой степени реализованы в кризисной повестке, а также выявить доминирующие типы визуализации и нарратива.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили единицы анализа – 26 инфографических материалов (спецпроект), опубликованных в информационных агентствах ТАСС (12 материалов) и РИА Новости (14 материалов) и полученных методом сплошной выборки. Выбор источников обусловлен наличием в их структуре отделов спецпроектов и мультимедийной инфографики. Хронологические рамки – с ноября 2020 г. по ноябрь 2021 г. – связаны с началом и последующей динамикой пандемии COVID-19. Основной метод анализа – контент-анализ.

В качестве основных единиц счета был выделен ряд параметров, сгруппированных по четырем направлениям:

- 1) тематические признаки, позволяющие определить предмет отображения (процесс, событие, личность и ситуация) и сферу общественной жизни;
- 2) структурные признаки, выявляющие тип нарратива (линейный, нелинейный или гибридный нарратив) и композицию;
- 3) функциональные признаки, отражающие функции инфографики (информационная, воздействующая, иллюстративная, когнитивная);
- 4) интерактивность. Интерактивность определялась как наличие хотя бы одного из перечисленных признаков: фильтрации данных, наведения с подсказкой, клика с изменением содержания, динамической смены периода, управляемой пользователем анимации, масштабирования/панорамирования, ввода данных. Кодирование проводилось путем тестирования каждого инфографического материала в браузере (проверка реакции на наведение, клик, попытку фильтрации).

Результаты и их обсуждение

Анализ 26 единиц инфографики РИА «Новости» и ТАСС показал, что 20 материалов (76,9 %) посвящены теме здоровья и медицины в целом, преимущественно пандемии COVID-19. В рамках этой темы встречались следующие подтемы: вакцинация (8 ед.), профилактика и симптоматика (по 2 ед.), летальность (4 ед.), динамика распространения (7 ед.).

Политическая тематика (обязательная вакцинация в разных странах, действия правительства) не являлась самостоятельной, но встречалась как подтема в 6 из 26 единиц (25% от общего числа выборки) – во всех случаях входила в материалы о здоровье и медицине. Отдельных инфографических материалов политической направленности не выявлено. Экология, бизнес, развлечения, религия как темы в выборке отсутствуют. Остальные материалы распределились следующим образом: социальная политика/экономика (пособия на детей, господдержка россиян, городское хозяйство) – 4 ед. (15,4 %); технологии / IT – 1 ед. (3,8%), бытовые и досуговые темы (елочные базары, субботники, загородный отдых) – 1 ед. (3,8%), (только в ТАСС).

В объединенной выборке отображение ситуаций представлено в 12 материалах, (46,2 %); процессов – в 11 (42,3 %), а событий/личностей – 11,5 %, или 3 материала, только в ТАСС.

Анализ структурных признаков (типа нарратива и композиционной модели) показал преобладание линейного нарратива, то есть последовательного авторского повествования, предполагающего чтение сверху вниз или слева направо. В объединенной выборке (n = 26) линейный нарратив зафиксирован в 24 материалах (92,3%), нелинейный – в 2 материалах (7,7%). По отдельным агентствам (проценты рассчитаны от числа материалов внутри каждого агентства) распределение следующее: в РИА «Новости» (n = 12) все 12 материалов (100%) имеют линейный нарратив, нелинейные отсутствуют; в ТАСС (n = 14) линейный нарратив зафиксирован в 12 материалах (85,7%), нелинейный – в 2 материалах (14,3%).

По способу интеграций визуализаций было обнаружено, что в 21 материале визуализация выполняет роль иллюстрации к тексту, в 5 материалах является центральным элементом страницы. Интерактивность отсутствует во всех рассмотренных инфографических материалах обоих агентств. Все анализируемые материалы – статичные. Динамичные (анимированные) визуализации отсутствуют.

Интерактивность как возможность не использована: нет элементов управления данными, наведения, кликов, фильтрации (табл. 1).

Таблица 1

Table 1

Типы визуализаций в ИА ТАСС и РИА «Новости» (n = 26)
Types of visualizations in the information agencies ITAR-TASS and (n = 26)

Тип визуализации	ТАСС, % (n)	РИА «Новости», % (n)	Объединенная выборка, % (n)
Иконические знаки / пиктограммы	85,7 (12)	66,7 (8)	76,9 (20)
Текстовые списки / таблицы	57,1 (8)	50,0 (6)	53,8 (14)
Крупные типографические числа	28,6 (4)	8,3 (1)	19,2 (5)
Линейные графики / таймлайны	21,4 (3)	16,7 (2)	19,2 (5)
Столбчатые диаграммы	7,1 (1)	16,7 (2)	11,5 (3)
Карты	14,3 (2)	0	7,7 (2)
Круговые диаграммы	0	8,3 (1)	3,8 (1)
Всего	214,2%	166,7%	192,1%

Примечание: сумма процентов по каждому агентству превышает 100 % в связи с мультикодированием (один материал мог содержать несколько типов визуализации).

С точки зрения современных технологических возможностей фиксируется значительный разрыв между доступными инструментами (интерактивные графики, анимированные дашборды, фильтруемые таблицы) и их реальным применением. Во всех рассмотренных материалах обоих агентств использованы статичные, неинтерактивные форматы. По результатам анализа инфографических материалов выделены функции (материал может реализовывать несколько функций одновременно) (табл. 2).

Таблица 2
 Table 2

Функции инфографики в ИА «ИТАР-ТАСС» и РИА «Новости»
 Functions of infographics in the information agencies ITAR-TASS and RIA

Функция	Для материалов в каждом агентстве		Критерий
	ИТАР-ТАСС	РИА «Новости»	
Информационная	100%	100%	Передача фактических данных, статистики, инструкций, сравнений
Воздействующая	35,7%	25%	Явный призыв к действию или формирование отношения
Иллюстративная	100%		Использование иконических знаков, таблиц, диаграмм, графиков для облегчения восприятия
Когнитивная	92,9%	91,7%	Осмысление сложных данных через организацию (модули, временные шкалы, сравнения)

Примечание: Один материал мог реализовывать несколько функций, поэтому сумма по каждому агентству превышает 100 %.

Информационная и иллюстративная функции реализованы во всех 26 материалах (100% выборки). Когнитивная функция присутствует в подавляющем большинстве: 92,9 % материалов ТАСС и 91,7 % материалов РИА Новости. Исключения составили два примера: простой список стран без внутренних связей в ТАСС и инфографика о елочных базарах в РИА Новости.

Воздействующая функция более определенно выражена в материалах ТАСС (35,7 % против 25 % от числа материалов каждого агентства). В ТАСС это проявляется через императивные конструкции («соблюдайте», «стирайте маску») и прямое цитирование представителей органов здравоохранения. В РИА Новости воздействие в большей степени реализуется через рационально-аналитические элементы дискурса (например, тезис о необходимости массовой вакцинации).

Полученные данные согласуются с результатами других исследований, посвященных инфографике в российских СМИ. Так, Г.С. Зуева (2021) отмечает, что инфографика ТАСС в основном представлена статичными форматами, ориентированными на оперативное информирование, что соответствует выявленному нами преобладанию линейного нарратива (92,3%) и отсутствию динамических элементов. С.И. Симакова и А.П. Енбаева [Симакова, Енбаева, 2018] отмечают редкое использование интерактивных возможностей в российской инфографике в целом. Данное исследование конкретизирует этот вывод применительно к кризисной повестке: ни одна из 26 единиц инфографики не содержала возможностей фильтрации, кликов или наведения. Таким образом, выявленные характеристики не являются специфическими для кризисной повестки COVID-19, а отражают устойчивую практику российских агентств.

Таким образом, в обоих информационных агентствах в исследуемый период инфографика использовалась преимущественно как иллюстративный, вспомогательный элемент аналитики, а не как самостоятельный инструмент выявления закономерностей или характеристики ситуаций.

Заключение

В ходе исследования установлено:

1. Тематические характеристики. Доминирующая тема – здоровье и медицина (20 из 26 материалов, 76,9%). Политическая тематика встречалась только как подтема внутри материалов о здоровье (в 6 из 26 материалов, 25%).

2. Предмет отображения. Ситуация зафиксирована в 12 материалах (46,2%), процесс – в 11 (42,3%), событие/личность – в 3 (11,5%).

3. Структурные характеристики. Преобладает линейный нарратив (24 материала, 92,3%). Нелинейный нарратив выявлен в 2 материалах (7,7%).

4. Технические характеристики. Все 26 материалов являются статичными. Интерактивность (фильтрация, клик, наведение, управляемая анимация и др.) отсутствует.

5. Типы визуализации. Наиболее распространены иконические знаки/пиктограммы (20 материалов, 76,9%) и текстовые списки/таблицы (14 материалов, 53,8%). Линейные графики и крупные типографические числа встретились в 5 материалах (по 19,2%), столбчатые диаграммы – в 3 (11,5%), карты – в 2 (7,7%), круговые диаграммы – в 1 (3,8%).

6. Функции. Информационная и иллюстративная функции реализованы во всех 26 материалах (100%). Когнитивная функция – в 24 материалах (92,3%). Воздействующая функция зафиксирована в 35,7% материалов ТАСС (5 из 14) и в 25% материалов РИА Новости (3 из 12).

Выборка включает 26 инфографических материалов двух информагентств за период с ноября 2020 по ноябрь 2021 года. (пик пандемии COVID-19). Это сплошная совокупность всех доступных инфографических публикаций по теме за указанный период в данных агентствах. В исследовании проанализирован контент, а не восприятие аудитории. Результаты могут не отражать всей практики дата-журналистики в России за пределами выбранных агентств и хронологических рамок. Расширение выборки (другие СМИ, периоды) и проведение рецептивных исследований (опросы, фокус-группы) позволят оценить эффективность различных типов визуализации с позиций аудитории.

Список литературы

- Вартанова Е.Л. 2021. Цифровая журналистика как новое поле академических исследований. *Меди@льманах*, 6(107): 8–14. DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2021.814
- Вартанова Е.Л. 2022. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды. *Меди@льманах*, 2(109): 8–14. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2022.814
- Ерофеева И.В. 2016. Языковая модель эффективности современного медиатекста. В кн.: *Язык в различных сферах коммуникации. Материалы II Международной научной конференции (Чита, 29-30 сентября 2016 г.)*. Под ред. Л.В. Черепановой, Ю.В. Щуриной, А.В. Ивановой. Чита, Забайкальский государственный университет: 119–121.
- Золотова Е.С. 2015. Инфографика как способ повышения эффективности деловых интернет-СМИ. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры*, 4(144): 27–32.
- Зуева Г.С. 2021. Инфографика в информационном агентстве «ТАСС»: форматы, цели, функции. *Труды БГТУ. Серия. 4, Принт- и медиатехнологии*, 1(243): 34–39.
- Крам Р. 2015. Инфографика: визуальное представление данных. Пер. с англ. О. Сивченко. Под ред. Н. Гринчика. Санкт-Петербург, Питер, 384 с. (Krum R. 2013. *Cool infographics. Effective communication with data visualization and design*. Wiley, 368 p.)
- Лайкова Я.В. 2015. Инфографика как медиатекст в онлайн-СМИ: функции и классификация. *Меди@льманах*, 2(67): 20–30.

- Орынбай Г.Т., Кажикенова А.Ш., Алибиев Д.Б. 2020. Инфографика как современный способ предоставления информации. *Вестник науки*, 4(12(33)): 166–168.
- Симакова С.И. 2019. Философско-эстетические основания визуальных практик в журналистике. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 3(33): 166–174. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10320
- Симакова С.И., Енбаева А.П. 2018. Интерактивная инфографика в типологии инфографического контента. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 1(27): 129–136.
- Смирнова Е.А. 2012. Инфографика в системе журналистских жанров. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика*, 1(11): 92–95.
- Трушко Е.Г., Шпаковский Ю.Ф. 2017. Инфографика как современный способ представления информации. *Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатеchnологии*, 1(195): 111–117.
- Шевченко П.Г., Деева И.В. 2022. Инфографика в деловых электронных СМИ. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 11–5(74): 187–191. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-11-5-187-191
- Щепилова Г., Щепилов К. 2013. Модели эффективности рекламы и ее воздействие на потребителя. *Меди@льманах*, 3(56): 6–14.

References

- Vartanova E.L. 2021. Tsifrovaya zhurnalistika kak novoe pole akademicheskikh issledovaniy [Digital Journalism as a New Field of Academic Research]. *Medi@l'manakh*, 6(107): 8–14. DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2021.814
- Vartanova E.L. 2022. K voprosu o posledstviyakh tsifrovoi transformatsii mediasredy [On the Consequences of the Digital Transformation of the Media Environment]. *Medi@l'manakh*, 2(109): 8–14. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2022.814
- Erofeeva I.V. 2016. Linguistic Model of Modern Journalistic Text Effectiveness. In: *Yazyk v razlichnykh sferakh kommunikatsii* [Language in various spheres of communication]. Proceedings of the II International Scientific Conference (Chita, September 29-30, 2016). Eds. L.V. Cherepanova, Yu.V. Shchurina, A.V. Ivanova. Chita, Publ. Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet: 119–121.
- Zolotova E.S. 2015. Infographics as a way to enhance business online-media. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 4(144): 27–32 (in Russian).
- Zueva G.S. 2021. Infographics in the TASS Russian News Agency: formats, aims and functions. *Proceedings of BSTU. Issue 4. Print- and Mediatechnologies*, 1(243): 34–39 (in Russian).
- Kram R. 2015. Infografika: vizual'noe predstavlenie dannykh [Infographics: Visual Presentation of Data]. Transl. from Engl. O. Sivchenko. Ed. N. Grinchik. St. Petersburg, Publ. Piter, 384 p. (Krum R. 2013. Cool infographics. Effective communication with data visualization and design. Wiley, 368 p.)
- Laikova Ya.V. 2015. Infografika kak mediatekst v onlain-SMI: funktsii i klassifikatsiya [Infographics as a media text in online media: functions and classification]. *Medi@l'manakh*, 2(67): 20–30.
- Orynбай G.T., Kazhikenova A.Sh., Alibiev D.B. 2020. Infografika kak sovremenniy sposob predstavleniya informatsii [Infographics as a modern way of presenting information]. *Vestnik nauki*, 4(12(33)): 166–168.
- Simakova S.I. 2019. Philosophical and Aesthetic Foundations of Visual Practices in Journalism. *Sign. Problematic Field of Media Education*, 3(33): 166–174 (in Russian). DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10320
- Simakova S.I., Enbayeva A.P. 2018. Interactive infographic in the typology of the infographical content. *Sign. Problematic Field of Media Education*, 1(27): 129–136.
- Smirnova E.A. 2012. The Infographics in the System of Journalistic Genres. *Science Journal of VolsU. Literary Criticism. Journalism*, 1(11): 92–95.
- Trushko Ye.G., Shpakovskiy Yu.F. 2017. Infographics as a Modern Way of Information Presentation. *Proceedings of BSTU. Issue 4. Print- and Mediatechnologies*, 1(195): 111–117 (in Russian).
- Shevchenko P.G., Deeva I.V. 2022. Infographics in Business Electronic Media. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 11–5(74): 187–191. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-11-5-187-191
- Shchepilova G., Shchepilov K. 2013. Modeli ehffektivnosti reklamy i ee vozdeistvie na potrebitelya [Models of advertising effectiveness and its impact on consumers]. *Medi@l'manakh*, 3(56): 6–14.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.11.2025

Поступила после рецензирования 01.05.2026

Принята к публикации 18.05.2026

Received November 19, 2025

Revised May 01, 2026

Accepted May 18, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Авдонина Наталья Сергеевна, кандидат политических наук, доцент, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия.

Natalia S. Avdonina, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia.

Скокова Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, РГУ им. А.Н. Косыгина, г. Москва, Россия.

Tatyana V. Skokova, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, The Kosygin State University of Russia, Moscow, Russia.

УДК 316.77:070
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-226-237
EDN HWBUFL

Становление комплекса СМИ Союзного государства России и Республики Беларусь

¹ Быкова П.И., ² Короченский А.П.

¹ Редакция областной газеты «Южноуральская панорама»
Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Васенко, д. 63

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
jourscience@gmail.com; prensa@yandex.ru

Аннотация. Медиа играют ключевую роль в формировании общественной поддержки интеграционных процессов России и Беларуси в рамках Союзного государства. Однако их эффективность зависит от соответствия контента интересам разных аудиторий, а не только установкам государственных институтов. Комплексный анализ миссии и типологии медиа Союзного государства до сих пор отсутствовал. Цель исследования – выявить характеристики комплекса СМИ Союзного государства, осуществляющего медийную поддержку союзнических отношений и единого информационного пространства. Проведен контент-анализ публикаций (около 100 номеров газет «СОЮЗ. Беларусь – Россия», «Союзное вече», журнала «Союзное государство» за период с 2021 по 2026 год), а также анализ 50 теле- и радиопрограмм («БелРос», Первое союзное радио, «Радио России», радио «Комсомольская правда»). Результаты показали, что основная миссия медиа Союзного государства – информирование о совместных проектах и формирование положительного имиджа двух стран. Все институты Союзного государства располагают собственными СМИ, основная аудитория которых – государственные чиновники и парламентарии, что объясняет преимущественно официальный характер контента. Общественно-политические издания («СОЮЗ. Беларусь – Россия», «Союзное вече», «Союзное государство») демонстрируют большее тематическое и жанровое разнообразие. Сделан вывод о необходимости расширения аудитории СМИ Союзного государства за счёт освещения интеграционных проектов в социальных сетях и создания контента, привлекательного для молодёжной аудитории

Ключевые слова: интеграция, медиакомплекс Союзного государства, информационная политика, медиакритика, социальные сети, контент СМИ, жанры массмедиа

Для цитирования: Быкова П.И., Короченский А.П. 2026. Становление комплекса СМИ Союзного государства России и Республики Беларусь. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 226–237. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-226-237 EDN: HWBUFL

Formation of the Media Complex of the Union State of Russia and the Republic of Belarus

¹ Polina I. Bykova, ² Alexander P. Korochensky

¹ The editorial office of the regional newspaper "Yuzhnouralskaya Panorama"
63 Vasenko St., Chelyabinsk 454091, Russia

² Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
jourscience@gmail.com; prensa@yandex2.ru

Abstract. The media play a key role in shaping public support for the integration processes of Russia and Belarus within the framework of the Union State. However, their effectiveness depends on the content matching the interests of different audiences, not just the attitudes of government institutions.

A comprehensive analysis of the mission and typology of the media of the Union State has so far been lacking. The purpose of the study is to identify the characteristics of the media complex of the Union State, which provides media support for allied relations and a single information space. A content analysis of publications was carried out (about 100 issues of the newspapers "SOYUZ. Belarus-Russia", "Union Veche", the magazine "Union State" for the period from 2021 to 2026), as well as an analysis of 50 television and radio programs ("BelRos", the First Union Radio, "Radio of Russia", radio "Komsomolskaya Pravda"). The results show that the main mission of the media of the Union State is to inform about joint projects and create a positive image of the two countries. All institutions of the Union State have their own media outlets, the main audience of which are government officials and parliamentarians, which explains the predominantly official nature of the content. Socio-political publications ("SOYUZ. Belarus-Russia", "Union Veche", "Union State") demonstrate greater thematic and genre diversity. It is concluded that it is necessary to expand the audience of the media of the Union State by covering integration projects on social networks and creating content attractive to a youth audience.

Keywords: integration, Union State media complex, information policy, media criticism, social media, media content, media genres

For citation: Bykova P.I., Korochensky A.P. 2026. Formation of the Media Complex of the Union State of Russia and the Republic of Belarus. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(2): 226–237 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-226-237 EDN: HWBUFL

Введение

Поддержка интеграционных проектов России и Беларуси невозможна без активного участия средств массовой информации. Медиа не только транслируют официальную повестку, но и формируют отношение граждан к союзному строительству. Вместе с тем эффективность медийного сопровождения интеграции зависит не столько от количества созданных институтов и действующих при них СМИ, сколько от эффективности этой деятельности и востребованности контента у разных аудиторий. За 25 лет существования Союзного государства (СГ) его медийное сопровождение остаётся дискуссионным.

В научных работах преимущественно рассматривались печатные и электронные издания с точки зрения трансляции идей и смыслов СГ на российско-белорусскую аудиторию. Так, Е.В. Мартыненко считает необходимым формирование многоуровневой информационной системы Союзного государства – учреждение еще большего количества СМИ, рассказывающих о СГ, и издание союзных СМИ «в качестве приложений или постоянных тематических колонок (разделов) в региональных средствах массовой информации России и Беларуси», что может обеспечить эффективную информационную политику СГ [Мартыненко, 2024, с. 20]. По мнению С.Ю. Попова, необходимо менять информационную систему СГ в целом [Попов, 2015, с. 101]. Он предлагает уточнить формат работы союзных СМИ – конкретизировать цели, задачи медиа, а также повысить качество контента, что должно способствовать формированию позитивного имиджа Союзного государства как в печатных, так и в электронных изданиях. Реформирование информационной политики СГ считает актуальной задачей и белорусский исследователь Е.В. Красимова, утверждающая, что изменение существующих подходов обеспечит еще большее сближение России и Беларуси, тем самым повысив привлекательность интеграционного проекта в мировом пространстве и противодействуя негативному влиянию Европы и США [Красимова, 2021, с. 57]. Эксперт аналитического центра республиканского общественного объединения «Белая Русь» В.В. Старичёнок полагает, что необходимо создать Институт интеграции, занимающийся анализом союзного медиапространства и сосредоточенный непосредственно на российско-белорусской аудитории за счет целенаправленной и структурированной коммуникации [Старичёнок, 2018, с. 286]. С точки зрения О.Г. Трифановой, ввиду недостаточно эффективной популяризации политики Союзного государства идея интеграции двух братских народов находится на начальной стадии репутационного кризиса [Трифанова, 2017, с. 334], причины

которого автор видит в недостаточном использовании цифровых технологий на медиаплощадках СГ и малочисленность публикаций в региональных СМИ о проектах двух государств. А.В. Беляев обращает внимание на такую важную проблему, как отсутствие союзных правовых актов, регулирующих создание единого информационного пространства [Беляев, 2025, с. 18], поскольку законодательства России и Беларуси имеют отличия в вопросах информационной безопасности, регулирования деятельности СМИ, распространения информации в Интернете, квалификации СМИ и некоммерческих организаций как иностранных агентов. Однако, несмотря на обилие предложений по совершенствованию информационной политики СГ, подробный анализ реально существующего комплекса СМИ Союзного государства – их миссии, функционала, типологии и аудитории – до настоящего времени не проводился.

Цель исследования – выявить характеристики комплекса СМИ Союзного государства, осуществляющего медийную поддержку союзнических отношений и единого информационного пространства.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой послужили документы о создании Союзного государства, публикации СМИ, размещенные на медиаплощадках СГ и рассмотренные в рамках типологического и дискурс-анализа. Было изучено около 100 номеров газет «СОЮЗ. Беларусь-Россия», «Союзное вече» и журнала «Союзное государство» – единственных СМИ Союзного государства России и Республики Беларусь. Кроме того, рассмотрены 50 теле- и радиопрограмм телеканала «БелРос», Первого союзного радио, а также «Радио России» и радио «Комсомольская правда», выпускающих контент о деятельности СГ с 2021 по 2026 год.

Результаты исследования

Укрепление сотрудничества. Союзное государство – интеграционный проект Российской Федерации и Республики Беларусь, надгосударственное образование, объединяющее две страны и регламентирующееся договором «О создании Союзного государства». Среди целей договора – формирование единого экономического пространства, единой правовой системы, обеспечение безопасности Союзного государства и борьба с преступностью. Союзное государство базируется на принципах суверенного равенства государств-участников. Договор гласит, что СГ создается на принципах добровольности и добросовестного выполнения взаимных обязательств. Каждое государство-участник сохраняет суверенитет, независимость, территориальную целостность, государственные флаги, гимн. В Договоре также говорится, что граждане Союзного государства пользуются равными правами и имеют равные обязанности на территории другого государства-участника. Рабочий язык ведомств и организаций СГ – русский¹.

В договоре СГ обозначены органы власти: Высший государственный совет Союзного государства, возглавляемый президентом Республики Беларусь А. Лукашенко; Парламентское собрание Союза Республики Беларусь и России (председатель – спикер Госдумы РФ В. Володин); Совет министров СГ, возглавляемый председателем правительства РФ М. Мишустиним. В ст. 18 Договора указано, что Россия и Беларусь участвуют в формировании «общего научного, технологического и информационного пространства»². Однако в Республике Беларусь по-разному относятся к идее строительства

¹ О создании Союзного государства. 1999. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/ (дата обращения: 15.02.2026).

² О создании Союзного государства. 1999. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/ (дата обращения: 15.02.2026).

Союзного государства. Укрепление дружбы двух стран поддерживают преимущественно государственные организации и издания.

Анализ публикаций о СГ, размещенных на ресурсах правительственных СМИ, позволил составить тематический рейтинг. Его возглавляют публикации, посвященные гарантиям безопасности, «ядерному зонтику», размещению на территории Беларуси комплекса «Орешник»¹. СМИ СГ также активно информируют о сотрудничестве союзных предприятий, программах импортозамещения, внедрении цифровых технологий, росте товарооборота². В то же время белорусские издания, позиционирующие себя как независимые, выступают против сотрудничества двух стран. По мнению представителей организации Media IQ, признанной в Белоруссии в 2024 году экстремистской, республика, укрепляя связи с Россией, теряет суверенитет, свою национальную идентичность и экономически от нее зависит.

Другое республиканское оппозиционное СМИ – информагентство «Позірк» (признано в Беларуси экстремистским формированием), работающее сегодня за границей, называет Беларусь «российским военным форпостом на восточном фланге НАТО», который «представляет угрозу Восточной Европе»³.

Подобная недружественная риторика содержится в СМИ и материалах аналитических центров США и ЕС, которые скептически относятся к интеграции России и Беларуси, называя последнюю «буферным государством», «военным плацдармом РФ». В материалах о Союзном государстве западных экспертов часто можно встретить такие понятия, как «гибридная аннексия», «вассализация», «стратегический вызов для Восточной Европы»⁴. Отдельные исследователи и журналисты утверждают, что Беларусь якобы с каждым годом становится всё более зависимой от России в политической, экономической и военной сферах и рискует утратить свой суверенитет⁵.

Несмотря на негативную реакцию коллективного Запада, за последние несколько лет Россия и Беларусь укрепили сотрудничество во всех сферах: утвердили программу импортозамещения, приняли военную доктрину Союзного государства, договоры о гарантиях безопасности, о едином рынке электроэнергии, Соглашение о единых правилах защиты прав потребителей. Кроме того, Россия включила Беларусь в свою ядерную доктрину. В настоящее время идет разработка новой дорожной карты взаимодействия до 2029 года. В числе приоритетных направлений – технологический суверенитет,

¹ Союзному государству 25 лет. Каким видят будущее союза Лукашенко и Путин. 2024. БЕЛТА, 04.12.2024. URL: <https://belta.by/president/view/sojuznomu-gosudarstvu-25-let-kakim-vidjat-budushee-sojuza-lukashenko-i-putin-680222-2024/#:~:text=Союзному%20государству%20%2025%20лет.,будущее%20союза%20Лукашенко%20и%20Путин> (дата обращения: 15.02.2026).

² Ефимов А. 2024. Единая промполитика Беларуси и РФ выступает мощной платформой для интеграционных процессов в СГ. БЕЛТА, 06.12.2024. 2024. URL: <https://belta.by/comments/view/edinaja-prompolitika-belarusi-i-rf-vystupaet-moschnoj-platfornoj-dlja-integratsionnyh-protsessov-v-sg-9497/#:~:text=В%20декабре%20этого%20года%20-%20юбилей%20Союзного,в%20этом%20высказал%20министр%20промышленности%20Беларуси%20Александр> (дата обращения: 15.02.2026).

³ Moore W. 2026. US Report Says Belarus Is a Forward Military Extension of Russia. Voenoedelo, February 01, 2026. URL: <https://voenoedelo.com/en/posts/id12715-us-intelligence-calls-belarus-a-russian-military-outpost> (accessed: February 15, 2026).

⁴ Taranov A. 2025. New Security Arrangements Between Moscow and Minsk Cement Russia's Influence (Part 1). Jamestown, February 12, 2025. URL: [https://jamestown.org/new-security-arrangements-between-moscow-and-minsk-cement-russias-influence-part-1/#:~:text=One%20claim%20is%20that%20the%20United%20States,critical%20information%20infrastructure%20\(Soyuz.by%20December%2017%202024](https://jamestown.org/new-security-arrangements-between-moscow-and-minsk-cement-russias-influence-part-1/#:~:text=One%20claim%20is%20that%20the%20United%20States,critical%20information%20infrastructure%20(Soyuz.by%20December%2017%202024) (accessed: February 15, 2026).

⁵ Turarbekava R. 2024. The Union State: Belarus' Increasing Dependence on Russia and the Risk of Sovereignty Erosion, 2020-2023. The Stockholm Centre for Eastern European Studies, May 16, 2024. URL: <https://sceeus.se/en/publications/the-union-state-belarus-increasing-dependence-on-russia-and-the-risk-of-sovereignty-erosion-2020-2023/> (accessed: February 15, 2026).

информационная безопасность, энергетика и транспорт, разработка единых стандартов в сфере торговли¹.

Союзным государством были также приняты важные документы по вопросам взаимодействия в медиасфере. К ним относится прежде всего Концепция информационной безопасности СГ, появившаяся в условиях информационной войны Запада против России и Республики Беларусь. Цель Концепции – защита национальных интересов и противодействие негативному воздействию на ресурсы². Второй важный документ – постановление Высшего госсовета Союзного государства о создании медиакомпания СГ, подписанное в 2024 году президентами России и Республики Беларусь В. Путиным и А. Лукашенко. Целью новой структуры названо совершенствование информационного освещения деятельности Союзного государства и оптимизация системы управления средствами массовой информации СГ³. Задача медиакомпания, объединившей телеканал, печатные средства массовой информации и ресурсный медиацентр по созданию, адаптации и распространению контента в цифровых средах, – оперативное информирование населения обеих стран о событиях, происходящих в СГ, распространение объективной и актуальной информации, содействие взаимопониманию и укреплению дружбы между двумя народами⁴. Головной офис медиакомпания открыт в Москве, в Минске имеется его представительство. Финансируется организация из бюджета СГ. Отметим, что Россия ежегодно вкладывает в «союзную» казну около 65% общей суммы, Белоруссия – около 35%⁵ (см. таблицу).

Динамика расходов России и Беларуси на медиа Союзного государства
Dynamics of Russia and Belarus's spending on Union State media

Год	Общие доходы Союзного государства	Расходы на медиа СГ
2024	~6,97 млрд рублей	~1-1,2 млрд рублей
2025	~7,597 млрд рублей	~1,4-1,6 млрд рублей
2026	Более 8,0 млрд рублей	~1,8 млрд. рублей

Как отметил экс-председатель Комиссии Парламентского Собрания Союза Беларуси и России по информационной политике А. Наумович, «в нынешнем беспокойном мире очень важно доносить до людей взвешенную и точную информацию, осознавая всю меру ответственности за каждое печатное или эфирное слово»⁶. В статье «Особая роль информации» он цитирует президента Республики Беларусь А. Лукашенко, который в 2013 г. на традиционной пресс-конференции заявил, что его пиар заключается только в одном:

¹ Meeting with deputy prime ministers on current issues 9 February 2026. 2026. The Russian Government, February 9, 2026. URL: <http://government.ru/en/news/57792/> (accessed: February 15, 2026).

² Об утверждении Концепции информационной безопасности Союзного государства. 2023. Министерство иностранных дел Российской Федерации, 01.03.2023. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1856195/ (дата обращения: 15.02.2026)

³ О создании Медиакомпания Союзного государства. 2024. Постановление от 29 января 2024 г. № 3. Информационно-политический портал Союзного государства, 31.01.2024. URL: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/postanovlenie-ot-29-yanvarya-2024-g-3-o-sozdanii-mediakompanii-soyuznogo-gosudarstva> (дата обращения: 15.02.2026).

⁴ Фомченков Т. 2024. Депутаты Союзного государства назвали цели медиахолдинга. RG, 17.07.2024. URL: <https://rg.ru/2024/07/17/argumenty-s-cifroj.html> (дата обращения: 15.02.2026).

⁵ Овчинникова Ю. 2024. Союзное государство России и Белоруссии – цель и история создания. РБК, 17.09.2024. URL: <https://www.rbc.ru/base/17/09/2024/6be9a269a794757a75f9ccd> (дата обращения: 15.02.2026).

⁶ Особая роль информации. 2014. Союзное вече, 29.01.2024. URL: <https://www.souzveche.ru/articles/our-union/22640/?ysclid=mftn5c9y8t689544447> (дата обращения: 15.02.2026).

чтобы люди в России знали о жизни в Белоруссии и ее проблемах. «Для чего? А для того, чтобы мы не разошлись в разные стороны и, упаси Господь, не смотрели друг на друга по разные стороны баррикад. Вот этого мы допустить не должны», – отметил президент Беларуси¹.

СМИ Союзного государства

Работу медиа в Союзном государстве регулирует Совет министров Союзного государства, а координацию и реализацию информационной политики осуществляет Постоянный Комитет СГ.

СМИ Союзного государства ведут свою историю с момента основания СГ в 1999 году. Среди первых изданий – газета «**СОЮЗ. Беларусь-Россия**», представляющая собой вкладыш к «Российской газете» и к республиканской белорусской газете «Советская Белоруссия». Материалы выходят еженедельно на четырех полосах. Тираж общественно-политической газеты «СОЮЗ. Беларусь-Россия» – 321 429 экз. По данным министерства информации Республики Беларусь, это издание читают более 5 млн человек – госслужащие, политики, бизнесмены, ученые, деятели культуры, науки, образования². Целевая аудитория издания – люди старше 55 лет. Анализ 33 номеров показал следующие результаты. Наблюдается баланс между «паркетной» и общественно-политической журналистикой, в информационно-событийный ряд включаются совместные научные проекты в области цифровых технологий, энергетики, медицины, сельского хозяйства. В газете регулярно публикуются материалы о новых законах и программах Союзного государства. Большое внимание уделяется культурной жизни СГ: представлены разножанровые публикации о театральных постановках, выставках, интервью с актерами, режиссерами, художниками. В 2025 году у аудитории вызвали интерес такие темы, как рекордный товарооборот между Россией и Республикой Беларусь, технологии импортозамещения в строительстве, рост пассажиропотока на железных дорогах между двумя странами, совместные военные учения «Запад-2025».

К печатным СМИ Союзного государства относится также общественно-политическая газета «**Союзное вече**» – издание Парламентского собрания Союза Белоруссии и России. В России оно выходит в качестве приложения к газете «Комсомольская правда», а в Беларуси – к «Народной газете». Тираж «Союзного веча» в России составляет 300 тыс., в Беларуси – 20 тыс. Газета бесплатно распространяется в министерствах и ведомствах Союзного государства, а также на форумах, конференциях, выставках, совещаниях и т.п. Аудитория газеты – чиновники, депутаты, участники союзных проектов.

В отличие от издания «СОЮЗ. Беларусь-Россия» газета «Союзное вече» делает акцент на аналитике. Анализ 30 выпусков показал, что несколько полос посвящаются работе президентов РФ и Беларуси, а также деятельности Парламентского Собрания СГ. Приведем типичные заголовки: «*Владимир Путин и Александр Лукашенко: Наследие СССР должно работать*», «*Владимир Путин: И пусть Господь хранит бойцов*», «*Александр Лукашенко: Украина может исчезнуть как государство*». Газета «Союзное вече» освещает ход СВО, а также включает комментарии российских и белорусских экспертов. В каждом номере имеется контент, связанный с культурой и спортом.

В содержании издания очевидна ориентация на парламентскую тематику. Так, например, в статье «Премия позора» журналист С. Камека рассуждает об обесценивании Нобелевской премии мира и, ссылаясь на спикера Госдумы, председателя Парламентского Собрания Союза Белоруссии и России В. Володина, считающего, что полученные деньги

¹ Особая роль информации. 2014. Союзное вече, 29.01.2024. URL: <https://www.souzveche.ru/articles/our-union/22640/?ysclid=mftn5c9y8t689544447> (дата обращения: 15.02.2026).

² У издания «СОЮЗ. Беларусь – Россия» – более 5 миллионов читателей. 2020. Министерство информации Республики Беларусь, 16.01.2020. URL: <http://mininform.gov.by/news/all/u-izdaniya-soyuz-belarus-rossiya-bolee-5-millionov-chitateley/> (дата обращения: 15.02.2026).

лауреаты тратят на спонсирование оппозиций и революций, утверждает, что она «превратилась в политическую разменную монету»¹.

Статья под заголовком «*Не узаконил статус – давай, до свидания!*» представляет собой развернутый комментарий В. Володина о высылке из России мигрантов, не имевших разрешения на проживание². Отчет о заседании комиссии Парламентского Собрания по культуре под заголовком «*Щит культурного кода*» информирует об обсуждении депутатами Союзного государства идей и подходов к патриотическому воспитанию, исторической памяти и традиционных духовно-нравственных ценностей³.

В «Союзном вече» имеются также публикации информационно-развлекательного характера, посвященные, например, ведущим компаниям Союзного государства, развивающим агротуризм⁴. Кроме еженедельных номеров, выходят и специальные выпуски, посвященные значимым событиям – Дню Победы, Дню единения народов Беларуси и России, международному фестивалю искусств «Славянский базар» в Витебске. Один из спецвыпусков посвящен теме продовольственной безопасности России и Белоруссии⁵. Среди событий, попавших в фокус внимания издания в 2025 году, международный форум «Великое наследие – общее будущее», сессия «Союзное государство: на рубеже эпох», а также первый слет студенческих отрядов Союзного государства, Кубок Содружества по биатлону⁶.

Анализ контента газеты «Союзное вече» выявил значительный объем официоза и недостаточное внимание к жизни рядовых граждан.

Рассмотрим также контент общественно-политического журнала «*Союзное государство*» (выходит с 2006 года, периодичность – 1 раз в месяц, учредители – постоянный комитет Союзного государства, Секретариат Парламентского Собрания Союза Беларуси и России; тираж – 5 тыс. экземпляров, выходит в издательском доме «Комсомольская правда»). Издание позиционирует себя как аналитическое с акцентом на освещение культурных событий.

На первых страницах журнала, как правило, представлен подробный отчет о деятельности первых лиц России и Беларуси. Последовательность публикаций предполагает материал о президенте РБ А. Лукашенко, о президенте РФ В. Путине. Затем следует рубрика «Дневник главы государства» с отчетами о визитах, встречах, поездках, совещаниях. За этой рубрикой следуют публикации об успехах, в том числе совместных, к примеру, в экономике. Далее в издании обсуждаются законы, принятые в Госдуме РФ, а также законопроекты Союзного государства. Особое внимание уделяется освещению программ СГ – военных, научных, промышленных. Имеются также статьи, репортажи о сотрудничестве российских и белорусских регионов в сфере туризма, образования, культуры.

¹ Камека С. 2025. Премия позора. Газета Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, 15–21 октября 2025, № 48. Союзное вече, 21.10.2025. URL: https://www.souzveche.ru/upload/iblock/2c6/2souq2ff86zdwvtjl0tnnigou3juom7o/SV_15102504.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

² Не узаконил статус – давай, до свидания! Газета Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, 15–21 октября 2025, № 48. Союзное вече, 21.10.2025. URL: https://www.souzveche.ru/upload/iblock/2c6/2souq2ff86zdwvtjl0tnnigou3juom7o/SV_15102504.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

³ Пролесковский Р. 2025. Щит культурного кода. Газета Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, 15–21 октября 2025, № 48. Союзное вече, 21.10.2025. URL: https://www.souzveche.ru/upload/iblock/82f/zdzcgoca0rk5wad1voro7k4qkiem3bf/SV_15102506.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

⁴ Хилько К. Колыбельная от пчел. 2025. Сотрудничество РФ и РБ, интеграция, импортозамещение, 7 октября 2025, № 46(8). URL: https://www.souzveche.ru/upload/iblock/c44/c9i94q0dqsx5e37hcerk0ed9p8iuuf3p/SV_Spec_07102516.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

⁵ Союзное вече: газета. 2025. Союзное вече. URL: <https://www.souzveche.ru/> (дата обращения: 15.02.2026).

⁶ Владимиров Е., Нестеров А., Пряхина Е., Васильева Ю. 2025. Союзное государство: чем запомнится 2025. РГ, 23.12.2025. URL: https://rg.ru/2025/12/23/soiuznoe-gosudarstvo-chem-zapomnitsia-2025-god.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fbelrus.ru%2F (дата обращения: 15.02.2026).

Так, например, в одном из выпусков журнала «Союзное государство» представлен репортаж «Поезд Памяти» идет в будущее»¹, информирующий о поездке школьников из бывших советских республик по местам боевой славы в России и Беларуси. В издании представлены также материалы о XII Форуме регионов России и Беларуси, о 68-й Сессии Парламентского собрания Союза России и Белоруссии, где было принято решение об учреждении Комиссии по сохранению и защите исторической памяти. В этом же номере журнала опубликованы отчеты о Петербургском международном экономическом форуме, где обсуждались вопросы технологического суверенитета и импортозамещения в Союзном государстве (заголовок «Сами – и точка») ². В выпуске размещен также репортаж о выставке сельхозтехники «Белагро-2025» под заголовком «Трактор-богатырь, агродрон и суперкомбайн» ³.

Контент-анализ данного журнала выявил приоритетную тематику сохранения исторической памяти. Издание публикует воспоминания фронтовиков, ветеранов Великой Отечественной войны. Выявлена также следующая закономерность: практически в каждом номере издания имеются две-три, а иногда и больше, публикации, посвященные православию и культуре, – о священнослужителях, несущих службу в зоне СВО, древних храмах России и Беларуси, чудотворных иконах, паломничестве, а также репортажи с вернисажей, статьи о культурных проектах двух стран, материалы о развитии кино, театра, интервью с актерами, режиссерами, художниками.

В информационном пространстве Союзного государства действуют и электронные СМИ. События, происходящие в России и Беларуси, до 1 апреля 2026 года освещал **онлайн-телеканал «БелРос»** – телерадиовещательная организация Союзного государства (ТРО), в настоящее время телеканал действует под названием «Союзный». На сайте «БелРос» сообщается, что создание канала позволило значительно улучшить информационное сопровождение строительства Союзного государства. Задача телерадиовещательной организации – распространение объективной информации о политической, экономической и социально-культурной жизни Союзного государства. По данным «БелРос», канал с круглосуточным онлайн-вещанием смотрят 64 млн граждан России, Беларуси и стран СНГ. Зрительское ядро телеканала составляет аудитория в возрасте 40–55 лет и старше. По информации телеканала, интерес к «БелРос» в основном проявляют женщины ⁴. Данное СМИ транслирует информационные и информационно-аналитические, публицистические и культурно-познавательные программы, документальные фильмы. Так, новости Союзного государства представляют собой 10-минутные выпуски, озвученные нейросетью «Антон» и посвященные главным политическим и экономическим событиям в обоих государствах. В тематику контента входят также образование, туризм, культура. В конце выпусков представлена информация о курсах валют, котировках и прогноз погоды.

К информационно-аналитическим программам относятся передачи «Минск-Москва» ⁵, «Наши» ⁶, освещающие восстановление, социально-экономическое и культурное развитие новых регионов России – Донецкой и Луганской народных республик, а также Запорожской и Херсонской областей.

¹ Бруснев М. «Поезд памяти» идет в будущее. Союзное государство, июнь 2025, № 6. Посткомсг, 06.06.2025. URL: https://посткомсг.рф/pdf/book_06_2025.pdf#page/92 (дата обращения: 15.02.2026).

² Чижиков М., Якунин И. 2025. Сами и точка. Союзное государство, июнь 2025, № 6. Посткомсг, 06.06.2025. URL: https://посткомсг.рф/pdf/book_06_2025.pdf#page/38 (дата обращения: 15.02.2026).

³ Трофименко Г. 2025. Трактор-богатырь, агродрон и суперкомбайн. Союзное государство, июнь 2025, № 6. Посткомсг, 06.06.2025. URL: https://посткомсг.рф/pdf/book_06_2025.pdf#page/59 (дата обращения: 15.12.2026).

⁴ БелРос: телеканал. 2025. БЕЛРОС. URL: <https://belros.tv/about/> (дата обращения: 15.02.2026).

⁵ Программа «Минск-Москва». 2025. БЕЛРОС. URL: <https://belros.tv/tv/programs/minsk-moscow/> (дата обращения: 15.02.2026).

⁶ Программа «Наши». 2025. БЕЛРОС. URL: <https://belros.tv/tv/programs/nashi/> (дата обращения: 15.02.2026).

В информационно-аналитической программе «Неделя Союзного государства»¹ ведущие подводят итоги недели, основные тематические блоки – внутренняя и внешняя политика России и Беларуси, экономика, наука, культура и спорт. Ключевые события недели отражаются и в передаче «Беларусь. Главное»².

На канале «БелРос» в рамках цикла, посвященного героям Отечества – участникам СВО и представителям силовых ведомств – выходят специальные репортажи «Верные Родине»³. В структуре контента выделяется программа «Горячая точка»⁴ в редком жанре политической сатиры. Ведущая Е. Золотова в сатирическом ключе комментирует высказывания западных лидеров в публичном пространстве, а также разоблачает фейки. У зрителей «БелРос» особой популярностью пользуется авторская программа ведущего Аббаса Джумы – российско-белорусский стрим-проект «Факты на стол»⁵, где автор вместе с экспертами обсуждает актуальные темы.

В числе востребованных у аудитории передач – общественно-политическое ток-шоу «*Есть вопрос с Вадимом Гигиным*»⁶. Ведущий программы – историк, политолог, публицист, генеральный директор Национальной библиотеки Беларуси; эксперты в студии обсуждают актуальные проблемы Союзного государства – импортозамещение, интеграцию, права граждан, образование, патриотизм, миграцию, туризм и др. Культура Союзного государства широко представлена в развлекательно-познавательной программе «*Культ культуры*»⁷ (ведущий – Н. Ефимович) с участием известных музыкантов, художников, хореографов, кинематографистов. Многообразие литературной жизни отражено в культурно-просветительской программе «*Новое ПРОчтение*»⁸, в которой российские и белорусские журналисты знакомят зрителей с книжными новинками, историческими фактами, а также анализируют актуальные тенденции в литературе. Один из новых проектов «БелРоса» – «*Захаровна и Беляш*». Это цикл программ, созданных с помощью технологий искусственного интеллекта. В минутном видеоролике бабушка Захаровна делится со зрителями рецептами национальных блюд, готовить которые ей помогает кот Беляш⁹.

Соотнесение в ходе анализа сетки вещания телеканала, жанровых форм и контента показало, что в будние дни в первой половине дня, как правило, транслируются информационные и аналитические программы («Наши», «Горячая точка», «Новости Союзного государства», «Факты на стол с Аббасом Джумой»). В прайм-тайм и позднее время акцент вещания смещается на культурно-просветительские программы, художественные фильмы и анимационную продукцию. Телеканал «БелРос» присутствует в Rutube – насчитывается 111 тыс. подписчиков. В Telegram-канале «БелРос» читают около 40 тыс. человек, а в социальной сети «ВКонтакте» – 88 тыс.

¹ Программа «Неделя Союзного государства». 2025. БЕЛРОС. URL: <https://belros.tv/tv/programs/nedelya-soyuznogo-gosudarstva/> (дата обращения: 15.02.2026).

² Программа «Беларусь. Главное». 2025. БЕЛРОС. URL: https://belros.tv/tv/programs/belarus_main/ (дата обращения: 15.02.2026).

³ Программа «Верные Родине». 2025. БЕЛРОС. URL: <https://belros.tv/tv/programs/vernye-rodine/> (дата обращения: 15.02.2026).

⁴ Программа «Горячая точка». 2025. БЕЛРОС. URL: <https://belros.tv/tv/programs/goryachaya-tochka/> (дата обращения: 15.02.2026).

⁵ Программа «Факты на стол». 2025. БЕЛРОС. URL: <https://belros.tv/tv/programs/fakty-na-stol/> (дата обращения: 15.02.2026).

⁶ Программа «Есть вопрос с Вадимом Гигиным». 2025. Электронный ресурс. URL: <https://belros.tv/tv/programs/question/> (дата обращения: 15 февраля 2026).

⁷ Программа «Культ культуры». 2025. БЕЛРОС. URL: <https://belros.tv/tv/programs/kult-kultury/> (дата обращения: 15 февраля 2026).

⁸ Программа «Новое ПРОчтение». 2025. БЕЛРОС. URL: https://belros.tv/tv/programs/pro_read/ (дата обращения: 15.02.2026).

⁹ Нейросериал «Захаровна и Беляш», 2025. БЕЛРОС. URL: https://belros.tv/special/section/zaharovna_i_belyash/ (дата обращения: 15.02.2026).

Новости и программы, посвященные российско-белорусскому сотрудничеству, транслируются также и на «Первом Союзном радио»¹.

В эфире круглосуточной интернет-радиостанции СГ часто можно услышать такие слоганы, как «Россия-Беларусь. Две страны – одно радио», «Вы слушаете первое Союзное радио», «Любимые белорусские песни на Первом Союзном радио». Программы выходят в разных форматах и жанрах. Так, передача «Новости Союзного государства» с участием политиков и экспертов информирует о значимых событиях в России и Беларуси или анонсирует их. Передача транслируется в Интернете по «Первому Союзному радио» и в эфире радио «Комсомольская правда». Аудитория преимущественно старше 40 лет.

В программы радио «Комсомольская правда» входит передача «Вам telegram», представляющая новостной контент из российско-белорусских Telegram-каналов. В список программ входят также «Говорит и показывает БелРос», «Союзное государство: в центре внимания», «Союзная экономика», «Союзный прайм. Авторский взгляд на события России и Беларуси», «Союзный уик-энд».

Кроме того, ежедневно в эфире радиостанции «Комсомольская правда» транслируются отдельные публикации из газеты «Союзное вече» и журнала «Союзное государство». Итоги недели подводятся в аналитической программе под названием «Союзное государство. Картина Недели».

Информационно-просветительская радиопрограмма «Комсомольской правды» «Культурный диалог» знакомит с актуальной повесткой в культурной жизни, рассказывает о культурном наследии народов России и Беларуси. Также в эфир еженедельно выходит программа «Афиша Союза». В 2025 году к 80-летию Победы журналисты «Комсомольской правды» подготовили цикл передач «Дорогами Победы».

В программной сетке радио «Комсомольская правда» имеется также передача «Союзная нейросеть», в которой искусственный интеллект отвечает на популярные запросы поисковых систем по теме России и Беларуси. Комментарии ИИ даются в сравнении с мнениями реальных экспертов.

Заключение

В процессе становления Союзного государства России и Республики Беларусь сформировалась современная архитектура комплекса СМИ СГ, в котором полно представлены медийные органы институтов российско-белорусского объединения. В процессе консолидации медиакомплекса СГ и развития единого информационного пространства в 2025 году объявлено о создании Медиакомпании Союзного государства, объединившей под общим руководством ряд действующих средств массовой информации. Это позволит реализовать информационную политику, в большей степени учитывающую специфику отдельных СМИ и распределение между ними функций при реализации задач информационного обеспечения союзного взаимодействия.

Анализ тематики публикаций союзных медиа показал, что основное внимание в них уделяется официальным событиям, которые подробно освещаются и практически полностью заполняют информационное пространство. «Верхушечный» характер предлагаемой информации сокращает возможности для взаимознакомления граждан двух стран с жизнью и проблемами «рядовых» участников межгосударственного взаимодействия на уровне низовых производственных и иных структур.

Как показывает исследование, СМИ Союзного государства в основном рассчитаны на людей среднего и старшего возраста. Молодежные и детские издания, а также соответствующие интернет-ресурсы в настоящее время отсутствуют, хотя при грамотном и профессиональном подходе они могут стать основным ресурсом для трансляции идей и смыслов Союзного государства на молодежную аудиторию. Одним из путей создания

¹ Первое союзное радио. 2026. URL: <https://belros.tv/radio/radio/> (дата обращения: 15.02.2026).

контента, более привлекательного для молодежной аудитории, может стать модернизация имеющихся газет, журнала, телеканала и радио, при этом перспективным представляется усиление работы в социальных сетях. Причем это должны быть позитивные, доступные тексты и видео о национальной культуре, народных традициях, достопримечательностях, сотрудничестве и дружбе России и Беларуси, вызывающие интерес у массовой аудитории.

Список литературы

- Беляев А.В. 2025. Проблемы формирования общего информационного пространства союзного государства Беларуси и России. В кн.: Журналистыка-025: стан, праблемы і перспектывы. Матэрыялы 27-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 14 лістапада 2025 г.). Рэд. А.В. Бяляеўа. Мінск, БДУ: 18–21.
- Вартанова Е.Л. 2009. Теория СМИ: Актуальные вопросы. Москва, МедиаМир, 487 с.
- Добросклонская Т. Г. 2005. Медиатекст: теория и методы изучения. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 2: 28–35.
- Есин Б.И. 2005. Еще раз о типологии. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 6: 65–70.
- Красимова Е.В. 2021. Развитие Союзного государства Беларуси и России в условиях геополитических трансформаций. *Беларуская думка*, 5: 57–62.
- Кононова Е.И., Короченский А.П. 2023. К вопросу о классификации современных медиасистем. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 422–428. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-422-428
- Мартыненко Е.В. 2024. Средства массовой информации Союзного государства: состояние и перспективы развития. *МедиаАльманах*, 4(123): 20–24. DOI: 10.30547/medialmanah.4.2024.2024
- Попов С.Ю. 2015. СМИ как инструмент информационной политики Союзного государства России и Белоруссии. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 3(1): 101–105.
- Распопова С.С. 2013. Печатные издания в поисках типологической идентичности. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 6: 55–65.
- Старичёнок В.В. 2018. СМИ Союзного государства в белорусском информационном пространстве: проблемы и перспективы. В кн.: Международная журналистика-2018: глобальные вызовы, региональное партнерство и медиа. Материалы VII Международной научно-практической конференции (Минск, 15 февраля 2018 г.). Под ред. Т.Н. Дасаевой. Минск, Изд. центр БГУ: 286–292.
- Трифанова О.Г. 2017. Роль СМИ в формировании общественного мнения о Союзном государстве Беларуси и России. В кн.: Международная журналистика-2017: идея интеграции интеграций и медиа. Материалы VI Международной научно-практической конференции (Минск, 16 февраля 2017 г.). Под ред. Т.Н. Дасаевой. Минск, Изд. центр БГУ: 334–339.

References

- Belyaev A.V. 2025. Problemy formirovaniya obshchego informatsionnogo prostranstva soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii [Problems of forming the common information space of the Union State of Belarus and Russia]. In: Zhurnalistyka–2025: stan, prablemy i perspektyvy [Journalism–2025: state, problems and prospects]. Materials of the 27th International Scientific and Practical Conference (Minsk, November 14, 2025). Ed. Byalyaey. Minsk, Publ. BDU: 18–21.
- Vartanova E.L. 2009. Teoriya SMI: Aktual'nye voprosy [Media Theory: Current Issues]. Moscow, Publ. MediaMir, 487 p.
- Dobrosklonskaya T.O. 2005. Media Text: the Theory and Methods of Study. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2: 28–35.
- Esin B.I. 2005. Obe More Time on Typologe. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 6: 65–70.
- Krasimova E.V. 2021. The Union State of Belarus and Russia in the context of geopolitical transformations. *Belaruskaya dumka*, 5: 57–62.
- Kononova E.I., Korochensky A.P. 2023. Concerning to the Problem of the Classification of Modern Media Systems. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 422–428 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-3-422-428

- Martynenko E.V. 2024. Sredstva massovoi informatsii Soyuznogo gosudarstva: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Mass media of the Union State: status and development prospects]. *MediaAl'manakh*, 4(123): 20–24. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2024.2024
- Popov S.Yu. 2015. SMI kak instrument informatsionnoi politiki Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belorussii [Mass media as an instrument of information policy of the Union State of Russia and Belarus]. *Humanities and Socio-Economic Sciences*, 3(1): 101–105.
- Raspopova S.S. 2013. Print Media in Search for Typological Identity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 6: 55–65.
- Rusakovich A.V. 2021. Development of the Union State of Belarus and Russia in the Context of Geopolitical Transformations [Development of the Union State of Belarus and Russia in the context of geopolitical transformation]. *Belarusian Thought*. 5: 57-62 (in Russian).
- Starichenok V.V. 2018. SMI Soyuznogo gosudarstva v belorusskom informatsionnom prostranstve: problemy i perspektivy [Union State Media in the Belarusian Information Space: Problems and Prospects]. In: *Mezhdunarodnaya zhurnalistika – 2018: global'nye vyzovy, regional'noe partnerstvo i media* [International Journalism 2018: Global Challenges, Regional Partnership, and Media]. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference (Minsk, February 15, 2018). Ed. T.N. Dasaeva. Minsk, Publ. Izd. tsentr BGU: 286–292.
- Trifanova O.G. 2017. Rol' SMI v formirovanii obshchestvennogo mneniya o Soyuznom gosudarstve Belarusi i Rossii [The Role of the Media in Shaping Public Opinion about the Union State of Belarus and Russia]. In: *Mezhdunarodnaya zhurnalistika–2017: ideya integratsii integratsii i media* [International Journalism 2017: The Idea of Integrating Integrations and Media]. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference (Minsk, February 16, 2017). Ed. T.N. Dasaeva. Minsk, Publ. Izd. tsentr BGU: 334–339.
- Belyaev A. V. 2025. Prablemy farmiravannia ahul'naj infarmacyjnaj prastory Sajuznaj dzjaržavy Bielarusi i Rasio [Problems of the pharmaceutical industry of the Union of Belarus and Russia]. In: *Journalism – 2025: state, problems and prospects: materials of the 27th International Scientific and Practical Conference*. Minsk, 14 listap, 2025. Belarus state university editorial office. A.V. Belyaev (chief editor). Minsk, BDU: 18-21 (in Belarusian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.01.2026

Поступила после рецензирования 27.04.2026

Принята к публикации 06.06.2026

Received January 11, 2026

Revised April 27, 2026

Accepted June 06, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Быкова Полина Игоревна, корреспондент редакции областной газеты «Южноуральская панорама», г. Челябинск, Россия.

Polina I. Bykova, Correspondent, the editorial office of the regional newspaper "Yuzhnouralskaya Panorama", Chelyabinsk, Russia.

Короченский Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики Института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor at the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 130.2.659
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-238-249
EDN GFWECY

Медиадискурс православных блогеров об искусственном интеллекте: стратегии интерпретации и эсхатологические нарративы

Грицай Л.А.

Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского
Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
usan82@gmail.com

Аннотация. В условиях цифровизации медиапространства искусственный интеллект становится мировоззренческим фактором, влияя на общественное сознание, в том числе религиозное. В сфере медиакоммуникаций для аудитории верующих православные блогеры выступают в качестве лидеров общественного мнения и интерпретаторов новых социокультурных вызовов. В подобных условиях медиадискурс православных блогеров приобретает значимость как пространство формирования ценностных установок и религиозных интерпретаций технологических изменений. Несмотря на растущий интерес к религиозным аспектам цифровых технологий, в современной гуманитарной науке практически отсутствуют исследования, связывающие медиадискурс православных блогеров об искусственном интеллекте с эсхатологическими нарративами и стратегиями интерпретации. Цель исследования заключается в выявлении стратегий интерпретации, посредством которых православные блогеры формируют и транслируют представления об искусственном интеллекте в рамках современного религиозного медиадискурса. Методологической основой исследования послужили дискурсивный анализ, элементы критического дискурс-анализа, нарративный анализ и качественное кодирование медиатекстов. В результате исследования выявлены пять стратегий интерпретации ИИ в медиадискурсе православных блогеров: критически-охранительная, рационально-богословская, прагматично-этическая, институционально-синтетическая модели и доминирующая – эсхатологически-тревожная, рассматривающая ИИ как угрозу традиционному религиозному сознанию. Эсхатологические нарративы выступают содержательным компонентом стратегий интерпретации и реализуются через устойчивые сюжеты о цифровом контроле, дегуманизации общества, утрате духовной свободы и возможной подмене человеческого начала технологическими механизмами. Полученные результаты вносят вклад в теорию религиозного медиадискурса и расширяют представления о роли православных блогеров в формировании ценностных ориентаций верующих в эпоху технологических трансформаций.

Ключевые слова: медиадискурс, православные блогеры, искусственный интеллект, эсхатология, религиозное сознание, медиакоммуникации, журналистика, цифровая культура

Для цитирования: Грицай Л.А. 2026. Медиадискурс православных блогеров об искусственном интеллекте: стратегии интерпретации и эсхатологические нарративы. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 238–249. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-238-249 EDN: GFWECY

Orthodox Bloggers' Media Discourse on Artificial Intelligence: Interpretation Strategies and Eschatological Narratives

Luydmila A. Gritsai

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
108/1 Republikanskaya St., Yaroslavl 150000, Russia
usan82@gmail.com

Abstract. In the context of digitalization of the media space, artificial intelligence is becoming an ideological factor, influencing public consciousness, including religious consciousness. In the field of

media communications for the audience of believers, Orthodox Christian bloggers act as leaders of public opinion and interpreters of new socio-cultural challenges related, in particular, to the spread of digital control, automation of daily life and the introduction of algorithmic decision-making systems. In such conditions, the media discourse of Orthodox bloggers acquires special importance as a space for the formation of value attitudes and religious interpretations of technological changes. Despite the growing interest in the religious aspects of digital technologies, there is practically no research in modern humanities linking the media discourse of Orthodox bloggers about artificial intelligence with eschatological narratives and interpretation strategies. The purpose of the study is to identify the strategies of interpretation through which Orthodox bloggers form and broadcast ideas about artificial intelligence within the framework of modern religious media discourse. The methodological basis of the research was the discourse analysis, elements of critical discourse analysis, narrative analysis and qualitative coding of media texts. The study revealed five strategies for interpreting AI in the media discourse of Orthodox bloggers, among which the eschatologically disturbing model dominates, considering AI as a threat to traditional religious consciousness. Along with it, critical-protective, rational-theological, pragmatic-ethical and institutional-synthetic models are presented. In this context, eschatological narratives act as a meaningful component of interpretation strategies and are implemented through stable plots about digital control, dehumanization of society, loss of spiritual freedom and the possible substitution of technological mechanisms for the human principle. The obtained results contribute to the theory of religious media discourse and expand the understanding of the role of Orthodox bloggers in shaping the value orientations of believers in the era of technological transformations.

Keywords: media discourse, Orthodox bloggers, artificial intelligence, eschatology, religious consciousness, media communications, journalism, digital culture

For citation: Gritsai L.A. 2026. Orthodox Bloggers' Media Discourse on Artificial Intelligence: Interpretation Strategies and Eschatological Narratives. *Issues in Journalism Education, Linguistics*, 45(2): 238–249 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-238-249 EDN: GFWECY

Введение

В современном медиaprостранстве искусственный интеллект постепенно превращается из узкоспециализированного технологического инструмента в универсальный социокультурный феномен, который влияет не только на экономику, политику и образование, но и на религиозное сознание. В религиозной сфере ИИ осмысливается через призму традиционных богословских категорий, этических установок и эсхатологических ожиданий. Особую значимость этот процесс приобретает в контексте медиакommunikаций: именно через цифровые платформы осуществляется интерпретация новые технологии интерпретируются в массовом сознании.

Православные блогеры, активно присутствующие в социальных сетях, мессенджерах и на видеохостингах, формируют специфическое медиаполе, в котором обсуждение искусственного интеллекта носит символический и мировоззренческий характер. Сами блогеры выступают в роли интерпретаторов сложных явлений для широкой аудитории верующих, нередко наделяя ИИ эсхатологическими смыслами и связывая его с представлениями о конце истории и приходе Антихриста.

Несмотря на то что православное блогерство и цифровая религиозная коммуникация в последние годы становятся объектом активного изучения, проблема интерпретации ИИ в православном медиадискурсе остается недостаточно разработанной. Большинство исследований сосредоточено на процессах медиатизации религии и трансформации миссионерской деятельности в цифровой среде. Так, С.А. Вартанов отмечает, что развитие медиакommunikационной индустрии приводит к формированию новых механизмов производства и распространения смыслов, в которые вовлекаются и религиозные институты [Вартанов, 2023]. О.А. Богатова и С.В. Голованов подчеркивают, что деятельность православных блогеров способствует модернизации религиозной коммуникации и освоению новых форм взаимодействия с аудиторией [Богатова,

Голованов, 2023]. Исследуя феномен православного блогерства, Е.А. Островская приходит к выводу, что священнослужители все активнее адаптируют богословские смыслы к логике цифровой медиаккультуры [Островская, 2021], а в более поздней работе исследователь отмечает усложнение православного медиадискурса, который становится все более неоднородным по составу аудитории и способам коммуникации [Островская, 2022]. А.В. Петрейкин и И.В. Пивоварчик рассматривают сетевое пространство как новую среду пастырского присутствия, которая требует от духовенства освоения специфических медиакмуникативных форм [Пивоварчик, 2022; Петрейкин, 2023].

Хотя исследователи подробно анализируют цифровую миссию Церкви и особенности православного блогерства, вопросы о том, каким образом православные блогеры интерпретируют ИИ и какую роль в этих интерпретациях играют эсхатологические нарративы, до настоящего времени не получили самостоятельного и комплексного освещения.

Цель исследования заключается в выявлении стратегий интерпретации, посредством которых православные блогеры формируют и транслируют представления об искусственном интеллекте в рамках современного религиозного медиадискурса.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили 87 медиатекстов, опубликованных в 2023–2026 гг. православными блогерами на различных цифровых платформах и посвященных тематике искусственного интеллекта, цифровизации и связанных с ними духовно-нравственных и эсхатологических вопросов. В исследовательский корпус вошли публикации и видеоматериалы священника Альвиана Тхелидзе, размещенные в его канале в мессенджере МАХ, насчитывающем более 5 тыс. подписчиков и функционирующем как часть его многолетней медиадяельности¹; материалы протоиерея Геннадия Шкиля, опубликованные в сообществе «ВКонтакте»²; видеоматериалы протоиерея Андрея Ткачева³, иерея Георгия Максимова⁴, иеромонаха Мартина Романова⁵, интервью и публичные выступления иерея Тарасия Борозенца⁶, а также подкаст Глеба Соломина с участием А.В. Савватеева и иерея Павла Островского⁷, в котором обсуждаются эсхатологические аспекты развития искусственного интеллекта. Отбор материалов осуществлялся на основе критериев тематической релевантности – наличие в медиатекстах упоминаний ИИ, цифровизации, нейросетевых технологий и связанных с ними религиозно-

¹ Священник Альвиан. Официальный МАХ-канал. URL: <https://web.max.ru/-68781908579668> (дата обращения: 11.12.2025).

² Подозрительный Шкиль. Официальный канал «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/club226804268> (дата обращения: 11.12.2025).

³ Ткачев А. 2023. «Голем искусственного интеллекта»: духовный взгляд на технический прогресс. Видеозапись. Первый русский. Царьград, 26.12.2023. URL: https://tsargrad.tv/shows/golem-iskusstvennogo-intellekta-duhovnyj-vzgljad-na-tehnicheskij-progress-otec-andrej-tkachjov_935840 (дата обращения: 11.12.2025).

⁴ Максимов Г. 2024. Искусственный интеллект и антихрист – религиозное осмысление феномена ИИ. Видеозапись. Rutube, 2.12.2024. URL: <https://rutube.ru/video/768a3b2c53a0c79cd3aec2a071d60062/> (дата обращения: 11.12.2025).

⁵ По Полина 2024. Искусственный интеллект: преимущества, риски и контроль развития. Видеозапись. Выпуск программы «Острая тема». ТПК «Таврия», 19.09.2024. URL: <https://tavria.tv/tv/programms/ostraya-tema/iskusstvennyj-intellekt-preimushhestva-riski-i-kontrol-razvitiya/> (дата обращения: 11.12.2025); Че Иван. 2024. Искусственный интеллект: преимущества, риски и контроль развития. Часть 2. Видеозапись. Выпуск программы «Острая тема». ТПК «Таврия», 19.09.2024. URL: <https://tavria.tv/tv/programms/ostraya-tema/iskusstvennyj-intellekt-preimushhestva-riski-i-kontrol-razvitiya-chast-2/> (дата обращения: 11.12.2025).

⁶ Борозенец Т. 2025. Православное отношение к ИИ: между тревогой и надеждой. Православие.ру, 03.12.2025. URL: <https://pravoslavie.ru/174275.html> (дата обращения: 11.12.2025).

⁷ Соломин Г. 2024. Пророчества сбываются. Докинз был не прав. Профессор Савватеев и иерей Островский. Видеоподкаст. Саундстрим медиа, 03.12.2024. URL: <https://soundstream.media/clip/prorochestva-sbyvayut-sya-dokinz-byl-ne-prav-professor-savvateyev-i-iyerey-ostrovskiy> (дата обращения: 11.12.2025).

этических проблем; публичной доступности материалов в открытом медиaprостранстве, а также содержательной насыщенности, определяемой наличием развернутой авторской интерпретации рассматриваемой проблемы. Принцип репрезентативности обеспечивался включением авторов, представляющих различные интерпретационные позиции, начиная от эсхатологически-тревожного восприятия искусственного интеллекта и заканчивая рационально-богословским и прагматично-этическим подходами к осмыслению цифровых технологий в религиозном медиадискурсе.

Методологической основой исследования послужил междисциплинарный подход, объединяющий достижения медиалингвистики, дискурсологии и религиоведения, что позволило рассматривать медиадискурс православных блогеров как сложное коммуникативное образование, в котором взаимодействуют богословские, культурные и медийные коды; в качестве ключевого метода использовался дискурсивный анализ, направленный на выявление устойчивых смысловых конструкций, интерпретационных рамок и риторических стратегий, посредством которых артикулируется отношение к искусственному интеллекту. Дополнительно применялся нарративный анализ, позволивший выявить эсхатологические сюжеты и символические образы, структурирующие высказывания блогеров, а также элементы критического дискурсивного анализа, ориентированные на выявление идеологических предпосылок и ценностных установок, лежащих в основе медиатекстов. Для систематизации эмпирического материала использовались методы качественного кодирования, включая открытую и осевую кодировку, что дало возможность выделить повторяющиеся тематические блоки, такие как сакрализация ИИ, страх подмены духовного общения, мотив утраты человеческой уникальности и апелляция к апокалиптическим пророчествам.

Методологически исследование опирается на концепции религиозного медиадискурса, теорию медиатизации религии и представления о блогерах как новых агентах символического производства в цифровой культуре, что позволяет рассматривать их высказывания не как частные мнения, а как элементы более широкого дискурсивного поля.

Анализ медиадискурса православных блогеров об искусственном интеллекте целесообразно выстраивать на основе ряда критериев, позволяющих системно сопоставить высказываемые позиции и выявить глубинные основания различий в интерпретации данного феномена, к которым относятся:

- 1) уровень эсхатологической напряженности высказываний;
- 2) степень онтологизации ИИ, характер антропологической аргументации;
- 3) отношение к возможности сакрализации технологий; понимание границ допустимого использования ИИ в религиозной и пастырской практике.

Применение данных критериев позволяет рассмотреть высказывания православных блогеров не как набор разрозненных мнений, а как элементы целостного медиадискурса, в котором отражается состояние современного религиозного сознания и его реакция на технологические вызовы эпохи.

Теоретические основания исследования

Современное православное блогерство в цифровой медиасреде представляет собой устойчиво развивающееся явление, отражающее процессы медиатизации религии и трансформации традиционных форм религиозной коммуникации. Русская Православная Церковь активно осваивает новые каналы публичного присутствия и взаимодействия как с верующими, так и со светской аудиторией, что обусловлено изменением практик медиапотребления и общими трансформациями общественного сознания. Как отмечает С.А. Вартанов, развитие информационно-коммуникационных технологий конца XX и начала XXI века привело к формированию нового макросоциального субъекта,

медиакоммуникационной индустрии, обеспечивающей производство и циркуляцию смыслов в современном обществе [Вартанов, 2023, с. 5]. В условиях медиасреды религиозные институты, включая Русскую Православную Церковь, вынуждены адаптировать собственные коммуникативные стратегии, переосмысляя формы миссии и публичного свидетельства веры.

Православное блогерство как часть данной медиасистемы характеризуется тем, что его субъектами становятся как миряне, обладающие высоким уровнем религиозной рефлексии и медиакомпетентности, так и священнослужители, которые стремятся донести позицию Церкви по актуальным общественным и духовным вопросам до максимально широкой аудитории, используя язык и форматы цифровых платформ.

По наблюдениям О.А. Богатовой и С.В. Голованова, деятельность православных блогеров становится важным фактором модернизации религиозной коммуникации, именно через медиапрактики духовенства Церковь осваивает новые модели диалога и укрепляет контакт с паствой [Богатова, Голованов, 2023, с. 95]. Исследователи выделяют катехизационно-просветительское направление, ориентированное на религиозное осмысление повседневности, и медиапросветительское направление, формирующее авторитет духовенства как участника общественного дискурса. В этом контексте блогерская активность приобретает не только миссионерский, но и журналистский характер, поскольку предполагает регулярное комментирование событий, интерпретацию социальных процессов и формирование ценностных ориентиров аудитории.

Институциональное признание православного блогерства как значимого инструмента церковной коммуникации находит отражение и в официальных высказываниях церковных иерархов, в частности, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. 16 октября 2025 года на XI Международном фестивале православных СМИ «Вера и Слово» он подчеркнул необходимость ответственного миссионерского присутствия духовенства в медиасфере¹. Таким образом, православное блогерство предстает не стихийным, а постепенно институционализирующимся феноменом, находящимся в поле внимания церковного руководства.

Исследователи отмечают, что на современных цифровых платформах формируется многоуровневый православный медиадискурс, включающий как официальные церковные каналы, так и независимые блоги, в которых обсуждаются вопросы веры, культуры, политики и гражданской идентичности. Так, например, Е.А. Островская подчеркивает, что данный медиадискурс отличается высокой социокультурной и поколенческой неоднородностью аудитории, что требует от православных блогеров владения медиариторикой, способной адаптировать богословские смыслы к языку цифровой медиакультуры и одновременно сохранить доверие к духовному авторитету говорящего [Островская, 2022, с. 459]. В результате формируется особое коммуникативное пространство, где религиозное слово включается в общий поток медиасообщений и конкурирует с иными интерпретациями социальной реальности.

В рамках современного православного медиапространства особое место занимают темы, связанные с ИИ, цифровым контролем, нейросетевыми технологиями и автоматизацией общественной жизни. Они вызывают наиболее напряженные дискуссии среди православных блогеров и затрагивают фундаментальные основания религиозного сознания, антропологических представлений и эсхатологических ожиданий.

Значительное внимание уделяется обсуждению технологических вызовов современности, в частности развитию искусственного интеллекта. Данная тема становится

¹ Святейший Патриарх Кирилл встретился с участниками XI Международного фестиваля православных СМИ «Вера и Слово». 2025. Улан-Удэнская и Бурятская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), 17 октября 2025. URL: <https://pravoslavnaia-buryatiya.ru/2025/10/17/svyatejshij-patriarh-kirill-vstretilsya-s-uchastnikami-xi-mezhdunarodnogo-festivalya-pravoslavnyh-smi-vera-i-slovo/> (дата обращения: 11.12.2025).

предметом активного осмысления в православной блогосфере, поскольку воспринимается не только как технологическое новшество, но и как феномен, имеющий духовные и антропологические последствия.

Отношение православных блогеров к ИИ характеризуется высокой степенью поляризации, что обусловлено различиями в интерпретации технологического прогресса через призму религиозного сознания и эсхатологических нарративов. Так, в ряде высказываний ИИ осмысляется как потенциальная угроза духовной свободе человека и как один из признаков приближения апокалиптических событий, что соотносится с традиционными представлениями о конце мира и приходе Антихриста. В других же случаях ИИ рассматривается как инструмент, нейтральный по своей природе, использование которого зависит от нравственного выбора человека и может быть включено в практики миссии и просвещения. Подобное разнообразие позиций демонстрирует, что медиадискурс православных блогеров об ИИ формируется на пересечении богословской традиции, личного пастырского опыта и медиалогии цифровых платформ.

Теоретическое осмысление данного феномена опирается на концепции медиаантропологии, коммуникативной теологии и социологии религии, представленные в трудах П. Бурдьё [Bourdieu, 1979], А. Лосева [1982], С. Хоружего [1994] и Ю. Хабермаса [Habermas, 2001]. Эти концепции позволяют рассматривать религиозную коммуникацию как форму духовного действия, реализуемого в медиасреде и подчиненного логике символического производства. В этом контексте медиадискурс православных блогеров может быть интерпретирован как пространство конструирования смыслов, где технологические инновации, включая ИИ, получают религиозную интерпретацию и включаются в систему эсхатологических и этических координат.

Таким образом, теоретический анализ научных источников позволяет рассматривать медиадискурс православных блогеров об ИИ как часть более широкого процесса медиатизации религии, в рамках которого эсхатологические нарративы, богословские интерпретации и журналистские практики переплетаются, формируя многообразие стратегий осмысления технологической реальности. Это создает основу для дальнейшего сравнительного анализа позиций различных православных блогеров и выявления доминирующих моделей интерпретации ИИ в религиозном медиапространстве.

Результаты исследования

Анализ эмпирического материала показывает, что медиадискурс православных блогеров об ИИ представляет собой сложное коммуникативное пространство, в котором обсуждение технологических инноваций выходит за пределы технической проблематики. В значительной части медиатекстов ИИ интерпретируется через религиозные, антропологические и эсхатологические категории. Такая интерпретация связана с попыткой осмысления влияния цифровых технологий на человека, общество и духовную жизнь. ИИ начинает восприниматься не только как инструмент обработки информации, но и как феномен, затрагивающий представления о природе человека, границах свободы, смысле творчества и перспективах развития современной цивилизации.

Проведенный анализ позволил установить, что одним из ключевых критериев различия между позициями православных блогеров является уровень эсхатологической напряженности высказываний. Именно степень актуализации представлений о последних временах во многом определяет характер интерпретации ИИ и его место в религиозной картине мира. Наиболее отчетливо данная тенденция проявляется в материалах, где ИИ рассматривается как явление, потенциально связанное с реализацией апокалиптических сценариев и трансформацией самого порядка человеческого существования.

Особый интерес в этом отношении представляет видеоподкаст Глеба Соломина с участием профессора А.В. Савватеева и иерея Павла Островского. Их обсуждение ИИ неоднократно выводится за рамки технологического анализа и переносится в пространство

библейской эсхатологии. Участники дискуссии соотносят современные цифровые технологии с пророческими текстами еще дохристианской эпохи (в частности, с книгами пророка Даниила, жившего VI веке до н. э. в период вавилонского плена) и рассматривают возможность использования подобных систем в качестве инструмента глобального контроля над человеком¹. Важно, что в данном случае ИИ фактически приобретает самостоятельное символическое значение, поскольку выступает частью более широкого нарратива о духовной судьбе человечества, вследствие чего происходит его частичная онтологизация, при которой технология начинает восприниматься как самостоятельный участник исторического процесса. Такой способ интерпретации демонстрирует характерную для религиозного сознания тенденцию к включению новых социальных и технологических явлений в уже существующие символические модели объяснения реальности. Это в определенной степени соотносится с представлениями С.С. Хоружего о стремлении человека осмыслять происходящие изменения через систему предельных мировоззренческих координат [Хоружий, 1994].

Высокий уровень эсхатологической напряженности обнаруживается и в выступлениях протоиерея Андрея Ткачева, который в программе «Голем искусственного интеллекта» рассматривает развитие технологий через призму культурно-религиозной метафоры голема, используя данный образ не только как литературную аллюзию, но и как богословский инструмент осмысления современных процессов². Примечательно, что центральный элемент его аргументации – нравственное состояние самого человека, который стремится создать подобие разума вне традиционных духовных оснований существования, вследствие чего технология начинает рассматриваться как отражение человеческой гордыни и стремления к автономии от Бога. Когда автор характеризует ИИ через образ голема, он фактически превращает технологию в символ определенного духовного состояния культуры, что свидетельствует о высокой степени символизации и частичной сакрализации обсуждаемого феномена. Это вызывает интерес в контексте концепции А.Ф. Лосева, который рассматривал символ как форму выражения глубоких мировоззренческих смыслов, выходящих за пределы непосредственного предметного содержания [Лосев, 1982].

Иную, хотя и также достаточно осторожную позицию демонстрирует священник Альвиан Тхелидзе, анализ материалов которого позволяет говорить о формировании критически-охранительной стратегии интерпретации ИИ. Например, в своих публикациях он уделяет внимание не столько перспективам восстания машин или апокалиптическим прогнозам, сколько тем рискам, которые возникают в сфере медиакommunikации вследствие стремительного развития технологий генерации изображений и видеоконтента³. Например, рассуждая о клипе «Расскажи, Снегурочка, где была», набравшем многомиллионные просмотры, где ИИ выступает в роли самостоятельного производителя культурного продукта, священник высказывает свои опасения, здесь он не дает негативной оценки данному видео. Более строг отец Альвиан при изучении созданных с помощью ИИ образов священнослужителей и монахов. Он поднимает проблему подлинности религиозного авторитета в цифровой среде: аудитория оказывается все менее способной отличить реальное присутствие духовного лица от его технологической симуляции. Это означает, что традиционные механизмы формирования доверия деградируют, что соответствует выводам А.В. Петрейкина, который отмечает, что

¹ Соломин Г. 2024. Пророчества сбываются. Докинз был не прав. Профессор Савватеев и иерей Островский. Видеоподкаст. Саундстрим медиа, 03.12.2024. URL: <https://soundstream.media/clip/prorochestva-sbyvayut-sya-dokinzbyl-ne-prav-professor-savvateyev-i-iyerey-ostrovskiy> (дата обращения: 11.12.2025).

² Ткачев А. 2023. «Голем искусственного интеллекта»: духовный взгляд на технический прогресс. Видеозапись. Первый русский. Царьград, 26.12.2023. URL: https://tsargrad.tv/shows/golem-iskusstvennogo-intellekta-duhovnyj-vzgljad-na-tehnicheskij-progress-otec-andrej-tkachjov_935840 (дата обращения: 11.12.2025).

³ Священник Альвиан. Официальный МАХ-канал. URL: <https://web.max.ru/-68781908579668> (дата обращения: 11.12.2025).

цифровая среда создает для пастырского служения качественно новые вызовы, связанные с сохранением подлинности духовной коммуникации [Петрейкин, 2023, с. 86].

Близкую по уровню тревожности, но более радикальную позицию занимает протоиерей Геннадий Шкиль¹, который прямо называет ИИ угрозой человечеству, смещая акцент с культурных и медиальных аспектов на сферу духовной жизни. В его высказываниях ключевым становится страх подмены таинственного и личностного измерения веры технологическим суррогатом, особенно в контексте возможности исповеди ИИ-священникам. В понимании отца Геннадия ИИ – это фактор, способный разрушить саму структуру религиозного опыта, поскольку молитва, покаяние и смирение подменяются информационным потреблением и бесконечной виртуальной коммуникацией. Данный подход характеризуется высокой степенью эсхатологической напряженности, поскольку ИИ рассматривается не просто как инструмент, а как медиум, через который происходит отрыв человека от живого общения с Богом и Церковью – в логике религиозного сознания это может интерпретироваться как признак последних времен.

Отдельного внимания заслуживает анализ степени онтологизации ИИ в православном медиадискурсе, поскольку именно данный критерий позволяет наиболее отчетливо выявить различия между эсхатологическими и рационально-богословскими моделями интерпретации. Так, если в ряде выступлений ИИ наделяется признаками самостоятельного субъекта исторического процесса, то в материалах священника Георгия Максимова наблюдается противоположная тенденция, направленная на последовательную десакрализацию технологии и устранение распространенных мифологических представлений. В видеозаписи «Искусственный интеллект и антихрист – религиозное осмысление феномена ИИ»² автор подчеркивает, что современные нейросетевые системы представляют собой совокупность математических алгоритмов и вычислительных операций, которые не обладают ни сознанием, ни свободной волей, ни способностью к самостоятельному духовному действию. При этом священник прямо указывает, что опасность связана не с ИИ как таковым, а с человеком, который может использовать любую технологию во зло. Это значит, что ответственность за последствия цифровой трансформации лежит не в сфере техники, а в сфере нравственного выбора.

Близкую по своим основаниям позицию демонстрирует иеромонах Мартин Романов³, который в подкасте «Скажи, отец» анализирует влияние ИИ прежде всего на человека и его внутренний мир, акцентируя внимание на том, что никакая технология не способна отменить личную ответственность, нравственный выбор и необходимость духовного развития. В отличие от авторов, использующих преимущественно эсхатологические аргументы (в частности, отца Альвиана Тхелидзе, отца Геннадия Школя, отца Андрея Ткачева), он сосредотачивается на практических последствиях цифровизации и рассматривает ИИ как фактор, который может и способствовать развитию человека, и усиливать его существующие слабости. Следовательно, оценка технологии определяется не ее внутренними характеристиками, а социальным и нравственным контекстом применения.

Наиболее сбалансированная модель отношения православных священников к технологиям ИИ представлена в публикации иерея Тарасия Борозенца «Православное отношение к ИИ: между тревогой и надеждой». Автор стремится не к защите одной из крайних позиций, а к систематизации существующих подходов и выработке более

¹ Подозрительный Шкиль. Официальный канал «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/club226804268> (дата обращения: 11.12.2025).

² Максимов Г. 2024. Искусственный интеллект и антихрист – религиозное осмысление феномена ИИ. Видеозапись. Rutube, 2.12.2024. URL: <https://rutube.ru/video/768a3b2c53a0c79cd3aec2a071d60062/> (дата обращения: 11.12.2025).

³ Васильев А. 2025. Искусственный интеллект и его влияние на человека. Мнение священника. Видеоподкаст «Скажи, отец». ТВ Сибирского федерального университета. Rutube, 6.06.2025. URL: <https://yandex.ru/video/preview/17612029215967439550> (дата обращения: 11.12.2025).

взвешенного взгляда на проблему¹. Например, он отмечает, что создание цифровых аналогов священнослужителей является «опасной подменой живого пастырского попечения», поскольку религиозная жизнь предполагает личное участие человека и не может быть сведена к алгоритмической обработке информации, а также подчеркивает, что «не стоит видеть в ИИ ни "чудо-решение" всех проблем, ни "знак конца времен"»². Обе крайности одинаково препятствуют адекватному пониманию происходящих процессов». Вывод автора о том, что «ни один алгоритм не заменит человеческой души»³ выступает концептуальным основанием всей аргументации и позволяет установить границы допустимого использования искусственного интеллекта в религиозной практике.

Фактически речь идет о признании технологической полезности ИИ при одновременном отказе от его включения в пространство сакраментальной и пастырской деятельности, где решающее значение сохраняют личностное общение, духовный опыт и нравственная ответственность.

Стратегии интерпретации ИИ в медиадискурсе православных блогеров

Сравнительный анализ медиадискурса православных блогеров позволяет выделить несколько устойчивых стратегий интерпретации ИИ, каждый из которых укоренен в определенной модели религиозного сознания и степени актуализации эсхатологических представлений.

Первый тип стратегии интерпретации можно определить как эсхатологически-тревожный, в рамках которого искусственный интеллект интерпретируется в качестве признака последних времен, возможного инструмента Антихриста либо фактора, подготавливающего духовное и социальное пространство к апокалиптическим событиям. Для данного типа стратегии характерны высокая степень сакрализации технологии, перенос богословских категорий на технические системы и акцентирование угрозы утраты живого религиозного опыта, тогда как соответствующие эсхатологические нарративы строятся вокруг сюжетов о цифровом контроле, дегуманизации общества и вытеснении духовной свободы алгоритмическими механизмами.

Второй тип стратегии интерпретации определяется как критически-охранительный и ориентирован преимущественно на защиту сакральных границ религиозной жизни, при которой искусственный интеллект рассматривается как потенциально опасный не вследствие собственной природы, а в силу возможности подмены им пастырского попечения, молитвы, исповеди и личного духовного общения. В рамках данной стратегии эсхатологические нарративы сохраняют значимость, однако не занимают центрального положения, уступая место антропологическим и этическим аргументам, связанным с риском разрушения личностного характера религиозной коммуникации.

Третий тип стратегии интерпретации представляет собой рационально-богословскую модель осмысления искусственного интеллекта, предполагающую демифологизацию технологии, отказ от ее онтологизации и рассмотрение ИИ как ценностно нейтрального инструмента, риски использования которого обусловлены прежде всего человеческим грехом, ошибками и безответственным применением. В данном случае эсхатологические нарративы либо отсутствуют, либо интерпретируются как следствие чрезмерной символизации технологических процессов, тогда как основной акцент переносится на необходимость богословской трезвости и критического мышления.

Четвертый тип стратегии интерпретации может быть обозначен как прагматично-этический, поскольку в его рамках искусственный интеллект допускается в качестве вспомогательного средства в технических, административных и образовательных сферах,

¹ Борозенец Т. 2025. Православное отношение к ИИ: между тревогой и надеждой. Православие.ru, 03.12.2025. URL: <https://pravoslavie.ru/174275.html> (дата обращения: 11.12.2025).

² Там же.

³ Там же.

однако принципиально исключается из пространства душепопечения и сакраментальной жизни Церкви. Для данного типа характерны минимальная степень эсхатологической напряженности и ориентация на определение практических границ допустимого использования цифровых технологий без их символического соотнесения с апокалиптическими сценариями.

Наконец, в православном медиадискурсе формируется институционально-синтетический тип стратегии интерпретации, представленный авторами, стремящимися систематизировать существующие подходы и выработать общецерковные этические ориентиры в отношении искусственного интеллекта. В рамках данной стратегии ИИ рассматривается прежде всего как комплексный социальный и культурный вызов, требующий богословского осмысления, нормативного регулирования и ответственного общественного диалога, тогда как эсхатологические нарративы включаются в более широкий контекст обсуждения трансформации цифровой среды и современной медиакультуры, не становясь доминирующей моделью интерпретации технологических изменений.

В целом медиадискурс православных блогеров об искусственном интеллекте демонстрирует не поляризацию на основе принятия или отрицания технологий, а сложную типологию интерпретаций, в которой религиозное сознание, эсхатологическая чувствительность и медиакommunikативная роль блогеров как лидеров общественного мнения формируют многослойное поле смыслов. Оно и определяет отношение верующих к ИИ в условиях цифровой эпохи.

Заключение

Проведенное исследование показало, что медиадискурс православных блогеров об искусственном интеллекте представляет собой многослойное и внутренне дифференцированное коммуникативное пространство, в рамках которого технологическая проблематика ИИ трансформируется в предмет богословского, антропологического, этического и эсхатологического осмысления. Анализ медиатекстов позволил выявить несколько устойчивых стратегий интерпретации ИИ, к числу которых относятся эсхатологически-тревожная, критически-охранительная, рационально-богословская, прагматично-этическая и институционально-синтетическая стратегии, различающиеся по степени актуализации эсхатологических мотивов, характеру богословской аргументации и способам определения допустимых границ взаимодействия человека с цифровыми технологиями.

Установлено, что ключевым фактором, определяющим специфику интерпретации ИИ в православной блогосфере, выступает религиозное сознание, в рамках которого ИИ осмысливается как символический вызов традиционным представлениям о человеке, свободе воли, духовной автономии и границах допустимого вмешательства технологии в религиозную жизнь. При этом эсхатологическое сознание выполняет функцию интерпретационной рамки, посредством которой технологическая проблематика переводится в религиозно значимую плоскость и включается в систему апокалиптических ожиданий, библейских пророчеств и представлений о последних временах. В данном контексте эсхатологические нарративы выступают содержательным компонентом стратегий интерпретации и реализуются через устойчивые сюжеты о цифровом контроле, дегуманизации общества, утрате духовной свободы и возможной подмене человеческого начала технологическими механизмами.

Научный вклад исследования заключается в систематизации основных стратегий интерпретации искусственного интеллекта в православном медиадискурсе, а также в выявлении роли эсхатологического сознания как механизма символического освоения технологических изменений в религиозной медиасреде. Исследование позволяет уточнить особенности функционирования религиозной медиакommunikации в условиях

цифровизации общества и расширяет научные представления о способах интеграции технологической проблематики в современный религиозный дискурс.

Полученные результаты расширяют представления о механизмах медиакommunikации в религиозной среде и могут быть использованы в дальнейших исследованиях медиарелигии, цифровой культуры и журналистики, ориентированных на анализ взаимодействия технологий и религиозного сознания в современном обществе.

Список литературы

- Богатова О.А., Голованов С.В. 2023. Деятельность православных блогеров как фактор модернизации православных религиозных организаций. *Наука. Культура. Общество*, 29(2): 91–102. DOI: 10.19181/nko.2023.29.2.8
- Вартанов С.А. 2023. Медиакommunikационная индустрия: к теоретическому обоснованию категории. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 48(6): 3–36. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2023.336
- Лосев А.Ф. 1982. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. Москва, Издательство Московского университета, 480 с.
- Островская Е.А. 2021. Миссия выполнима: православные батюшки-блогеры. *Концепт: философия, религия, культура*, 5(1(17)): 44–59. DOI: 10.24833/2541-8831-2021-1-17-44-59
- Островская Е.А. 2022. Альтернативный медиадискурс о РПЦ: православные Telegram-каналы. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2(168): 454–476. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.2046
- Петрейкин А.В. 2023. Сетевой мир как вызов для современного пастыря. *Труды Коломенской духовной семинарии*, 4(23): 82–95.
- Пивоварчик И.В. 2022. Новые религиозные практики: православные батюшки-блогеры. В кн.: *Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации. Сборник научных статей: в 2 ч. Часть 2.* Под ред. В.А. Белозорович. Гродно, ГГУ имени Янки Купалы: 38–45.
- Семенова Д.М. 2013. Активность Русской православной церкви в электронном пространстве (на примере сети Интернет). *Russian Journal of Education and Psychology*, 5(25): 39–45. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-5-39
- Хоружий С.С. 1994. После перерыва. Пути русской философии. Санкт–Петербург, Алетея, 447 с.
- Bourdieu P. 1979. *La distinction Critique sociale du jugement.* Paris, Les Editions de Minuit, 670 s.
- Habermas J. 2001. *Die Zukunft der menschlichen Natur.* Frankfurt am Main, Suhrkamp, 144 s.

References

- Bogatova O.V., Golovanov S.V. 2023. The activity of Orthodox bloggers as the factor of the Orthodox religious organizations modernization. *Science. Culture. Society*, 29(2): 91–102 (in Russian). DOI: 10.19181/nko.2023.29.2.8
- Vartanov S.A. 2023. Media Communication Industry: Towards the Theoretical Grounding of the Category. *Lomonosov Journalism Journal*, 48(6): 3–36 (in Russian). DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2023.336
- Losev A.F. 1982. *Znak. Simvol. Mif. Trudy po yazykoznaniiyu* [Sign. Symbol. Myth. Works on linguistics]. Moscow, Publ. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 480 p.
- Ostrovskaya E.A. 2021. Mission Possible: Russian Orthodox Priest Blogs. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(1(17)): 44–59 (in Russian). DOI: 10.24833/2541-8831-2021-1-17-44-59
- Ostrovskaya E.A. 2022. Alternative Media Discourse about the ROC: Orthodox Telegram Channels. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2(168): 454–476 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.2046
- Petreykin A.V. 2023. Network World Challenges a Modern Shepherd. *Publications of the Kolonna Theological Seminary*, 4(23): 82–95 (in Russian).
- Pivavarchyk I.V. 2022. Novye religioznye praktiki: pravoslavnye batyushki-blogery [New Religious Practices: Orthodox Priest-Bloggers]. In: *Slavyanskii mir i natsional'naya rechevaya kul'tura v sovremennoi kommunikatsii* [Slavic World and National Speech Culture in Modern Communication]. Collection of Scientific Articles: in 2 parts. Part 2. Ed. V.A. Belozorovich. Grodno, Publ. GGU imeni Yanki Kupaly: 38–45.

- Semenova D.M. 2013. The Activity of Russian Orthodox Church in the Electronic Space (for Example, the Internet). *Russian Journal of Education and Psychology*, 5(25): 39–45 (in Russian). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-5-39
- Khoruzhii S.S. 1994. Posle pereryva. Puti russkoi filosofii [After the Break. The Paths of Russian Philosophy]. St. Petersburg, Publ. Aleteiya, 447 p.
- Bourdieu P. 1979. La distinction Critique sociale du jugement [The social Critical distinction of judgment]. Paris, Publ. Les Editions de Minuit, 670 p.
- Habermas J. 2001. Die Zukunft der menschlichen Natur [The Future of Human Nature]. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 144 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.12.2025

Received December 20, 2025

Поступила после рецензирования 01.05.2026

Revised May 01, 2026

Принята к публикации 18.05.2026

Accepted May 18, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Грицай Людмила Александровна, доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории педагогики, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия.

Lyudmila A. Gritsai, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of Pedagogy, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia.

УДК 070
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-250-268
EDN GDGGAC

Международное вещание Китая: от пропаганды к глобальному медиа

Мириманов Д.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
Финансовый университет при Правительстве РФ
Россия, 125167, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2
mirimanov@gmail.com

Аннотация. Вековая традиция китайской журналистики предопределяет специфику современных международных СМИ Китая. Эти СМИ действуют на периферии культурной дипломатии и «мягкой силы», но при этом сохраняют жёсткую привязку к партийному контролю. Исследования китайских СМИ преимущественно рассматривают новые медиа и информационную политику в современном Китае. Вопросы же информационно-организационной деятельности медиахолдингов, представляющих Китай в глобальном информационном пространстве, системно не изучались. Цель исследования – выявить особенности международного телевизионного вещания Китая в историческом контексте (на примере медиахолдинга CGTN) – от зарождения системы в 1938 году до современного этапа, когда международные медиа стали инструментом государственной информационной политики. Значительное внимание в работе уделяется русскоязычному вещанию Международного Радио Китая (МРК). Установлено, что ключевой особенностью является противоречие между включением СМИ в рыночную экономику и строгим контролем Центрального отдела пропаганды КПК. Это противоречие следует рассматривать как методологически значимое основание при исследовании китайских СМИ как актора глобального медиaprостранства.

Ключевые слова: China Global Television Network (CGTN), китайское международное телевидение, государственная информационная политика, пропаганда, «мягкая сила», китайская журналистика

Для цитирования: Мириманов Д.А. 2026. Международное вещание Китая: от пропаганды к глобальному медиа. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 250–268. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-250-268 EDN: GDGGAC

China's International Broadcasting: from Propaganda to Global Media

Dmitry A. Mirimanov

M.V. Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia
Financial University under the Government of the Russian Federation
49/2 Leningradsky Ave., Moscow 125167, Russia
mirimanov@gmail.com

Abstract. The centuries-old tradition of Chinese journalism predetermines the specifics of China's modern international media. These media operate on the periphery of cultural diplomacy and soft power, but they remain tightly tied to party control. Research on Chinese media primarily focuses on new media and information policy in contemporary China. However, the issues of information and organizational activities

of media holdings representing China in the global information space have not been systematically studied. The purpose of this study is to identify the features of China's international television broadcasting in historical context (using the example of the CGTN media holding) – from the inception of the system in 1938 to the current stage, where international media have become an instrument of state information policy. The study pays significant attention to the Russian-language broadcasting of the International Radio of China (IRC). It has been established that a key feature is the contradiction between the inclusion of media in the market economy and the strict control of the Central Propaganda Department of the Communist Party of China. This contradiction should be considered as a methodologically significant basis for studying Chinese media as an actor in the global media landscape.

Keywords: CGTN, Chinese international television broadcasting, propaganda, soft power, Chinese journalism

For citation: Mirimanov D.A. 2026. China's International Broadcasting: from Propaganda to Global Media. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(2): 250–268 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-250-268 EDN: GDGGAC

Введение

Возрастающее влияние Китая на глобальный информационный процесс, рост охвата международного телевещателя CGTN и усиление идеологической направленности государственных медиа превращают китайскую медиамодель в стратегическую альтернативу западной [Li, Wu, 2018; Waight, 2025]. Вместе с тем сохраняющееся противоречие между декларируемой функцией «мягкой силы» и фактическим партийно-идеологическим контролем остаётся теоретически слабо разрешённым [Brady, 2008; Stockmann, Luo, 2017], что обуславливает актуальность исследования.

Международное вещание формирует интерпретационные рамки восприятия событий и конкурирует за глобальную повестку, вследствие чего государства рассматривают его как инструмент внешнеполитического влияния и конструирования благоприятного образа страны [Беликова, 2025; Rawnsley, 2018].

Современная китайская система государственных медиа представляет альтернативную модель организации информационного пространства, принципиально отличающуюся от западной модели. Актуальная научная проблема, требующая исследовательского внимания, состоит в противоречии между декларируемыми целями китайской журналистики, в том числе и международной, как инструмента «мягкой силы», и фактическими механизмами партийного идеологического контроля, которые определяют организационную структуру, редакционную политику и контент.

Исследование китайской медиамодели критически важно для понимания трансформации глобального информационного порядка. Данные [Stockmann et al., 2023] подтверждают эффективность государственного медиа в продвижении преимуществ «китайской модели». Ученые [Bolsover, 2018] доказывают, что эта система функционирует как устойчивая альтернатива западной, интегрируя цифровое развитие с пропагандой. Анализ вещания [Zhao et al., 2024] и VR-технологий [Zhou, 2024] демонстрирует адаптацию китайских медиа к актуальным форматам и нарративам. Сравнительные исследования [Zhang, 2022] подчеркивают уникальность стратегий Китая, сопоставляя их с российским опытом в условиях конфликтов. Эти работы раскрывают механизмы формирования международного влияния КНР через дискурсивную власть.

Существующий массив научных исследований, посвященных изучению международного вещания КНР, демонстрирует отчетливую ограниченность, выраженную в недостаточности внимания к вопросам генезиса китайской журналистской традиции и ее влияния на современные медиaprактики. Более того, текущий корпус работ зачастую

обходит стороной внутренние функциональные противоречия системы, возникающие на стыке рыночных стратегий и идеологических нарративов.

Цель исследования – выявить особенности международного телевизионного вещания Китая в историческом контексте (на примере медиахолдинга CGTN) – от зарождения системы в 1938 году до современного этапа, когда международные медиа стали инструментом государственной информационной политики.

Материалы и методы исследования

Историко-генетический и историко-системный анализ позволили проследить эволюцию китайской медиасистемы. В ходе исследования были проанализированы партийные и государственные документы (решения ЦК КПК, руководящие материалы Центрального отдела пропаганды, положения о телерадиовещании, нормы профессиональной этики журналистов) из открытых источников (10 ед.), законодательно закреплённые основания деятельности СМИ в материковом Китае, Гонконге и на Тайване, сопоставленные с европейскими и международными стандартами свободы слова и свободы прессы (6 ед.).

Политико-экономический подход позволил выявить особенности процессов коммерциализации, медиаконцентрации и формирования «социалистических медиагрупп», а также их влияние на статус и функции международного вещания. На этой основе реконструирована «двухъярусная» модель медиасистемы с её разделением на центральный и провинциально-региональный уровни.

Для качественного анализа в работе применён метод кейс-стади, позволивший охарактеризовать медиахолдинг CGTN как ключевой инструмент международного телевизионного вещания Китая.

Отдельный сегмент исследования составляет русскоязычное направление МРК и CGTN, рассматриваемое как специфический канал адресации к стратегически значимой русскоязычной аудитории, что обусловлено историческими связями и современными геополитическими интересами Китая на постсоветском пространстве.

В качестве дополнительного метода использован вторичный анализ эмпирических данных, представленных в исследованиях международных организаций, аналитических центров и научных журналов (в том числе данных о росте доли правительственных новостей в партийной прессе, рейтингах свободы прессы и результатах анализа цифровой цензуры на платформах WeChat и Weibo).

Результаты и обсуждение

Ретроспективный обзор становления китайской журналистики. Китайская журналистика представляет уникальный феномен, опирающийся на вековые традиции письменности, культуры, литературы, государственной политики и идеологии. В отличие от западной журналистики, которая исторически эволюционировала в борьбе за свободу слова и в своей первородной основе опиралась на экономические возможности и ограничения, китайская журналистика развивалась как институт, функционально подчиненный целям народа, государства и партии. Но эта подчиненность не является статичной. На протяжении XX–XXI вв. имело место регулярное взаимодействие партийно-государственного аппарата и коммерческих структур, идеологических требований и запросов аудитории, централизованной пропаганды и локальных медиаинициатив [Zhao, 2008]. До 1911 года государственная информация распространялась через систему официальных газет «Жибao», доступных только аристократии и высокопоставленным чиновникам и содержащих указы императора, отчеты о деятельности правительства и официальные нормативные акты [Britton, 1933]. Эти издания принципиально отличались от современных по своим функциям: они служили средством управления для аппарата

государства, а не инструментом влияния на общественное мнение. Трансформация произошла после входа Китая в международное информационное пространство. Первые современные газеты в Китае, основанные иностранцами, главным образом миссионерами и коммерсантами, издавались на интернациональных территориях – в Шанхае, Гонконге [Guan, 1943]. Ключевой поворот произошел с появлением в 1872 году газеты «Шэньбао», созданной британцем Эрнестом Мейджором [Wagner, 1995]. Это была первая крупная газета с китайским редакционным коллективом и ориентацией на китайскую аудиторию. В отличие от других иностранных издателей Э. Мейджор избегал прямой пропаганды западных интересов и осуществлял редакционную политику по принципу «служение государству путем адаптации западных институтов к китайским условиям» [Wagner, 1995]. Максимальные тиражи «Шэньбао» достигали 150 тыс. экземпляров и являлись образцом китайской прессы. Газета первой ввела рубрики писем и рекламных сообщений, а главное – использовала в журналистских текстах разговорный китайский язык байхуа вместо классического литературного языка Вэньянь [Polumbaum, 1990]. Выпуск «Шэньбао» прекратился в мае 1949 года, когда Народно-освободительная армия заняла Шанхай.

Газета *Ta Kung Pao*, основанная в 1902 г. маньчжурским аристократом Ин Ляньчжи, пропагандировала «четыре «нет», предполагавшие «нет» зависимости от политических партий, «нет» продаже самой газеты, «нет» личным интересам в редакционной деятельности и «нет» односторонности в суждениях. Газета открыто критиковала реакционных лидеров и поддерживала демократические реформы.

Газета *Min Kuo Jih Pao*, также известная как «Республиканская ежедневная газета», основанная в 1916 г. в Шанхае Чэнь Цимэйем и его соратниками, первоначально была органом Китайской революционной партии, а после возникновения Гоминьдана стала его официальным печатным органом в провинции Шанхай. Издание активно критиковало политику Юань Шикая – первого Президента Китайской республики и последнего Императора Китая – и поддерживало конституционное движение, занимая радикальную позицию и пропагандируя социальное равенство и марксизм. Газета периодически призывала к забастовкам и протестам, заняла радикальную позицию в последующем Движении новой культуры, призывая к гендерному равенству, освобождению женщин и продвигая идеи марксизма-ленинизма. После перехода под контроль Western Hills Group газета заметно утратила популярность и в 1932 году была закрыта. Ключевую роль в этом сыграла Япония, обвинив редакцию в неуважительных высказываниях в адрес императора. В 1945 году была преобразована и переименована в *Min Pao*, просуществовав до 1947 года.

Газеты *Dagong Bao* и *Xinwen Bao* приобрели репутацию относительно независимых изданий, критиковавших правительство и поднимавших социальные проблемы [Polumbaum, 1990]. Однако эта независимость была относительной: все издания ощущали давление со стороны политических сил – военных генералов, партийных лидеров и иностранных держав.

Гуманитарную и просветительскую миссию несла газета *Yi Shi Bao*, основанная в 1915 году бельгийским католическим священником Ф.-В. Леббе и пропагандировавшая социальное благополучие и образование. Тогда же в Шанхае был основан журнал *New Youth (Youth Magazine)*, сыгравший революционную роль в культурной жизни Китая, пропагандируя западные идеи демократии и науки на языке байхуа. *New Youth* оказал значительное влияние как на Движение за новую культуру, так и на Движение четвёртого мая.

К официальным же изданиям Китайской националистической партии можно отнести *Central Daily News* (основана в 1928 году в Шанхае) как официальный печатный орган Гоминьдана и правительства Китайской Республики. Издание являлось основным государственным печатным органом Республики и служило «мостом» между правительством и народом. Журнал *Guide Weekly* (основан Чэнь Дусю в 1922 г. в Гуанчжоу) публиковал партийные документы и пропагандистские материалы, комментарии по вопросам международной и внутренней политики, издавался до 1927 года Газета *Xinhua*

Daily, основанная в 1938 году, была единственным официальным изданием Коммунистической партии Китая во время Второй китайско-японской войны, публиковала пропагандистские и агитационные материалы против японской агрессии. После 1945 года активно пропагандировала коммунистические идеи и критиковала политику Гоминьдана. После многочисленных реорганизаций вошла в состав медиагруппы «Синьхуа». *Gongren Zhi Lu* (1925–1927 гг., Гуанчжоу) ориентировалась на китайское рабочее движение, осуществляла коммуникацию между руководством КПК и рабочими; служила средством распространения социалистических идей среди городского пролетариата, что соответствовало авторитарной модели управления медиа.

В ранний период Республики существовала также англоязычная пресса, ориентированная на иностранного читателя. Одной из наиболее влиятельных была шанхайская газета *North China Herald* (1850–1941), детально освещавшая политические и экономические события. *The China Press* (1925–1938), *China Weekly Review* (1917–1953), *China Critic* (1939–1946) служили для англоязычной аудитории важными источниками информации о жизни Китая.

Первые попытки привнести профессиональные западные стандарты в китайскую прессу появились в 1920-е годы, когда на Всемирном конгрессе прессы в Гонолулу в 1921 г. китайские журналисты обсуждали с западными коллегами внедрение норм объективной журналистики и редакционной независимости [Weston, 2010, p. 327–348]. Однако, как отмечает Т. Вестон, эта интеграция была ограничена объективными факторами: западная пресса сама не следовала своим собственным стандартам при освещении жизни Китая, а китайский национализм противостоял любым попыткам иностранного культурного влияния [Weston, 2010, p. 327–348].

Все этапы национальной борьбы были отмечены возрастающей политизацией медиа, которые Коммунистическая партия Китая (КПК) рассматривала как инструмент агитации и пропаганды. При этом, находясь в подполье, КПК развивала собственные нелегальные издания и полагалась на советскую радиопропаганду для распространения своих идей [Meyskens, 2018]. Когда компартия создала революционную базу в Яньани (1935–1945), она основала первую радиостанцию «Синьхуа».

После провозглашения в 1949 году Китайской Народной Республики национальная журналистика была полностью интегрирована в систему партийно-государственного контроля. Первоначальное внедрение лозунга Мао Цзэдуна в 1957 г. «*Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ. Во время цветения благоухающих цветов неизбежно вырастают и ядовитые травы. Но это совсем не страшно и в определенных условиях даже полезно*» завершилось травлей редакций, что подтвердило: газетами управляют политики, а свобода слова жестко ограничена. Пресса в еще большей степени была интегрирована в коммунистическое строительство. Институционально это осуществлялось Центральным отделом пропаганды КПК, который, отвечая за формирование общественного мнения, напрямую контролировал деятельность и содержание всех основных газет и журналов. Тогда же, в 1957 г., этот контроль был инициирован и узаконен Мао Цзэдуном в докладе «О правильном разрешении противоречий внутри народа» следующими положениями: «...в каждой провинции надо создать группу, возглавляемую одним человеком, для написания статей по важнейшим проблемам... ежемесячно следует готовить по одной статье и таким образом покончить с кривотолками... отделу пропаганды надо раз в месяц приглашать журналистов на беседы, можно это делать и несколько раз в месяц»¹.

¹ Мао Цзэдун. 1975. Реплики на Совещании секретарей провинциальных и городских комитетов партии (январь 1957 года). В кн.: Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати: перевод с китайского. Вып. 1: Апрель 1950 - июль 1957 года. Под ред. О. Борисовой, М. Титаренко. Москва, Прогресс. URL: <https://fb2.top/vystupleniya-mao-czeduna-ranee-ne-publikovavshiesya-v-kitayskoy-pechati-vypusk-pervyyu-1950-ndash-195-808825/read/part-17#19> (accessed: January 29, 2026)

Газета «*Жэньминь жибао*», основанная в 1948 году, стала официальным органом Центрального комитета КПК, транслирующим партийную линию [Wu, 2000, p. 44–47]. На периферии множество провинциальных, муниципальных и отраслевых газет должны были дублировать и адаптировать установки центральной партийной пропаганды. Ключевую роль в этой системе агитации и пропаганды играло радио. Апогеем партийного контроля над медиа стал период Великой пролетарской культурной революции (1966–1976 гг.), когда медиаландшафт еще более сокращался и жестко контролировался. Система «две газеты и один журнал» – «*Жэньминь жибао*», «*Гуаньминь жибао*» и журнал «*Хунци*» – становилась центральной и отражала авторитетные источники политической информации [Ye, 1990, p. 42–63]. Мао Цзэдун лично писал статьи в эти издания, и его высказывания мгновенно ложились в основы законов.

Развитие радиовещания Китая. После 1949 года Центральное радиовещание из Пекина развивалось не столько как средство информации или развлечения, сколько как инструмент государственного контроля, проникающий в каждое село, школу, предприятие [Covell, 2018]. Архитектура радиосети была уникальна в своей интегрирующей функции: локальные радиостанции функционировали как ретрансляторы центральных передач, причем радиооборудование в сельской местности часто дополнялось уличными громкоговорителями, подключенными к этой системе. Таким образом, основная масса регионального населения воспринимала партийную информацию через этот локальный источник, но фактически полностью контролируемый КПК. Учитывая ограниченные финансовые ресурсы страны, в 1952 году Бюро радиовещания, следуя практике других стран, представило доклад премьеру Чжоу Эньлаю с просьбой ввести плату за радиоточку. Инициатива была отклонена со ссылкой на стесненные экономические условия граждан. К середине XX в. в Китае насчитывалось более 80 радиостанций, 22 из которых располагались в Шанхае, а остальные представляли собой сеть локальных ретранслирующих станций. До 1983 года Китай придерживался политики четырех уровней вещания – центрального, провинциального, городского и уездного [Дун, 2019]. Тогда же ЦК КПК принял постановления, регламентирующие пропаганду на радио и телевидении, в которых говорилось: «*Радио и телевидение являются самыми мощными современными инструментами идеологического воспитания армии и народов для строительства социалистической материальной и духовной цивилизации, а также одним из самых эффективных инструментов партии и правительства для воздействия на массы*»¹ (перевод автора).

Коммерциализация СМИ Китая. После смерти Мао Цзэдуна в 1976 году и прихода к власти реформаторов во главе с Дэн Сяопином начался процесс трансформации китайской медиасистемы. От либерализации прессы этот процесс был далек, но появились элементы коммерциализации, которая проводилась сверху, государством, и была направлена не на ослабление партийного контроля, а на его адаптацию к условиям рыночной экономики [Zhao, 2008, p. 78–105]. В начале 1980-х гг. государство постепенно сокращало прямые субсидии СМИ, требуя от них достижения финансовой самостоятельности к 1994 году. Это вынудило их искать альтернативные источники доходов, прежде всего через рекламу. В 1983 году доходы от рекламы на радио и телевидении составили около 34 млн юаней. В 1996 году – 6,4 млрд юаней; в 2002 году – 20,9 млрд юаней; в 2008 году – 7,6 млрд юаней [Purpin, 2020, p. 66–69].

КПК использовала рыночные механизмы как дополнительный инструмент для достижения своих идеологических целей. Чжао Юэцин отмечает, что партия изучила опыт Британской империи, которая в 1853 году отменила налоги на печать не ради свободы прессы, а для того, чтобы подавить радикальную рабочую прессу и установить контроль над

¹ Outline of the Report concerning Radio and Television Work. 1983. China Copyright and Media, October 26, 1983. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/1983/10/26/outline-of-the-repo5t-concerning-radio-and-television-work/> (accessed: January 29, 2026)

буржуазными благоразумными изданиями [Zhao, 2008, p. 78–105]. По аналогии китайская Партия рассчитывала, что рыночные механизмы помогут ей избавиться от различных бюрократических медиаструктур и установить более гибкий и при этом более эффективный контроль.

В конце 1990-х гг. в Китае произошла масштабная реформа всей медиасистемы. Партийные органы, опасаясь потери контроля над информацией, инициировали консолидацию СМИ в крупные «социалистические медиагруппы» [Jiang, 2007]. В качестве пилотного проекта была выбрана газета *Guangzhou Daily*, добившаяся коммерческого успеха благодаря публикациям на популярные, социально значимые темы и фокусировке на региональных интересах и сочетавшая партийный контроль и рыночную модель [Zhao, 1998, p. 167–195]. Структура, которая возникла из этого опыта, была определена как «двухъярусная» [Chinese Media..., 2003] – организационно-управленческая модель, при которой медиасистема КНР представляет собой два взаимосвязанных уровня (яруса): центральный и местный (провинциально-региональный). Такая структура распределяет полномочия, контент и ответственность между центром и регионами, включает основное издание – официальный партийный орган, публикующий редакционные статьи, транслирующий официальную позицию руководства и задающий рамку интерпретации событий и стратегические ориентиры, и дочерние издания – коммерческие, развлекательные или специализированные, которые фокусировались на интересах определенной аудитории и финансировали деятельность всего холдинга [Chinese Media..., 2003]. Дочерние издания обеспечивали максимальный охват аудитории и обрабатывали обратную связь на местах. Таким образом, партийная пропаганда косвенно финансировалась коммерческой, рекламной деятельностью.

Становление телевидения в Китае. Телевидение в Китае развивалось по аналогичной траектории. Хотя первые телепередачи начались еще в 1950-х гг., телевидение оставалось элитарным средством коммуникации до 1980-х гг., широким слоям городского населения телеприемники стали доступны только в начале 1990-х гг. [Li, 2001]. Активную реализацию получили проекты по охвату телерадиовещанием в приграничных районах Тибета и Синьцзяна, а также проекты по обеспечению доступа сигнала в деревни, производству программ на языках этнических меньшинств. Китайское телевидение претерпело эволюцию от явного пропагандистского инструмента к гибридной системе, сочетающей партийные запросы с развлекательным контентом и агитационной информацией. Несмотря на то что все основные информационные программы до настоящего времени остаются под строгим партийным контролем, появилась целая группа развлекательных программ, сериалов и документальных фильмов, которые также подвергаются цензуре, но предлагают заметно более разнообразное содержание [Zhu, 2012]. Избрание Си Цзиньпина генеральным секретарем КПК в 2012 году ознаменовало переход к значительно более жесткому контролю информационной среды. В 2018 году Си Цзиньпин на конференции, посвященной пропаганде и идеологии, сформулировал преимущество принципа партийного управления медиа, подчеркивая, что медиа должны быть «рупором партии» и что это требование не подлежит пересмотру независимо от изменения времени и медиаландшафта [Чжан и др., 2025]. Этот период характеризуется усилением агитационно-пропагандистского контента. Исследование, опубликованное в журнале PNAS в 2025 году, показало, что доля правительственной информации на первых полосах партийных газет возросла с 6,7% в 2012 г. до 20,3% в 2021 году и что этот контент становился все более идеологически направленным [Waight, 2025].

В 2018 г. произошла масштабная реформа, интегрировавшая все государственные СМИ (CCTV, Xinhua News Agency, People's Daily, China Radio International) в единый контрольный орган (NRTA), который подчиняется Центральному отделу пропаганды КПК

[Stockmann, Luo, 2017, p. 189–202]; также был введен контроль над интернет-контентом согласно новым нормативным актам¹.

Партийный контроль интернет-платформ. Инновацией в сфере партийного контроля в XXI в. стало использование цифровых платформ и алгоритмов. WeChat, самое популярное приложение в Китае для обмена сообщениями с миллиардной аудиторией, функционирует как многоуровневая платформа. Исследование Citizen Lab выявило двухуровневый контроль деятельности WeChat: для внутриконтинентальных аккаунтов это активная фильтрация ключевых слов в реальном времени, блокировка политически чувствительных изображений через хеширование и использование оптического распознавания символов для идентификации и удаления текста, критически настроенного по отношению к партии [Knockel et al., 2019]. Для международных аккаунтов применяется скрытое наблюдение за содержанием, отправляемым зарубежными пользователями, с последующим использованием этой информации для обучения алгоритмов цензуры, применяемых к внутриконтинентальным пользователям². Таким образом, международные пользователи WeChat, часто не подозревая об этом, непроизвольно участвуют в «обучении» государственного аппарата контроля над выражением мнений в материковом Китае. Платформа Weibo, называемая «китайским Twitter», находится под контролем Cyberspace Administration of China³, которая выпускает директивы об удалении контента, касающегося чувствительных тем, таких как протесты на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., независимость Тибета и Синьцзяна, критика партийного руководства.

На содержательном уровне китайская журналистика и вся медиасистема при Си Цзиньпине функционирует в рамках ключевых нарративов, охватывающих три направления: а) величие китайской цивилизации и сила КПК – государственная пресса повторяет тезис о том, что Китай под руководством КПК достиг небывалого экономического и социального развития и что эта модель превосходит западные модели развития; это выражается через визуальные символы (портреты лидеров), официальные праздники и агитационные статьи [Brady, 2008]; б) агрессия со стороны «враждебной иностранной силы»: внешний враг, в частности США и западные СМИ, изображаются как враждебные силы, стремящиеся подорвать развитие Китая и навязать свою идеологию (агентство «Синьхуа», например, активно публикует материалы, обличающие западные СМИ в предвзятости и деструктивной пропаганде⁴); в) национальное единство и социальная стабильность: СМИ подчеркивают необходимость национального единства, социальной стабильности и неукоснительного соблюдения государственных законов, а критика власти, даже на локальном уровне, часто трактуется как угроза национальной безопасности [Wang, 2018].

Несмотря на идеологический контроль, в китайской журналистике наблюдается самоорганизация [Короченский, 2004] и формирование профессиональных стандартов. Ассоциация журналистов Китая регулярно обновляет «Нормы профессиональной этики журналистов»⁵. В частности, эти нормы включают принципы, внешне напоминающие

¹ Internet News Information Service Management Rules. 2016. China Copyright and Media, January 13, 2016. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/01/13/internet-news-information-service-management-rules/> (accessed: January 29, 2026)

² Xiao E. 2020. China's WeChat Monitors Foreign Users to Refine Censorship at Home. The Wall Street Journal., 2020, May 8. URL: <https://www.wsj.com/articles/chinas-wechat-monitors-foreign-users-to-refine-censorship-at-home-11588852802> (accessed: January 29, 2026)

³ Henochoicz, A. The Human Side of Censorship: Keyword Filtering and Censorship Directives on the Chinese Internet. In: FOCI '15. 5th USENIX Workshop on Free and Open Communications on the Internet (Washington, August 10, 2015. USENIX. URL: <https://www.usenix.org/conference/foci15/workshop-program/presentation/henochoicz> (accessed: January 29, 2026).

⁴ Reporters Without Borders. Xinhua: The World's Biggest Propaganda Agency. Paris : RSF, 2005. September 30. URL: <https://rsf.org/en/reports/xinhua-worlds-biggest-propaganda-agency> (accessed: January 29, 2026)

⁵ All-China Journalists Association. (2009). "Norms of Professional Ethics for Chinese Journalists." Beijing: ACJA.

стандарты западной журналистики, – верификацию источников, отказ от фальсификации новостей, уважение к правам интервьюируемых и аудитории. Однако первый и главный принцип нормативов гласит: «Верно служить народу, партии и государству», что явным образом подчиняет профессиональные журналистские стандарты идеологическим требованиям партии [Истомина, Симонова, 2022, р. 138–149]. И эти требования невольно создают очевидный парадокс: журналисты должны следовать нормам и правилам профессии и при этом продвигать партийную линию и защищать партийные интересы.

СМИ Гонконга. История прессы Гонконга кардинально отличается от прессы материкового Китая. В колониальный период СМИ Гонконга имели хотя и относительную, но значительно большую свободу. Британские колониальные власти сохраняли видимость либеральных институтов – отчасти для оправдания своего правления перед британской общественностью, отчасти для привлечения инвестиций [Neumann, 1997]. К 1997 г., когда Гонконг был де-юре возвращен Китаю в соответствии с соглашением «одна страна, две системы», СМИ Гонконга была предоставлена высокая степень автономии. Ст. 27 Основного закона Гонконга и Ст. 16 Билля о правах Гонконга гарантировали свободу слова, прессы и публикации¹. Однако после 2020 года, когда Пекин принял Закон о национальной безопасности, ситуация кардинально изменилась. Закон криминализировал подстрекательство к восстанию против государства, сепаратизм, терроризм и заговоры с иностранными силами². Определения этих преступлений были неясны и интерпретировались широко, что повысило уровень самоцензуры журналистов.

В течение двух лет после принятия этого закона были арестованы десятки журналистов, некоторые независимые медиаорганизации (Apple Daily, Stand News и др.) были закрыты³, а Гонконг с 2015 по 2025 год по показателям Индекса свободы прессы Reporters Without Borders упал с 71-го на 140-е места⁴.

СМИ Тайваня. По контрасту с Гонконгом Тайвань развивал свою медиасистему как институционально независимую от материкового контроля. После официального перехода к демократии в 1990-х годах тайваньская пресса эволюционировала в сторону либеральной модели⁵. Однако эта относительная свобода прессы находилась под постоянным давлением со стороны КНР. Крупные конгломераты, такие как China Times, имевшие значительные экономические интересы на материке, цензурировали критику КПК, чтобы не провоцировать Пекин⁶. В значительной мере статьи China Times о положении в Синьцзяне были основаны исключительно на материалах китайских государственных СМИ, без критического анализа⁷.

Китайская журналистика укоренена в марксистской теории СМИ, которая рассматривает медиа не как нейтральный канал информации, а как инструмент классовой борьбы и идеологического контроля. В этой интерпретации капиталистические СМИ служат интересам буржуазии, в то время как социалистические – интересам рабочего класса и строительству коммунизма⁸.

С начала 2000-х гг., по мере интеграции Китая в глобальную экономику и укрепления его международного положения, КПК переформулировала функции медиа в терминах «мягкой силы» [Nye, 2004]. Агентство «Синьхуа», Центральное телевидение Китая (CCTV)

¹ Hong Kong Basic Law. 1990. Chapter III: Fundamental Rights and Duties of Residents. Hong Kong, Government Printing Office.

² Hong Kong National Security Law. 2020. Law of the People's Republic of China on Safeguarding National Security in the Hong Kong Special Administrative Region. Beijing.

³ Hong Kong Watch. 2021. Press Freedom Campaign: #FreeHKJournalists." London.

⁴ Reporters Without Borders. 2025. World Press Freedom Index. Paris, RSF.

⁵ Jaw-Nian, H. The China Factor in Taiwan's Media. Global Times, April 12.

⁶ Global Taiwan. 2023. Assessing Taiwan's Media Landscape and PRC Influence. Global Taiwan Initiative, University of Washington.

⁷ Там же

⁸ Marx, K., & Engels, F. 1848. The Holy Family, or Critique of Critical Criticism. Berlin, Literarischer Verlag.

и другие государственные медиа были переориентированы на мировую аудиторию с задачами «рассказать миру китайскую историю» и «выстроить международный дискурс, благоприятный для Китая»¹. Этот медийный поворот потребовал миллиардных инвестиций, хотя интеграция и носила односторонний характер: в «Положении об управлении радио и телевидением» указано, что иностранные фильмы и телесериалы для трансляции на китайском телевидении должны быть рассмотрены и одобрены административным отделом при Государственном совете². В отличие от классической концепции «мягкой силы», ее китайская интерпретация прочно укоренена в принципе партийного контроля. CGTN, например, продолжает подчиняться редакционным указаниям Центрального отдела пропаганды и часто распространяет информацию, критикуемую за фактическую неточность международными организациями [Kurlantzick, 2010, p. 44–54].

Попытки Китая глобально расширить международную медиаактивность привлекают внимание со стороны международных экспертов³. Вашингтон рассматривает информационные действия Китая как значительную угрозу стратегическим интересам США. Некоторые китайские обозреватели также критикуют международное телевидение за недостаточные результаты в международном признании и завоевании широкой аудитории, иногда в резких тонах, обличая телеканал: «самая скучная новостная программа в мире»⁴. Со своей стороны, редактор China Media Project при Университете Гонконга Дэвид Бандурски определяет проект CGTN как дезориентирующий и, предположительно, стратегически ошибочный. Такие оценки указывают на наличие фундаментальных противоречий между декларируемыми целями CGTN и их практической реализацией.

В китайской журналистике ученые отмечают наличие саморегулирования, когда некоторые журналисты приняли практику «сознательного» самоцензурирования, избегая определенных тем или коннотаций, что соответствует партийным требованиям и журналистским профессиональным стандартам [Wu, 2022]. Например, Цзюнь Юэ описывает это явление как «дисциплину через интернализацию»: журналисты осознают «красную линию» – точку, за которой критика или выражение иного мнения становятся неприемлемыми для партии. Журналисты сами знают, о чем можно, а о чем нельзя писать, и эти знания укладываются, например, в «уведомление о принятии чрезвычайных мер по освещению новостей о чрезвычайных ситуациях», изданным Центральным комитетом КПК, где сформулированы принципы освещения новостей при чрезвычайных ситуациях⁵. Помимо центрального существуют также региональный и муниципальный контроль. Каждая региональная газета получает директивы от соответствующего отдела пропаганды партийного комитета данного уровня, что создает систему многоуровневого контроля, где локальные издания подчиняются как центральным партийным указаниям, так и локальным политическим интересам местных партийных лидеров.

Международное радиовещание Китая. Международное радио Китая (МРК) – ключевой, масштабный инструмент государственной информационной политики Китайской Народной Республики за рубежом. Будучи третьей по величине международной радиостанцией в мире по объему и количеству используемых языков, МРК занимает

¹ Central Propaganda Department. 2011. Guidelines for Telling China's Story Well. Beijing, CPD.

² Положение о телерадиовещании и телевидении / Государственный совет Китайской Народной Республики. Order No. 732. Effective from November 29, 2020. Article 39. URL: <http://www.zgwg.gov.cn/contents/53751/624627.html> (дата обращения: 21.01.2026).

³ Paul Mozur. Live From America's Capital, a TV Station Run by China's Communist Party. NYT. Feb. 2019. URL.: <https://www.nytimes.com/2019/02/28/business/cctv-china-usa-propaganda.html> (accessed: August 08, 2025)

⁴ Zhuoran Li and Gavin Xu. Despite High Ambition, China's Media Influence Operation Is Far From Successful. The Diplomat. May 2022. URL.: <https://thediplomat.com/2022/05/despite-high-ambition-chinas-media-influence-operation-is-far-from-successful/> (accessed: August 08, 2025)

⁵ ЦК Коммунистической партии Китая и Всекитайской ассоциации журналистов. 2020. Нормы профессиональной этики китайских журналистов. China Law Translate, URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/norms-of-professional-ethics-for-journalists/> (дата обращения: 21.01.2026).

стратегическое место в системе китайских государственных СМИ¹. Русскоязычное направление МРК представляет исторически успешный опыт международного вещания Китая. В отличие от английского языка, который служит глобальным средством международной коммуникации, и китайского, являющегося инструментом для связи с диаспорой и китайской цивилизацией в целом, русский язык в стратегии МРК занимает специфическую позицию: это язык стратегического соседа.

В ноябре 1938 г. руководство Китайской Республики создало Международную коротковолновую радиостанцию Китая с английскими позывными «Voice of China» («Голос Китая»). С 1939 года станция транслировала передачи на 9 языках, включая русский и позиционируя себя как голос сопротивления японской оккупации. К середине 1940-х гг. гоминьдановское правительство выстроило разветвлённую систему международного вещания, однако единая, общегосударственная система иновещания КНР как коммунистического государства сформировалась после 1949 года. Важно отметить ключевую роль Советского Союза в становлении китайской системы международного вещания. В июне 1950 г. между СССР и КНР был заключен «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи» сроком на 30 лет, предусматривавший военное, экономическое сотрудничество и активный обмен опытом в области средств массовой информации. Первая получасовая программа «Говорит Пекин» прозвучала на московской радиостанции 24 декабря 1954 г., что считается днем рождения русскоязычной службы МРК. В начале 1954 года делегации китайских и советских журналистов совершили дружественные поездки в страны, проведя десятки встреч и конференций [Yao, 2011]. Эти обмены отражали официальную позицию государств о необходимости взаимного информирования и культурного обмена в интересах укрепления социалистического блока. Между СССР и КНР было заключено соглашение о сотрудничестве в области радиовещания, согласно которому государственные радиостанции стран обменивались магнитными записями радиопередач для эфира на русском и китайском языках [Ван, 2016, с. 142]. С 1957 г. МРК увеличило объем вещания на русском языке с одной еженедельной программы до трех. Начиная с конца 1950-х гг., после реакции Мао Цзэдуна на доклад Н.С. Хрущёва о культе личности Сталина, информационная политика китайского иновещания постепенно смещалась от демонстрации социалистического единства ко всё более жёсткой критике «советского ревизионизма». Этот тренд достиг пика в 1960–1966 гг., что проявлялось в содержании русскоязычных программ МРК. Период Великой культурной революции стал кульминацией идеологизации как внутренней политики, так и внешних информационных стратегий Китая. МРК, как и остальные китайские СМИ, подверглось еще большей радикализации и поддержке маоистского курса. Содержание русскоязычного вещания, как и остальных китайских СМИ этого периода, преимущественно состояло из трансляций цитат Мао Цзэдуна и пропагандистски ориентированных программ [Kurlantzick, 2010]. Для сравнения, программы более раннего периода содержали экономическую и культурно-развлекательную информацию.

Признание КНР в ООН в 1971 году переориентировало глобальную политику МРК, в том числе и русскоязычное вещание. Если ранее целевой аудиторией были политические элиты и идеологические активисты, то теперь ставилась задача расширения аудитории и изменения тона вещания. Полная трансформация произошла только после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г.

Политика «реформ и открытости», провозглашенная Дэн Сяопином на III пленуме XI съезда КПК в 1978 году, предполагала не только хозяйственные преобразования, но и переосмысление роли информации в развитии общества². Если при Мао Цзэдуне международное вещание служило целям идеологической полемики, то при Дэн Сяопине

¹ China Radio International Factsheet. 2024. About CRI. Retrieved from official.cri.cn/about

² Deng Xiaoping. 1994. Selected Works of Deng Xiaoping, 1982-1992. Foreign Languages Press, 400 p.

оно стало инструментом репрезентации достижений реформируемого Китая. На смену идеологизированному контенту пришли экономические программы, демонстрировавшие научно-техническое развитие и культурные достижения Китая. Это не означало отказа от государственного контроля или появления независимой журналистики, но отражало переосмысление целей государственного вещания, когда вместо полемики потребовалась «убеждающая коммуникация». Открытие московского корпункта МРК свидетельствовало о нормализации отношений между странами и об усилении русскоязычного направления в стратегии МРК, что обеспечило более оперативный сбор информации и улучшило качество русскоязычных программ благодаря регулярным контактам с носителями русского языка – экспертами, комментаторами, гостями эфира и т.д.

Распад Советского Союза в 1991 году означал исчезновение идеологического противника Китая, однако это не привело к сокращению русскоязычного вещания МРК. Напротив, с переходом России к рыночной экономике и растущей открытости информационному влиянию значение русскоязычного вещания для Китая возросло. 2020-е годы ознаменовались общим внедрением цифровых платформ и качественным изменением в программном наполнении. В этот период транслируются преимущественно повторы программ «Здравствуй, Китай» и «Китай от первого лица», но масштаб вещания существенно сократился.

Русскоязычное вещание МРК регулярно подчеркивает экономический прогресс Китая. Однако характер и фокус этого нарратива менялся: от успехов реформ Дэна Сяопина, интеграции Китая в глобальную экономику и членство в ВТО до фокуса на программе «Один пояс – один путь» и становлении Китая как технологической сверхдержавы. Проблемные репортажи о безработице или загрязнении окружающей среды также присутствуют в эфире, но преподносятся как задачи для китайских властей. Ключевой нарратив в программах МРК транслирует идеи единства китайской нации и процветания китайского государства.

Международное телевидение. В контексте политики КНР международная журналистика и международное вещание функционируют не как независимые институты, а как координированный компонент государственной стратегии для «выхода на глобальную медиповестку» [Anholt, 2007]. Современный этап развития под руководством Си Цзиньпина, начиная с 2012 г., характеризуется значительным ростом инвестиций в международное вещание и более системным подходом к управлению глобальными нарративами. По данным западных аналитических центров, Китай инвестировал в 2008–2009 гг. более 45 млрд юаней (6,6 млрд долларов) в расширение международной медиаинфраструктуры¹.

Международное телевидение Китая развивалось параллельно с радиовещанием. 25 сентября 2000 г. China Central Television (CCTV) запустила CCTV International, задуманный как глобальный новостной канал на английском языке² (в 2010 г. CCTV-9 переименован в CCTV News). Новый канал должен был выглядеть как независимый новостной канал, конкурирующий в глобальном медиaprостранстве [Nelson, 2015]. А 31 декабря 2016 г. все международные подразделения CCTV (CCTV News, CCTV Spanish, CCTV French, CCTV Arabic, CCTV Russian, а также CCTV Documentary) были объединены и переименованы в China Global Television Network (CGTN)³.

По данным за 2017–2018 гг., CGTN осуществлял вещание в 170 странах и регионах с аудиторией в 387 млн [Li, Wu, 2018]. По состоянию на 2024 г. CGTN транслируется более

¹ Nelson A. 2013. CCTV's International Expansion: China's Grand Strategy for Media? A Report to the Center for International Media Assistance, Washington D.C., 40 p.

² Global Media Journal. 2018. A Case Study of China Global Television Network (CGTN): Internationalizing China's Media. *Global Media Journal*, 16(31): 1–15.

³ Там же С. 3.

чем в 160 странах и регионах, а цифровые платформы достигают более 150 млн подписчиков [Rawnsley, 2018]. Организационно CGTN состоит из CGTN English – 24-часового новостного канала на английском языке; CGTN Español на испанском, CGTN Français на французском, CGTN Arabic на арабском, CGTN Russian на русском языках; CGTN Documentary – канала документального кино преимущественно культурно-социальной направленности; CGTN Digital Media Division – мультимедийной платформы с контентом, распространяемым через социальные медиа, мобильных приложений и веб-сайтов. CGTN имеет 4 основных центра производства контента со штаб-квартирой в Пекине, американским телеканалом в Вашингтоне (CGTN America), африканским в Найроби (CGTN Africa), CGTN Europe с основным бюро в Лондоне. Эта географическая диверсификация производства контента является ключевой в стратегии локализации, поскольку при создании контента для международной аудитории необходимы проявление культурной чувствительности, то есть понимание и уважение различий в мировоззрении, традициях и ценностях, а также подлинность предоставляемой информации – без искажений и фальсификаций.

Главная стратегия CGTN заключается в представлении в международном информационном пространстве точки зрения и интересов Китая. Это проявляется как в выборе информационных поводов, так и в способе их подачи. Анализ контентной стратегии CGTN позволяет выявить последовательное использование определённых смысловых моделей при освещении политически значимых событий. В частности, анализ публикаций о трагедии в Тяньцзине (2015) в CGTN и CNN International [Fearon et al., 2016, p. 145–165] показал, что CGTN акцентировал внимание на действиях китайского правительства по ликвидации последствий, в то время как CNN International фокусировался на угрозах и ответственности. CGTN избегал анализа причин трагедии, что свидетельствует о стратегическом использовании информационной неполноты.

Начиная с 2020 года отмечается усиление китайской пропаганды, а именно рост активности во время пандемии COVID-19, когда Китаю нужно было укрепить свой имидж после его ухудшения в связи с началом пандемии¹. Китай пытался контролировать поток критической информации из страны, включая наказание врачей и критиков действий Китая в период коронавирусного кризиса. Китай стремился преуменьшить свою ответственность и создавал образ дружественной страны, которая поставляет медицинское оборудование другим странам и вместе со всем миром борется с вирусом.

CGTN внедряет три основные стратегии интернационализации: глобализацию, локализацию и социализацию². Глобализация предполагает позиционирование CGTN не как государственного китайского телевидения, а как глобального медиа, освещающего мировые события в принципиально новой перспективе. Локализация требует адаптации контента к культурным предпочтениям, языковым особенностям и информационным потребностям различных региональных аудиторий. Социализация подразумевает активное использование социальных медиа для расширения охвата аудитории и создания интерактивного взаимодействия. Примером локализации является CGTN Africa, CGTN Europe и CGTN America. Необходимо отметить и программную политику медиасети CGTN: так, CGTN English преимущественно транслирует ток-шоу и аналитические шоу с глобальным экономическим и политическим уклоном – «Сближение с Китаем», «Точка зрения с Лю Син», «Глобальный бизнес», «Глобальный мониторинг», «Обзор мировых новостей». Для сравнения, в сетке вещания CGTN Arabic также имеются культурно-просветительские программы – «Туризм Китая», «Китайское искусство», «Китайские

¹ Nossel S. 2020. China Is Fighting the Coronavirus Propaganda War to Win. Foreign Affairs, March 20, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/china-coronavirus-propaganda-war-journalistspress-freedom/> (accessed: 20.05.2026).

² All-China Journalists Association. 2009. Norms of Professional Ethics for Chinese Journalists. Beijing, ACSJA.

знания». CGTN Français также дополняет культурно-просветительские программы – «Китай и я», «Империя вкусов», «Дневник путешествий».

CGTN на русском языке начал вещание в 2009 году, транслируя информационные, познавательные и развлекательные программы. Российская версия CGTN имеет канал на видеохостинге YouTube с более чем 323 тыс. подписчиков. В российской социальной сети «ВКонтакте» страница CGTN на русском языке¹ имеет около 304 тыс. подписчиков. Эта аудитория представляет значимый сегмент в контексте китайской стратегии влияния на русскоязычное информационное пространство. Содержание русскоязычного вещания CGTN адаптировано к интересам русской аудитории и соответствует политическим позициям России, особенно в контексте российско-украинского конфликта. CGTN активно опирается на международный Интернет, поэтому канал подключен к основным медиаплатформам на Западе, даже тем, которые заблокированы в Китае. По состоянию на январь 2026 г. CGTN имеет более 4,63 млн подписчиков и более 2,3 млрд просмотров на YouTube². CGTN активно позиционирует себя как противостоящее западному медиаимпериализму медиа, усиливающее борьбу с предвзятостью западных СМИ и продвигающее альтернативную точку зрения. Так, один из видеосюжетов, опубликованных CGTN, был сделан с применением технологий искусственного интеллекта. Название ролика – «Американская мечта. Говорят, что она для всех, но так ли это на самом деле?». В видео затрагиваются острые темы для США – от наркомании и количества заключенных в тюрьмах до растущего неравенства в благосостоянии³.

Заключение

В рамках правовых и нормативных особенностей можно утверждать: если в Европейских странах свобода прессы гарантирована конституционными нормами (Ст. 10 Европейской конвенции о правах человека, Ст. 5 Основного закона Германии)⁴, то в Китае, напротив, Закон о прессе и печати явным образом подчиняет их деятельность интересам КПК⁵. Государство имеет конституционное право и обязанность, согласно партийной идеологии, контролировать содержание всех публикуемых материалов. Китайские телерадиовещатели сталкиваются с фундаментальным противоречием: официально они определены как государственные учреждения и, несмотря на включение в рыночную экономику, не обладают абсолютной правосубъектностью и редакционной независимостью. В результате их деятельность носит преимущественно административный, а не рыночный характер.

Система организации радио и телевидения в Китае выстроена по административно-территориальному принципу: каждое медиа подчиняется соответствующему административному уровню и географическому региону. Эта структура создаёт непроницаемые барьеры между региональными вещателями, препятствуя реальной рыночной конкуренции. Доминирующее положение крупных медиахолдингов делает их практически защищёнными от конкуренции со стороны других телевизионных компаний материковой части Китая.

История показывает, что монополии, основанные на административных механизмах, с одной стороны, демонстрируют отсутствие инновационного развития, а с другой – устраняют естественную возможность банкротства, что является одним из главных

¹ CGTN на русском. 2016. URL: <https://russian.cgtn.com> (дата обращения: 15.02.2026)

² CGTN. YouTube. URL.: www.youtube.com/@cgtn

³ Hale E. 2024. China Turns to AI in Propaganda Mocking the 'American Dream'. Al Jazeera, March 29, 2024. URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2024/3/29/china-turns-to-ai-in-propaganda-mocking-the-american-dream> (accessed: 15.02.2026)

⁴ Council of Europe. 2010. Media Diversity in Europe. Strasbourg, CoE.

⁵ Legislative Affairs Commission of the Standing Committee of the National People's Congress of the People's Republic of China. 1997. Laws of the People's Republic of China, 1997. Law Press, 364 p.

стимулов для развития и повышения эффективности. Анализ специфики международного телевизионного вещания Китая на примере CGTN в историческом контексте выявляет фундаментальное противоречие, характеризующее всю систему китайской журналистики в целом. Вопреки провозглашённым принципам «мягкой силы», международное вещание КНР остаётся неотъемлемой частью механизма партийно-государственного контроля, предопределяющего как его организационно-правовую структуру, так и содержательно-идеологическую специфику, что вызывает порой негативную реакцию как аудитории, так и экспертов и, естественно, западных чиновников. Такая преемственность уходит корнями в эпоху зарождения китайской прессы, имеет исторически обусловленный характер, демонстрирует открытый государственный контроль над информационной сферой и представляет органичный элемент политической культуры государства в теории идеологической борьбы. Переход на цифровые платформы не способствовал большей свободе выражения, а, наоборот, позволил партийному аппарату внедрить многоуровневые системы алгоритмической цензуры, функционирующие на основе технологий искусственного интеллекта и оптического распознавания символов.

Попытка позиционирования CGTN как глобального медиаигрока с эффективной стратегией локализации столкнулась с критической оценкой со стороны как западных аналитиков, так и независимых китайских обозревателей. Критика канала обусловлена не только его очевидной пропагандистской функцией, но и недостаточной способностью завоевать аудиторию, несмотря на существенные инвестиции, что указывает на фундаментальный разрыв между амбициозными целями проекта и его практической реализацией. Тем не менее китайское международное вещание имеет долговечную историю и в своей основе базируется на предсказуемых идеологических требованиях со стороны государства и амбициозных решениях по усилению глобального влияния. Китайская система медиа не рассматривается как дисфункциональное отклонение от «нормального» пути развития массмедиа, а представляет собой рациональную (с точки зрения политического выживания партийного режима) адаптацию марксистской теории информации к условиям глобального информационного пространства. Однако эта рациональность содержит встроенное ограничение, что исключает творческую спонтанность и органическое развитие, необходимые для завоевания глобальной аудитории.

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта. Базовая проверка языка, перевод статей китайских авторов и улучшение ясности изложения переводных цитат были выполнены с помощью Perplexity.ai. Все идеи, анализ и текст – полностью авторские.

Список литературы

- Беликова А.А. 2025. Иновещание и дипломатия «второго трека»: от истоков пересечения до настоящего времени. *Россия и мир: научный диалог*, 4(18): 75–86. DOI 10.53658/RW2025-4-4(18)-75-86.
- Ван Ю. 2016. Основные традиционные каналы внешней коммуникации в Китае. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*, 2: 142–150.
- Дун Я. 2019. Эволюция модели институционального управления китайскими радиовещательными СМИ. *Медиаскоп*, 2. DOI: 10.30547/mediascope.2.2019.3
- Истомина В. С., Симонова Е. В. 2022. Формирование и кодификация профессиональных этических норм журналистики в современной КНР. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*, 21(6): 138–149.
- Короченский А.П. 2004. Регулятивная роль медиакритики. В кн. Саморегулирование журналистского сообщества: опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. Под ред. Ю.В. Казаковой. Москва, Галерея:209–225.

- Чжан Ж., Чжоу Ш., Быков А.Ю. 2025. Механизмы государственного регулирования медиа и формирование политических ценностей в Китае. *Коммуникология*, 13(2): 26–37. DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-2-26-37
- Anholt S. 2007. *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. Houndsmills, Palgrave Macmillan, 224 p. DOI: 10.1057/9780230627727
- Bolsover G. 2018. China: An Alternative Model of a Widespread Practice. Computational Propaganda: Political Parties, Politicians, and Political Manipulation on Social Media, ed. by S. C. Woolley, P.N. Howard. *New York : Oxford University Press*, 212–238.
- Brady A.M. 2008. *Marketing Dictatorship: Propaganda and Thought Work in Contemporary China*. Lanham, Rowman & Littlefield, 232 p.
- Britton R.S. 1933. *The Chinese Periodical Press, 1800–1912*. Kelly & Walsh, limited, 151 p.
- Chinese Media, Global Contexts. 2003. Ed. C.C Lee. New York, Routledge, 289 p.
- Covell M. 2018. Radio in Mao's China. *Westminster Papers in Communication and Culture*. 13(1).
- Fearon Thomas, Rodrigues Usha M. 2016. The dichotomy of China Global Television Network's news framing strategies: Comparing CGTN and CNN International's coverage of the Tianjin blasts. *Pacific Journalism Review*. 22(1): 145–165.
- Guan Z. 2017. *A Brief History of Journalism in China*. Shanghai, Shanghai Xinwen Baoshe. 1943.
- Jiang W. 2007. Press Conglomeration in Mainland China: An Overview. *Journal of Contemporary China*, 16(52): 597–609.
- Knockel Je., Xiong R., Steward T. 2019. (Can't) Picture This 2 An Analysis of WeChat's Realtime Image Filtering in Chats. The Citizen Lab. URL: <https://citizenlab.ca/research/cant-picture-this-2-an-analysis-of-wechats-realtime-image-filtering-in-chats/>
- Kurlantzick J. 2010. Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World. *Foreign Affairs*. 88(3): 44–54.
- He Z. & Huang Y. 2006. Chinese Media, Global Contexts. pp. 156–174.
- Li A., Wu M. 2018. See the Difference: What Difference? The New Missions of Chinese International Communication. *Westminster Papers in Communication and Culture*, 13(1): 41–47. DOI: 10.16997/wpsc.275
- Li X., Wu H. 2018. Chinese Media Going Global: A Comparative Analysis of China Global Television Network and BBC World News. *Global Media and China*, 3(3–4): 191–207.
- Li X. 2001. Significant Changes in the Chinese Television Industry. *Brookings Institution*, pp. 8–12.
- Meyskens C. 2018. Radio in Mao's China. Mao Era Objects Project. *University of East Anglia*.
- Neumann A. L. 1997. *Press Freedom Under the Dragon: Can Hong Kong's Media Survive*. Committee to Protect Journalists, New York.
- Nye Jo.S. 2004. *Soft Power The Means to Success in World Politics*. New York, PublicAffairs, 215 p.
- Polumbaum J. 1990. The Tribulations of China's Journalists after a Decade of Reform. In: *Voices of China: The Interplay of Politics and Journalism*. Ed. by Ch.Ch. Lee. Guilford Publications: 33–68.
- Puppin G. 2020. Forty Years of the Return of Advertising in China (1979–2019): A Critical Overview. *JOMEC Journal*, 15: 1–19. DOI: 10.18573/JOMEC.201
- Rawnsley G.D. 2018. What Difference? The New Missions of Chinese International Communication. *Westminster Papers in Communication and Culture*. 13(1): 12–33.
- Stockmann D., Gallagher M., de Vreese C. 2023. Chinese State Media Persuades a Global Audience That the China Model Is Superior. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS)*, 120(49). DOI: 10.1073/pnas.2307988120.
- Stockmann D., Luo T. 2017. Which Social Media Facilitate Online Public Opinion in China? *Problems of Post-Communism*, 64(3–4): 189–202. DOI: 10.1080/10758216.2017.128 9818.
- Sun L. 2018. Developments and New Approaches of Internationalizing China's Media: A Case Study of China Global Television Network (CGTN) in Witness Perspective. *Global Media Journal*, 16(31). URL: <https://www.globalmediajournal.com/open-access/developments-and-new-approaches-of-internationalizing-chinas-media-a-case-study-of-china-global-television-network-cgtn-in-witness.php?aid=87145>
- Wagner R.G. 1995. The Role of the Foreign Community in the Chinese Public Sphere. *The China Quarterly*, 142: 423–443. DOI: 10.1017/S0305741000034998
- Waight H., Yuan Y., Roberts M.E., Stewart B.M. 2025. The decade-long growth of government-authored news media in China under Xi Jinping. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 122(11): e2408260122. DOI: 10.1073/pnas.2408260122

- Weston T. 2010. China, Professional Journalism, and Liberal Internationalism in the Era of the First World War. *Pacific Affairs*, 83(2): 327–348. DOI:10.5509/2010832327
- Wu Angela Xiao. 2022. Journalism via Systems Cybernetics: The Birth of the Chinese Communication Discipline and Post-Mao Press Reforms. *History of Media Studies*, 2. <https://doi.org/10.32376/d895a0ea.182c7595>.
- Wu X. 2000. Chinese Journalism and the Tyranny of Information. *Media Development*. 47(1): 44–47.
- Yao T. 2011. History of Sino-Soviet Cooperation. Beijing, Xinhua Press, 103 p.
- Ye P. The 1990. 'Two Newspapers and One Journal' System in the Cultural Revolution. *Chinese Studies in History*, 24(1): 42–63.
- Zhang C., Zhang D., Blanchard P. 2024. International Broadcasting During Times of Conflict: A Comparison of China's and Russia's Communication Strategies. *Journalism Practice*, 18(8): 1977–2004. DOI: 10.1080/17512786.2022.2140445.
- Zhao Yu. 1998. Media, Market, and Democracy in China: Between the Party Line and the Bottom Line. University of Illinois Press, 255 p.
- Zhao Yu. 2008. Communication in China: Political Economy, Power, and Conflict. Lanham, Md., Rowman & Littlefield, 371 p.
- Zhao Q., Wu J., Gao H. 2024. Building a shared future between China and Africa: A framing analysis of China Radio International's podcast news China Africa Talk. *Journalism*, 25(9)6 P. 1899–1919. DOI: 10.1177/14648849241234179.
- Zhu Y. 2012. Two Billion Eyes: The Story of China Central Television. New York, The New Press, 291 p.
- Zhou Y. 2024. Navigating constraints: news values and journalistic role performance in Chinese state media VR news. *Front. Commun*, 9: 1480659. DOI: 10.3389/fcomm.2024.1480659

References

- Wang Yu. 2016. The Main Traditional Channels of External Communication in China. *Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Series: Literary Criticism. Journalism*, 2: 142–150 (in Russian).
- Dong Ya. 2019. Evolution of the Model of Institutional Management of Chinese Broadcasting Media. *Mediascope*, 2 (in Russian). DOI: 10.30547/mediascope.2.2019.3
- Istomina V.S., Simonova N.B. 2022. Formation and Codification of Professional Ethical Norms of Journalism in Modern China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 21(6): 119–129 (in Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-6-119-129
- Korochenskii A.P. 2004. Regul'yativnaya rol' mediakritiki [The Regulatory Role of Media Criticism]. In: Samoregulirovanie zhurnalistskogo soobshchestva: opyt. Problemy. Perspektivy stanovleniya v Rossii [Self-Regulation of the Journalistic Community: Experience. Problems. Prospects for Development in Russia]. Ed. Yu.V. Kazakova. Moscow, Publ. Galeriya: 209–225.
- Zhang R., Zhou Sh., Bykov A.Yu. 2025. Mechanisms of state regulation of media and the formation of political values in China. *Communicology*, 13(2): 26–37. DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-2-26-37
- Anholt S. 2007. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. Houndsmills, Palgrave Macmillan, 224 p. DOI: 10.1057/9780230627727
- Belikova A.A. 2025. Foreign Broadcasting and Second Track Diplomacy: From the Origins of Intersection to the Present. *Russia and the World: Scientific Dialogue*, 4(18): 75–86. DOI 10.53658/RW2025-4-4(18)-75-86. – EDN ZURBHG.
- Bolsover G. 2018. China: An Alternative Model of a Widespread Practice. *Computational Propaganda: Political Parties, Politicians, and Political Manipulation on Social Media*, ed. by S. C. Woolley, P. N. Howard. New York : Oxford University Press, 212–238.
- Brady A.M. 2008. Marketing Dictatorship: Propaganda and Thought Work in Contemporary China. Lanham, Rowman & Littlefield, 232 p.
- Britton R.S. 1933. The Chinese Periodical Press, 1800–1912. Kelly & Walsh, limited, 151 p.
- Chinese Media, Global Contexts. 2003. Ed. C.C Lee. New York, Routledge, 289 p.
- Covell M. 2018. Radio in Mao's China. *Westminster Papers in Communication and Culture*, 13(1).
- Fearon T., Rodrigues U.M. 2016. The dichotomy of China Global Television Network's news framing strategies: Comparing CGTN and CNN International's coverage of the Tianjin blasts. *Pacific Journalism Review*. 22(1): 145–165.

- Guan Z. 1943. A Brief History of Journalism in China. Shanghai: Shanghai Xinwen Baoshe.
- Jiang W. 2007. Press Conglomeration in Mainland China: An Overview. *Journal of Contemporary China*, 16(52): 597– 609.
- Knockel Je., Xiong R., Steward T. 2019. (Can't) Picture This 2 An Analysis of WeChat's Realtime Image Filtering in Chats. The Citizen Lab. URL: <https://citizenlab.ca/research/cant-picture-this-2-an-analysis-of-wechats-realtime-image-filtering-in-chats/>
- Kurlantzick J. 2010. Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World. *Foreign Affairs*, 88(3): 44–54.
- Li A., Wu M. 2018. See the Difference: What Difference? The New Missions of Chinese International Communication. *Westminster Papers in Communication and Culture*, 13(1): 41–47. DOI: 10.16997/wpsc.275
- Li X., Wu H. 2018. Chinese Media Going Global: A Comparative Analysis of China Global Television Network and BBC World News. *Global Media and China*.. Vol. 3, № 3–4. 191–207.
- Li X. 2001. Significant Changes in the Chinese Television Industry. Brookings Institution, 8–12 pp.
- Meyskens C. 2018. Radio in Mao's China. Mao Era Objects Project. University of East Anglia.
- Neumann A. L. 1997. Press Freedom Under the Dragon: Can Hong Kong's Media Survive. Committee to Protect Journalists, New York.
- Nye Jo.S. 2004. Soft Power The Means to Success in World Politics. New York, PublicAffairs, 215 p.
- Polumbaum J. 1990. The Tribulations of China's Journalists after a Decade of Reform. In: *Voices of China: The Interplay of Politics and Journalism*. Ed. by Ch.Ch. Lee. Guilford Publications: 33–68.
- Puppini G. 2020. Forty Years of the Return of Advertising in China (1979–2019): A Critical Overview. *JOMEC Journal*, 15: 1–19. DOI: 10.18573/JOMEC.201
- Rawnsley G.D. 2018. What Difference? The New Missions of Chinese International Communication. *Westminster Papers in Communication and Culture*, 13(1): 12–33.
- Stockmann D., Gallagher M., de Vreese C. 2023. Chinese State Media Persuades a Global Audience That the China Model Is Superior. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS)*, 120(49). DOI: 10.1073/pnas.2307988120.
- Stockmann D., Luo T. 2017. Which Social Media Facilitate Online Public Opinion in China? *Problems of Post-Communism*, 64(3–4): 189–202. DOI: 10.1080/10758216.2017.128 9818.
- Sun L. 2018. Developments and New Approaches of Internationalizing China's Media: A Case Study of China Global Television Network (CGTN) in Witness Perspective. *Global Media Journal*, 16(31). URL: <https://www.globalmediajournal.com/open-access/developments-and-new-approaches-of-internationalizing-chinas-media-a-case-study-of-china-global-television-network-cgtn-in-witness.php?aid=87145>
- Wagner R.G. 1995. The Role of the Foreign Community in the Chinese Public Sphere. *The China Quarterly*, 142: 423–443. DOI: 10.1017/S0305741000034998
- Waight S. 2025. China's Global Media Strategy and the Expansion of State Influence. *Journal of Contemporary China*, 34(151): 1–18.
- Waight H., Yuan Y., Roberts M.E., Stewart B.M. 2025. The decade-long growth of government-authored news media in China under Xi Jinping. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 122(11): e2408260122. DOI: 10.1073/pnas.2408260122
- Weston T. 2010. China, Professional Journalism, and Liberal Internationalism in the Era of the First World War. *Pacific Affairs*, 83(2): 327–348. DOI:10.5509/2010832327
- Wu Angela Xiao. 2022. Journalism via Systems Cybernetics: The Birth of the Chinese Communication Discipline and Post-Mao Press Reforms. *History of Media Studies*, 2 (May). DOI: 10.32376/d895a0ea.182c7595
- Wu X. 2000. Chinese Journalism and the Tyranny of Information. *Media Development*, 47(1): 44–47.
- Yao Tingjun. 2011. History of Sino-Soviet Cooperation. Beijing, Xinhua Press, 103 p.
- Ye P. 1990. The 'Two Newspapers and One Journal' System in the Cultural Revolution. *Chinese Studies in History*, 24(1): 42–63.
- Zhang C., Zhang D., Blanchard P. 2024. International Broadcasting During Times of Conflict: A Comparison of China's and Russia's Communication Strategies. *Journalism Practice*, 18(8): 1977–2004. DOI: 10.1080/17512786.2022.2140445.

- Zhao Yu. 1998. *Media, Market, and Democracy in China: Between the Party Line and the Bottom Line*. University of Illinois Press, 255 p.
- Zhao Yu. 2008. *Communication in China: Political Economy, Power, and Conflict*. Lanham, Md., Rowman & Littlefield, 371 p.
- Zhao Q., Wu J., Gao H. 2024. Building a shared future between China and Africa: A framing analysis of China Radio International's podcast news China Africa Talk. *Journalism*, 25(9): 1899–1919. DOI: 10.1177/14648849241234179.
- Zhu Y. 2012. *Two Billion Eyes: The Story of China Central Television*. New York, The New Press, 291 p.
- Zhou Y. Navigating constraints: news values and journalistic role performance in Chinese state media VR news. *Front. Commun.* 2024. 9:1480659. DOI: 10.3389/fcomm.2024.1480659

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 02.02.2026

Received February 02, 2026

Поступила после рецензирования 19.04.2026

Revised April 19, 2026

Принята к публикации 14.06.2026

Accepted June 14, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мириманов Дмитрий Александрович, кандидат филологических наук, доцент высшей школы (факультета) телевидения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия.

Dmitry A. Mirimanov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Higher School (Faculty) of Television, M.V. Lomonosov Moscow State University; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

УДК 070 ББК 76.032

DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-269-279

EDN KVVYNNU

Межрегиональная программа - новый формат тележурналистики: истоки, концепция, жанрово-тематическое разнообразие (на примере программы «Вести: Дальний Восток»)

Семакина О.Н.

Государственная телерадиокомпания «Владивосток»
Россия, 690950, г. Владивосток, ул. Уборевича, д. 20А
olle-89@mail.ru

Аннотация. Межрегиональные информационные выпуски как новый вектор развития телевизионной журналистики представляют собой новостной формат, объединяющий несколько медиа по принципу территориальной близости и уже вошли в практику телевизионных компаний России. Цель исследования – выявить структурную и содержательную специфику укрупненного телевизионного новостного формата, вещающего в макрорегионе. С опорой на опыт дальневосточной тележурналистики дана дефиниция понятия «межрегиональная программа», и на основе содержательно-тематического анализа 270 новостных единиц выявлены особенности контента межрегиональной программы «Вести: Дальний Восток», в создании которой участвуют 11 филиалов ВГТРК. Еженедельная периодичность и ограниченность хронометража обуславливают наличие в подобной телепрограмме признаков дайджеста с преимущественно представленными жанрами репортажа и информационной заметки. Содержательно-тематический анализ выявил направленность на освещение социальной проблематики, а также чрезвычайных происшествий при незначительном объеме политической и криминальной тематики, общей позитивной модальности программы и выраженной региональной специфике. Межрегиональная программа демонстрирует возможности конвергенции современных региональных средств массовой информации как с точки зрения сближения различных медийных ресурсов, слияния технологий и технических носителей, так и организации работы журналистских коллективов.

Ключевые слова: региональное телевидение, межрегиональная телепрограмма, региональная журналистика, новости Дальнего Востока, контент-анализ, конвергентные СМИ

Для цитирования: Семакина О.Н. 2026. Межрегиональная программа – новый формат тележурналистики: истоки, концепция, жанрово-тематическое разнообразие (на примере программы «Вести: Дальний Восток»). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 269–279. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-269-279 EDN: KVVYNNU

Interregional Program as a New Format of Telejournalism: Concept, Genre, and Thematic Diversity (Example of the Vesti: The Far East Program)

Olga N. Semakina

"Vladivostok" State TV and Radio Company
20A Uborevich St., Vladivostok 690950, Russia
Olle-89@mail.ru

Abstract. Interregional newscasts, a new vector of television journalism development, represent a news format that unites several media outlets based on territorial proximity and has already become a common

practice among Russian television companies, but have not yet been the subject of scientific analysis. The aim of this study is to identify the structural and substantive specifics of a consolidated television news format broadcast in a macroregion. Drawing on the experience of Far Eastern television journalism, this article defines the concept of an "interregional program" and, through a content-thematic analysis of 270 news items, identifies the content features of the interregional program "Vesti: Far East," produced by 11 branches of the All-Russian State Television and Radio Broadcasting Company (VGTRK). The weekly frequency and limited running time of this type of program result in the presence of digest-like features, primarily featuring reportage and news segments. A content-thematic analysis revealed a focus on covering social issues and emergency situations, with minimal coverage of political and criminal topics. The program has a generally positive tone and distinct regional specifics. The interregional program demonstrates the potential for convergence among modern media outlets, both in terms of merging various media resources, merging technologies and technical media, and organizing the work of journalistic teams.

Keywords: regional television, interregional TV program, regional journalism, Far East news, content analysis, converged media

For citation: Semakina O.N. 2026. Interregional Program as a New Format of Telejournalism: Concept, Genre, and Thematic Diversity (Example of the Vesti: The Far East Program). *Issues in Journalism Education, Linguistics*, 45(2): 269–279 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-269-279 EDN: KVVYNU

Введение

Современные региональные средства массовой информации находятся в русле общей тенденции развития российских массмедиа, направленного на комплексное изменение внутри редакционных структур и обновление медиапродукта. В процесс активной трансформации включены прежде всего традиционные СМИ, вынужденные конкурировать с цифровыми медиа, коренным образом изменившими способы распространения информации. Все составляющие журналистики, как отмечает Е.Я. Дугин, претерпевают системные изменения: «от информационно-цифровых технологий производства контента, появления социальных сетей, возникновения новых форматов и жанров, скорости сбора и распространения информации до формирования новых стратегий взаимодействия медиаканалов с массовой аудиторией и коммуникативными сообществами» [Дугин, 2024, с. 141].

Увеличивается плотность и разнообразие коммуникационных интерфейсов, возникают новые форматы создания и потребления контента, что усложняет положение традиционных СМИ, которым приходится конкурировать не только между собой, но и с популярными блогерскими проектами как альтернативными моделями медиапроизводства. Исследователи отмечают, что интернет дает доступ к максимально разнообразной информации и этим свойством – «персонализации и кастомизации» – привлекает аудиторию: «Интернет в качестве источника общеполитической и даже, может быть, развлекательной информации в России теснит традиционные СМИ» [Вартанова, 2008, с. 38]. Если ранее основная функция традиционных СМИ заключалась в передаче новостей и информационном насыщении общества, то в современных реалиях они вынуждены искать новые стратегии и актуальные смыслы, чтобы сохранить свою востребованность в меняющемся медиaprостранстве. Задача сохранения аудитории требует не только профессионализма, но и креативного подхода к созданию контента. Одним из ключевых направлений в борьбе за телезрителя становятся разработка и запуск новых, оригинальных проектов.

В телевизионной среде содержательной доминантой по-прежнему являются выпуски новостей. Согласно социологическим опросам, в 2025 году половина российских граждан узнавала новости из телевизионных передач, 42% опрошенных – с помощью новостных

интернет-сайтов, а 29% – из социальных сетей, форумов и блогов¹. При этом «телевизионные новости были и остаются одной из самых эффективных, действенных и социально значимых форм распространения информации» [Шейхова, Ибрагимова, 2018, с. 164], а в региональных телекомпаниях новости являются также и самой рейтинговой программой [Бакшин, 2014, с. 66]. Локальная аудитория и местные СМИ взаимодействуют в общем информационном поле, их объединяют идентичные проблемы и насущные вопросы — от аварий в сфере ЖКХ до культурных мероприятий. Местная информация (официальная, статистическая, публицистическая, социальная) имеет высокую востребованность у зрителя [Тулупов, 2013, с. 81], поскольку именно региональные СМИ дают ответы на ежедневный запрос аудитории о происходящих в их регионе событиях.

Однако функция новостных выпусков не ограничивается информированием аудитории. В отличие от крупных федеральных компаний локальные телевизионные станции не обладают ресурсами, позволяющими непосредственно формировать идеологию, национальные интересы, отношение россиян к актуальной политической системе и проч., но при этом они обладают значительными организаторскими, социальными ресурсами [Семакина, 2018, с. 705], как, например, видеоматериалы о нехватке врачей в конкретной местности; истории детей, оставшихся без родителей; сюжеты об оставленных хозяевами животных. Нередко подобные ситуации разрешаются именно благодаря местным СМИ, и, как отмечает М.Ф. Попова, «локальные СМИ, более чем какой-либо другой тип медиа, участвуют в регулировании общественных отношений в своем регионе, поддерживая инициативы земляков, реализуя собственные проекты» [Попова, 2024, с. 74]. Помимо концентрации на локальных проблемах и достижениях, местные новости обогащают информационное пространство своего региона уникальным материалом, который будет подчеркивать специфические черты жизненного уклада именно местного населения, выявлять черты региональной идентичности. В конечном итоге успешность регионального телевидения зависит от его способности предлагать зрителям уникальный контент, отражающий интересы и потребности аудитории. «Воздействие регионального телевидения на умонастроение людей обладает несравнимой силой, поскольку оно активно оперирует местным материалом, просто и доступно анализирует его, оперативно доставляет аудитории» [Бахус, 2013, с. 4].

Еще одна задача, которая стоит перед средствами массовой информации и телекомпаниями в частности – наращивание аудитории и расширение информационного охвата. Решение видится в диверсификации контента, а также в возможности выйти на «новые территории» с оригинальными медиапредложениями, и именно на реализацию такой стратегии нацелены региональные компании, входящие в состав Всероссийской государственной телерадиокомпании (ВГТРК). Таким образом, целью исследования становится выявление структурной и содержательной специфики межрегиональной программы как нового укрупненного телевизионного новостного формата, вещающего в макрорегионе.

Материалы и методы исследования

Исходный метод исследования — описательный, базирующийся на научном наблюдении и последующей интерпретации полученных данных. Целенаправленному изучению подвергся новый формат телевизионной журналистики – межрегиональная программа. Эмпирический материал включал сценарные планы межрегиональной программы, карты выпусков, исходные журналистские работы и полностью подготовленный к трансляции информационный продукт.

¹ Новостная информация и телевидение: Доверие к различным источникам информации и к телевидению как к источнику новостей. 2025. Фонд «Общественное мнение», 05 марта 2025. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15149> (дата обращения: 23.03.2025).

Были проанализированы 24 выпуска программы «Вести: Дальний Восток» за 2025 год. Основное требование, предъявляемое ко времени исследования, – это типичность периода: 2025 год для Дальневосточного федерального округа не был отмечен крупномасштабными историческими событиями. Для исследования отбирались первая и последняя программы каждого месяца, в состав которых вошли 278 единиц информационных сообщений. Анализировались все материалы, включенные в 15-минутную программу (информационные заметки, репортажи, обзоры). Результаты наблюдения фиксировались в таблицах, графиках и диаграммах.

Межрегиональные новости: определение понятия, условия реализации и функционирования

В системе Всероссийской государственной телерадиокомпании, крупнейшего медиахолдинга страны, сформировались межрегиональные новости — новое направление в устоявшейся классификации телевизионных программ. Межрегиональный выпуск новостей представляет собой информационную программу, которая объединяет работу нескольких телекомпаний, вещающих на территории сразу нескольких административных образований, а в рассматриваемом случае – в рамках одного федерального округа. Такой вид телевизионных новостей является примером конвергенции СМИ и подтверждает возникновение новых гибридных форматов в журналистском дискурсе.

Н.А. Кузьмина отмечает, что «система жанров СМИ, в том числе телевизионных, находится в постоянном процессе развития, изменяясь прежде всего в связи с появлением новых технологий телевидения и новых технических возможностей» [Кузьмина, 2011, с. 224]. Этот тезис применим не только к классическим жанрам журналистики (репортажам, интервью, заметкам), но и к большим телевизионным формам. Традиционные форматы новостных выпусков также претерпевают изменения. Средним звеном между федеральными программами новостей и региональными телевизионными выпусками становится межрегиональная программа, которая вбирает в себя типологические черты и специфику регионального телевидения: формирует единое информационное поле на конкретной территории, отражает уникальные социокультурные и экономические особенности различных регионов. Именно пространственные характеристики определяют цели и задачи такой программы. Влияние особенностей территории на деятельность местных телекомпаний подчеркивает Ю.М. Ершов, отмечая, что она определяет контент медиа не меньше, чем, например, форма собственности издания: «Территория формирует восприятие социальных и политических проблем через систему ценностей и культурных норм, которые укоренены в региональном сообществе. Территория как система коммуникации воспроизводит эти ценности, распространяет их через свои локализованные медиа и включает новые проблемы в систему ценностных координат» [Ершов, 2012, с. 6]. А.Г. Качкаева рассматривает регион не только как территориальное пространство, но и как «сложившуюся на местах информационную общность, которая выражается в совокупности политических, социальных, экономических связей» [Качкаева, 1990, с. 12]. При этом межрегиональная программа менее подвержена влиянию со стороны местных органов власти и общественных организаций, более свободна в выборе тем, что проявляется и в результатах анализа телепрограммы «Вести: Дальний Восток».

Всероссийская государственная телерадиокомпания (ВГТРК) имеет более 80 филиалов в России, каждый из которых относится к тому или иному макрорегиону. В Дальневосточный федеральный округ (ДФО), самый большой среди 8 федеральных округов Российской Федерации, входит 11 субъектов, в каждом территориальном образовании вещает свое телевизионное подразделение. В создании межрегиональной программы «Вести: Дальний Восток» участвуют коллективы 11 телерадиокомпаний – филиалов ВГТРК: ГТРК «Саха (Якутия)», ГТРК «Магадан», ГТРК «Чукотка», ГТРК «Камчатка», ГТРК «Сахалин. Курилы», ГТРК «Владивосток», ГТРК «Амур», ГТРК «Бира», ГТРК «Бурятия», ГТРК «Чита»).

Первый выпуск межрегиональной программы «Вести: Дальний Восток» вышел в эфир на телеканале «Россия 1» в июне 2008 года. Сначала она создавалась на базе ГТРК «Дальневосточная», но в связи с переносом столицы ДФО из Хабаровска во Владивосток с января 2010 года и по настоящее время подготовку этой программы к эфиру осуществляет на своей базе ГТРК «Владивосток». Программа «Вести: Дальний Восток» является еженедельной. Время выхода в эфир периодически изменяется в связи с корректировками в сетке вещания. В период подготовки исследования дальневосточные новости транслировались в 8 часов утра в воскресенье на телеканале «Россия 1» сразу во всех 11 регионах Дальнего Востока. Хронометраж программы – около 15 минут. Таким образом, программу «Вести: Дальний Восток» может смотреть аудитория всего ДФО, численность которой составляет около 7 млн 800 тыс. человек.

Контент-анализ межрегиональной программы «Вести: Дальний Восток»

Программа «Вести: Дальний Восток» является информационной передачей, соответственно, анализ тематики проводился по критериям классических информационных выпусков. К типичным темам, которые освещаются в новостных программах, относятся:

- политика (визиты федеральных чиновников в ДФО, значимые заседания региональных правительств, выборы);
- экономика (открытие новых производств, жилищное строительство, дорожные проекты);
- социальная сфера (проблемы здравоохранения, образования, помощь участникам СВО);
- криминальные новости (преступления, ДТП с криминальными элементами, коррупция, вандализм, киберпреступления);
- происшествия (природные катаклизмы, чрезвычайные ситуации, техногенные аварии);
- культура (выставки, фестивали, концерты, театральные постановки);
- спорт (соревнования, массовые мероприятия, турниры);
- наука (научные исследования и достижения);
- природа, традиции (местные достопримечательности);
- истории (сторителлинг – примеры уникальных жизненных ситуаций, повествования о героических поступках и достижениях людей) (рис. 1).

Чрезвычайные происшествия делятся на три крупных класса – природные, техногенные, социальные. О.А. Фокина отмечает, что региональные СМИ отдают предпочтение именно социальным столкновениям: «в повестке дня насилие представлено как алгоритм отношений в межличностном пространстве, между гражданами и институциональными структурами, между структурами разных уровней» [Фокина, 2011, с. 10]. В рамках исследования в межрегиональной программе «Вести: Дальний Восток» был проанализирован большой блок чрезвычайных происшествий по таким категориям, как природные катаклизмы (пожары, наводнения, засуха, снегопады); столкновения человека с дикими животными; техногенные катастрофы (транспортные и промышленные аварии, загрязнение окружающей среды); социальные (террористические акты, религиозные и социальные конфликты). Некоторые исследователи к социальным происшествиям относят также и новости криминального характера. Категория «криминал» также рассмотрена в тематическом сравнении (рис. 2).

Природные катаклизмы на Дальнем Востоке нередки, что обусловлено георасположением. Так, например, все регионы этого федерального округа относятся к сейсмоопасным, а Камчатский край и Сахалинская область входят в первую тройку регионов по сейсмическому риску в России. Камчатка – край действующих вулканов, Сахалин – зона повышенной лавинной опасности, для Приморья характерны тайфуны и штормы, Хабаровский край подвержен наводнениям. Ежегодно на Дальнем Востоке

фиксируются мощные лесные пожары, с трудом поддающиеся ликвидации из-за расположения их очагов на труднодоступных территориях. Помимо этого, на территориях Хабаровского и Приморского краев обитает популяция амурского тигра, в Бурятии, Забайкалье, Амурской области – волки. Выходы хищников к людям случаются регулярно, региональные телекомпании отслеживают и освещают эти эпизоды. Таким образом, почти четверть межрегионального выпуска заполняется сообщениями о природных ЧС и их последствиях.

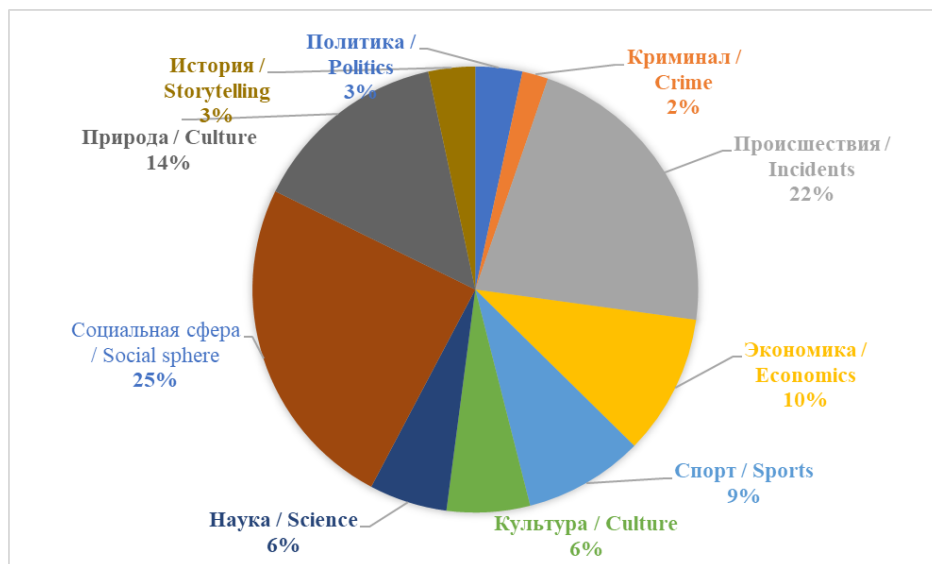

Рис. 1. Баланс тем в программе "Вести: Дальний Восток" (указан процент материалов от общего числа материалов в межрегиональных новостных выпусках)

Fig. 1. Balance of topics in the "News: Far East" (the percentage of materials from the total number of materials in interregional news issues is indicated)

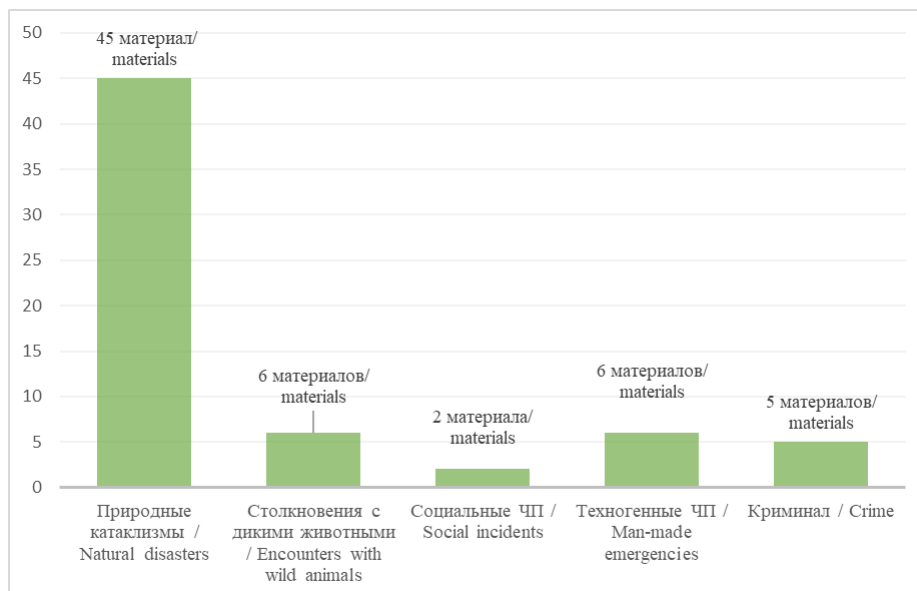

Рис. 2. Тематика информационных сообщений о происшествиях

Fig. 2. Subject of information messages about incidents

Социальным вопросам отводится максимальный объем программы – 25%. Они напрямую касаются повседневной жизни аудитории, формируют представление о качестве жизни в регионе и работе местных властей; 15% выпуска посвящено природным объектам

региона и особенностям жизни местного населения. Репрезентация уникальности дальневосточной природы (особенностей климата, эндемической растительности, памятников природы и т. д.) в региональных новостях выполняет не только информационно-эстетическую или развлекательную, но и промоционную функцию, являясь одним из инструментов развития туризма, экологического просвещения и брендинга территории. Четвёртую по значимости позицию (10%) занимают вопросы локального экономического развития (открытие производств, новые федеральные и региональные проекты по привлечению кадров, преференции для бизнеса), и, как подчеркивает Р.Е. Торгашев, «именно такие локации нуждаются в популяризации и формировании бренда территории, в том числе через средства массовой информации [Торгашев, 2022, с. 150].

От 9 до 6 % выпуска отводится темам науки, культуры, спорта. В межрегиональной программе отдается предпочтение темам макрорегиона. Например, если это спортивные соревнования, то это преимущественно окружные с участниками из разных городов и поселков ДФО, а также масштабные Всероссийские и/или международные фестивали («Золотой ворон» на Чукотке, «Человек и море» во Владивостоке, «Цветущий багульник» в Забайкалье). Политические темы и криминальные события в выпуске занимают всего 2%, что говорит об относительной свободе программы от влияния региональных властей и позитивной модальности выпуска. Эта категория отражает отношение автора передачи к излагаемой информации и общую редакционную политику СМИ. Положительная модальность выражается в создании благоприятного эмоционального фона при помощи выбора жанра, стиля изложения, подборки тем, то есть имеет имплицитный характер.

Отдельное внимание следует уделить категории «история» — это выразительный компонент эфира, который описывает событие с помощью техник сторителлинга. Он воплощается не в информационном, а в художественно-публицистическом жанре журналистики – очерке. Очерк как метод образного познания действительности позволяет добиться прагматического эффекта: уменьшить дистанцию с аудиторией, вызвать эмпатию и доверие зрителя. Повествование о людях, «рассказ о земляках» – это способ показать достойный пример и приблизить информацию к человеку, сделать ее запоминающейся, убедительной и полезной для телеаудитории. Отметим, что в межрегиональной программе «Вести: Дальний Восток» такой жанровый компонент, как очерк, не используется. Представляется, что это связано с тем, что эфирный хронометраж программы составляет около 15 минут, и фактор экономии времени ограничивает использование очерка в каждом выпуске. Существенно, что в программе соблюдается строгий принцип верстки: один регион – одна новость, 11 сюжетов от 11 филиалов ВГТРК. Хронометраж классического новостного сюжета составляет от двух и более минут.

Анализ программы показал, что в выпуск включаются 2 – 3 репортажа, остальные информационные события представляются в программе в формате заметок с фрагментами интервью, в профессиональной терминологии – «БЗ+СХ» («БЗ» обозначает видеоряд «без звука»; этот формат может быть дополнен синхронном – «БЗ+СХ»). Хронометраж телевизионной информационной заметки в совокупности с фрагментом интервью не превышает 1 минуты, в расширенном варианте – 1 минуты и 30 секунд (рис. 3).

Если в программе будет использовано больше сюжетов, например 5 или 6, очевидно, что не вся «дальневосточная линейка» будет представлена в конкретном выпуске: часть регионального новостного контента будет исключена, что, в свою очередь, нарушит принцип справедливости разделения эфирного времени. Результаты анализа позволяют сделать вывод, что межрегиональный выпуск программы «Вести: Дальний Восток» по своему формату близок к новостному дайджесту, поскольку в один эфир (короткий временной отрезок в пределах 15 минут) необходимо вместить максимальное количество информации. Таким образом, выпуск трансформируется в краткую сводку основных событий Дальнего Востока. Такая подборка позволяет аудитории быстро ознакомиться с основными новостями, тенденциями или значимыми происшествиями без необходимости изучать различные отдельные источники.

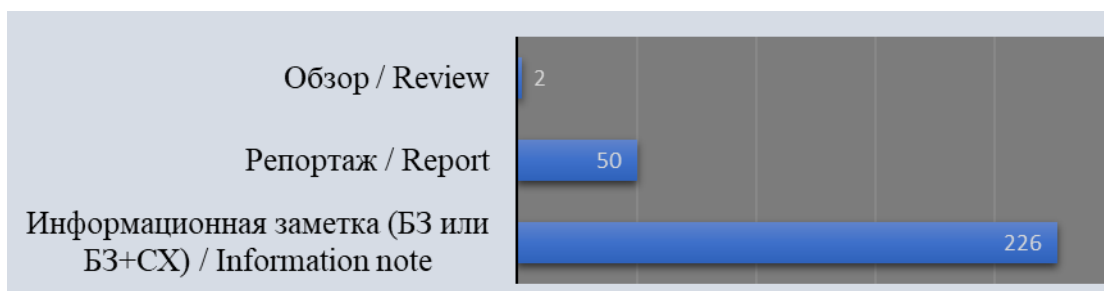

Рис. 3. Жанровое разнообразие программы «Вести: Дальний Восток»
 Fig. 3. Genre diversity of the program News: Far East

Усеченный хронометраж программы приводит к тому, что в целях экономии времени дальневосточная информационная повестка систематизируется и упорядочивается, а информация минимизируется. «Этот формат дает возможность сжато и информативно представить актуальные материалы для аудитории, позволяя ей быть в курсе всех важных событий и потреблять медиаконтент» [Мурзина, 2020, с. 230]. Как следствие, «Вести: Дальний Восток» имеет основные характеристики новостного дайджеста: краткость (сжатая форма сообщений), информативность (максимальная концентрация на фактах), объективность (отсутствие субъективных оценок и авторских комментариев), актуальность (охват самых важных происшествий и ключевых событий в регионе).

Одним из показателей востребованности того или иного информационного продукта является рейтинг программы как ключевой инструмент измерения зрительского интереса; одним из источников таких данных в России является компания Mediascope. Хотя программа «Вести: Дальний Восток» транслируется на территории всего Дальневосточного федерального округа, тем не менее не во всех регионах РФ компания по измерению объема зрительского интереса проводит свои исследования. ГТРК «Владивосток», на базе которой создается «Вести: Дальний Восток», рейтинги от Mediascope получает с некоторой периодичностью. В нашем распоряжении были показатели зрительского интереса за июнь 2025 года и за февраль 2026. С помощью графика можно убедиться в том, что межрегиональная программа в Приморском крае имеет устойчивый зрительский интерес. Примерно за год показатели выросли с 13,1% до 15,3 % (рис. 4).

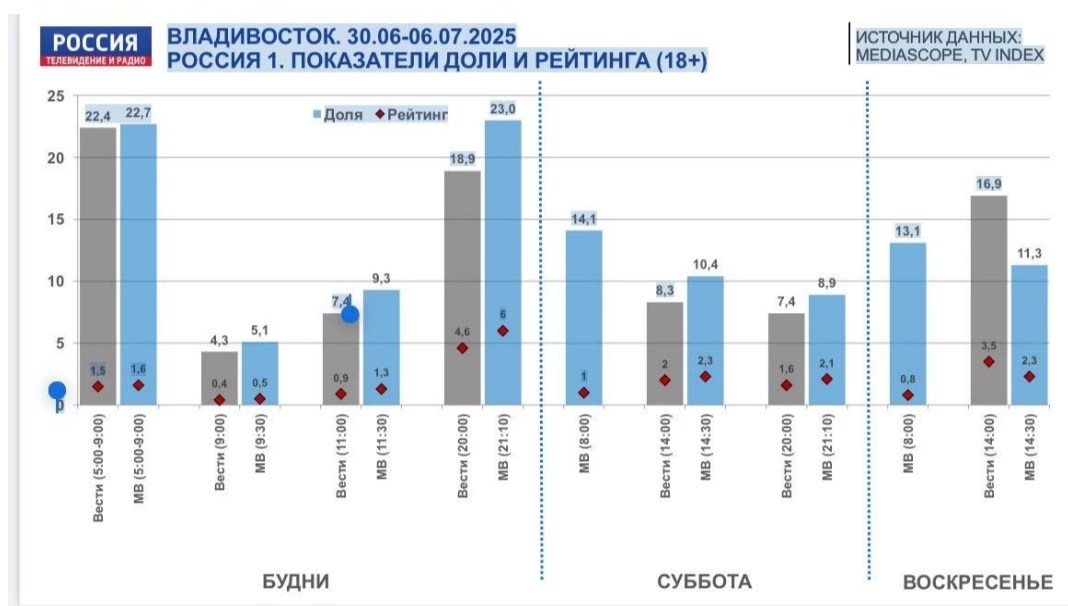

Рис. 4. Показатели доли и рейтинга телеканала «Россия 1» в Приморском крае (2025 год)
 Fig. 4. Share and rating indicators of the Russia 1 TV channel in Primorsky Krai (2025)

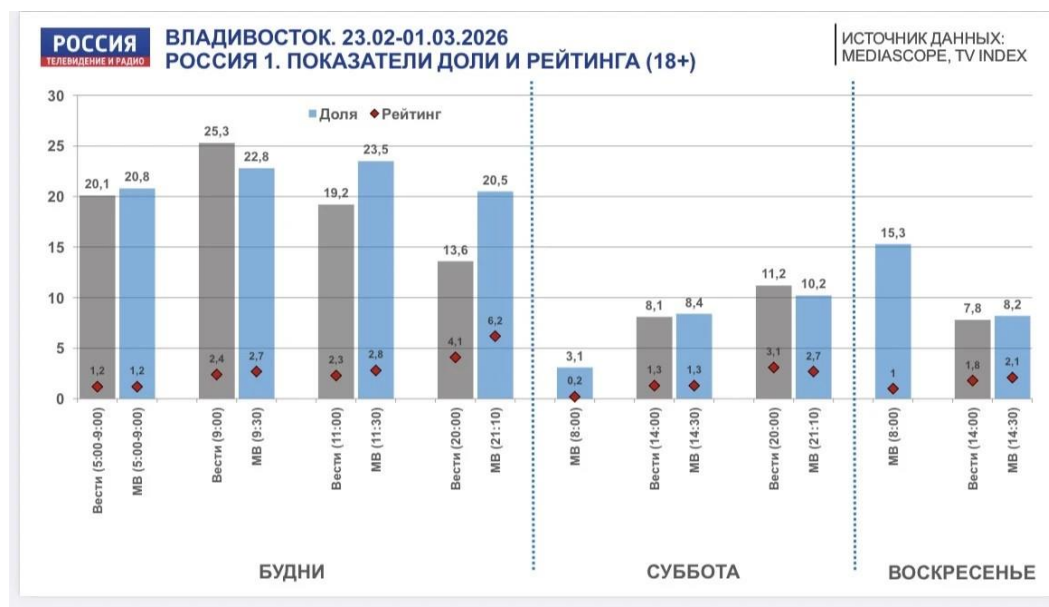

Рис. 5. Показатели доли и рейтинга телеканала «Россия 1» в Приморском крае (2026 год)
 Fig. 5. Share and rating indicators of the Russia 1 TV channel in Primorsky Krai (2026)

Заключение

Межрегиональная программа «Вести: Дальний Восток» является совместной инициативой нескольких телекомпаний, которые объединены в агломерацию благодаря территориальной близости. Это телевизионное сообщество на добровольных началах выпускает консолидированный телепродукт и распространяет его в своем информационном поле с целью наращивания аудитории и создания уникального и разнообразного контента. В отличие от программ центрального телевидения, которые рассчитаны на усредненную или элитарную аудиторию, межрегиональное телевидение в своем медиапроекте, объединяющем 11 дальневосточных телерадиокомпаний, учитывает особенности региона (климатические, социокультурные, конфессиональные и иные). Подчеркивается важность межрегионального взаимодействия – такой вид телекоммуникации предполагает знакомство с опытом и традициями тех, кто находится рядом, при этом фактический материал превращается в точечные, компактные зарисовки о событиях, происходящих во всем Дальневосточном округе. Наличие такого нового формата телевизионной передачи позволяет говорить о том, что журналистский корпус в регионах ищет новые пути к своему зрителю. Опираясь на данные зрительского интереса, можно сделать вывод о том, что этот формат за годы вещания уже приобрел своего зрителя и имеет потенциал развития. При этом наблюдается заметная тенденция приобретения информационной программой признаков дайджеста, что может привести к эмоциональному обеднению репрезентации дальневосточной повестки, предполагающей в идеале демонстрацию благоприятного образа жителей Дальнего Востока, экономического, культурного, туристического потенциала самого большого макрорегиона России.

Список литературы

- Бакшин В.В. 2014. К проблеме российской модели регионального телевидения. *Вопросы теории и практики журналистики*, 1(5): 66–73.
- Бахус А.О. 2013. Региональное телевидение как элемент формирования социально-культурного пространства. Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 178 с.
- Вартанова Е.Л. 2008. Новые медиа как фактор модернизации СМИ. *Информационное общество*, 5–6: 37–39.

- Дугин Е.Я. 2024. Трансформация медиакоммуникации под воздействием цифровых технологий: теоретико-методологический аспект. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 5(49): 140–151. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2024.140151
- Ершов Ю.М. 2012. Региональное телевидение в российской медиасистеме. Дис. ... докт. филол. наук. Москва, 416 с.
- Качкаева А.Г. 1990. Телевидение в социальном развитии региона. Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 178 с.
- Мурзина Е.В. 2020. Медиапотребление в условиях трансформации современного общества. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 5 (68): 228–235. DOI: 10.26105/SSPU.2020.68.5.018
- Попова М.Ф. 2024. Роль локальных медиа в формировании социального пространства территории. В кн.: *Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности*. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 26–27 апреля 2024 г.). Под ред. О.Ф. Автохутдиновой. Екатеринбург, Издательство Уральского университета: 73–75.
- Семакина О.Н. 2018. Универсальность эфирного журналиста на современном региональном телевидении (на примере информационной программы «Вести: Приморье»). *Вопросы теории и практики журналистики*, 7(4): 704–710. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(4).704-710
- Современный медиатекст. 2011. Под ред. Н.А. Кузьминой. Омск, Полиграфический центр "Татьяна", 414 с.
- Торгашев Р.Е. 2022. Маркетинговые и коммуникационные стратегии и инструменты построения позитивного имиджа региона. *Муниципальная академия*, 4: 148–155. DOI: 10.52176/2304831X_2022_04_148
- Тулупов В.В. 2013. Региональная журналистика: сегодня и завтра. *Вопросы теории и практики журналистики*, 2: 78–92.
- Фокина О.А. 2011. Освещение чрезвычайных ситуаций как индикатор качества региональной повестки дня в общероссийских СМИ. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 6: 97–114.
- Шейхова Э.Ш., Ибрагимова П. А. 2018. Особенности современных информационных программ на отечественном телевидении. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 6(129): 163–167.
- Arbaoui B., De Swert K., Van der Brug W. 2020. Sensationalism in news coverage: A comparative study in 14 television systems. *Communication Research*, 47(2): 299–320. DOI: 10.1177/0093650216663364

References

- Bakshin V.V. 2014. To the Problem of the Russian Model of Regional TV. *Theoretical and practical issues of journalism*, 1(5): 66–73 (in Russian).
- Bakhus A.O. 2013. Regional'noe televidenie kak ehlement formirovaniya sotsial'no-kul'turnogo prostranstva [Regional Television as an Element of the Formation of the Social and Cultural Space]. Dis. ... Cand. Philol. Sci. Moscow, 178 p.
- Vartanova E.L. 2008. Novye media kak faktor modernizatsii SMI [New Media as a Factor in the Modernization of the Media]. *Informatsionnoe obshchestvo*, 5–6: 37–39.
- Dugin E.Ya. 2024. Transformation of media communication under the influence of digital technologies: theoretical and methodological aspect. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 5 (49): 140–151. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2024.140151
- Ershov Yu.M. 2012. Regional'noe televidenie v rossiiskoi mediasisteme [Regional Television in the Russian Media System]. Dis. ... Doct. Philol. Sciences. Moscow, 416 p.
- Kachkaeva A.G. 1990. Televidenie v sotsial'nom razvitii regiona [Television in the Social Development of the Region]. Dis. ... Cand. Philol. Sciences. Moscow, 178 p.
- Murzina E.V. Mediaconsumption in the Conditions of Transformation of Modern Society. *Surgut state pedagogical university bulletin*, 5(68): 228–235 (in Russian). DOI: 10.26105/SSPU.2020.68.5.018
- Popova M.F. The Role of Local Media in the Formation of the Social Space of the Territory. In: *Tsifrovaya zhurnalistika: tekhnologii, smysly i osobennosti tvorcheskoi deyatelnosti* [Digital Journalism: Technologies, Meanings, and Features of Creative Activity]. Collection of Materials from the

- International Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, April 26–27, 2024). Ed. O.F. Avtokhutdinova. Yekaterinburg, Publ. Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta: 73–75.
- Semakina O.N. 2018, Universality of the Journalist on Modern Regional Television (on the Example of the Information Program “News: Primorye”). *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 7(4): /704–710 (in Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(4).704-710
- Sovremennyi mediatekst [Modern Media Text]. 2011. Ed. N.A. Kuz'mina. Omsk, Publ. Poligraficheskii tsentr "Tat'yana", 414 p.
- Torgashev R.E. 2022. Marketing and communication strategies and tools for building a positive image of the region. *Munitsipal'naya akademiya*, 4: 148–155. DOI: 10.52176/2304831X_2022_04_148
- Tulupov V.V. 2013. Regional Journalism: Today and Tomorrow. *Theoretical and practical issues of journalism*, 2: 78–92 (in Russian).
- Fokina O.A. 2011. Emergencies Coverage as an Indicator of the Quality of Regional Agenda in Federal Media. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 6: 97–114.
- Shejnova Je.Sh., Ibragimova P.A. 2018. Features of modern information programmes on domestic TV. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 6(129): 163–167.
- Arbaoui B., De Swert K., Van der Brug W. 2020. Sensationalism in news coverage: A comparative study in 14 television systems. *Communication Research*, 47(2): 299–320. DOI: 10.1177/0093650216663364

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.04.2026

Поступила после рецензирования 20.05.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Received April 17, 2026

Revised May 20, 2026

Accepted June 16, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семакина Ольга Николаевна, соискатель МГУ имени М.В. Ломоносова, шеф-редактор Службы информационных программ, Государственная телерадиокомпания «Владивосток», г. Владивосток, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga N. Semakina, Applicant for a Candidate of Sciences degree at Lomonosov Moscow State University, Chief Editor of the Information Programs Service at the Vladivostok State TV and Radio Company, Vladivostok, Russia.

УДК 070

DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-280-290

EDN IJWLCQ

Роль процедурной риторики и геймерских сообществ в трансляции антироссийских установок среди молодёжи Литвы и Беларуси

¹ Хазанович М.В., ² Карпенко И.И., ³ Тихонович Е.В.

¹ Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова
Россия, 308012, Белгород, ул. Костюкова, д. 46

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

³ Белгородский университет кооперации, экономики и права
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а

Khazanovich.mikhail@mail.ru; Karpenkoirina@bsuedu.ru;
elena_tihonovich@list.ru

Аннотация. Процедурная риторика видеоигр является механизмом распространения политических нарративов в геймерских сообществах. Однако в фокусе исследований остаются преимущественно общие нарративы, тогда как процедурная риторика и пользовательские моды, транслирующие националистические идеи в Литве и Беларуси, изучены недостаточно. Это создаёт риск недооценки видеоигр как канала гибридного влияния на молодёжь Литвы и Беларуси – стран с общим историческим прошлым, но разным геополитическим настоящим, что формирует поле для антироссийских установок. Цель исследования – выявить особенности процедурной риторики в играх жанра глобальных стратегий и пользовательских модах и в дискуссиях игроков в социальных медиа, способствующие формированию антироссийских установок у литовской и белорусской молодёжи. Установлено, что агрессивный антироссийский дискурс активно усиливается через процедурные элементы геймплея и пользовательские модификации. Выявлены механизмы (бонусы за противостояние «русским культурным группам», сюжетные линии «освобождения от московского ига», моды, формирующие образ России как агрессора и др.) и нарративные конструкции, способствующие формированию антироссийских установок и исторической русофобии в молодёжной среде Литвы и Беларуси. Полученные результаты могут быть использованы для развития теории процедурной риторики, анализа гибридных угроз национальной безопасности и выработки мер противодействия деструктивному информационному воздействию в игровом пространстве.

Ключевые слова: процедурная риторика видеоигр, антироссийский нарратив, постсоветский национализм, Великое княжество Литовское, Интермариум, Crusader Kings III

Для цитирования: Хазанович М.В., Карпенко И.И., Тихонович Е.В. 2026. Роль процедурной риторики и геймерских сообществ в трансляции антироссийских установок среди молодёжи Литвы и Беларуси. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 280–290. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-280-290 EDN: IJWLCQ

The Role of Procedural Rhetoric and Gamer Communities in the Disseminating of Anti-Russian Attitudes among Young People in Lithuania and Belarus

¹ Mikhail V. Khazanovich, ² Irina I. Karpenko, ³ Elena V. Tikhonovich

¹ Belgorod State Technological University named after V.G.Shukhov

46 Kostyukov St., Belgorod 308012, Russia

² Belgorod State National Research University

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

³ Belgorod University of Cooperation, Economics, and Law

116a Sadovaya St., Belgorod 308023, Russia

Khazanovich.mikhail@mail.ru; Karpenkoirina@bsuedu.ru;

elena_tikhonovich@list.ru

Abstract. The procedural rhetoric of video games is a mechanism for spreading political narratives in gaming communities. However, existing research focuses mainly on general narratives, while procedural rhetoric and custom mods that convey nationalist ideas in Lithuania and Belarus have not been studied enough. This creates the risk of underestimating video games as a channel of hybrid influence on the youth of Lithuania and Belarus, countries with a common historical past but different geopolitical present, which creates a field for anti-Russian attitudes. The purpose of the study is to identify the features of procedural rhetoric in global strategy games and user mods, as well as in player discussions on social media, which contribute to the formation of anti-Russian attitudes among Lithuanian and Belarusian youth. It has been established that aggressive anti-Russian discourse is actively enhanced through procedural gameplay elements and user modifications. The study reveals mechanisms (bonuses for opposing "Russian cultural groups", storylines of "liberation from the Moscow yoke", fashions shaping the image of Russia as an aggressor, etc.) and narrative constructions contributing to the formation of anti-Russian attitudes and historical Russophobia among the youth of Lithuania and Belarus. The results obtained can be used to develop the theory of procedural rhetoric, analyze hybrid threats to national security, and suggest measures to counter destructive information influence in the gaming space.

Keywords: procedural rhetoric of video games, anti-Russian narrative, post-Soviet nationalism, Grand Duchy of Lithuania, Intermarium, Crusader Kings III

For citation: Khazanovich M.V., Karpenko I.I., Tikhonovich E.V. 2026. The Role of Procedural Rhetoric and Gamer Communities in the Disseminating Anti-Russian Attitudes among Young People in Lithuania and Belarus. *Issues in Journalism Education, Linguistics*, 45(2): 280–290 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-280-290 EDN: IJWLCQ

Введение

В условиях деглобализации и информационной нестабильности видеоигры выполняют не только рекреационную функцию, но и являются каналом трансляции идеологических нарративов. Особую роль в этих процессах играют гранд-стратегии, где механики (procedural rhetoric) в силу своих особенностей формируют у игроков конкретную картину мира, «предлагая игроку не столько потреблять нарративы, сколько посредством вводимых разработчиками игровых процедур самому рассказывать истории (и Историю)» [Bogost, 2007; Черный, 2017].

В настоящее время в ряде постсоветских государств в контексте национализма транслируется идея Intermarium (Междуморья) [Kushnir, 2021], впервые провозглашенная главой Польского государства Ю. Пилсудским после Первой мировой войны в рамках Версальской системы как проект федеративного объединения государств Центрально-Восточной Европы от Балтийского до Чёрного моря. Основной целью Intermarium провозглашалось создание мощного геополитического блока, способного противостоять как германской, так и российской (впоследствии советской) экспансии. В современных

условиях, особенно после 2020–2022 гг., идея *Intermarium* обрела новую популярность в националистических дискурсах Литвы, Польши, Украины и Беларуси и агрессивно противостоит историческому российскому влиянию в регионе. Согласно опросу Европейского совета по международным отношениям (ECFR), среди респондентов десяти стран 66 % европейцев считают Россию враждебной страной (2023 г.)¹. Динамика роста антироссийских настроений отмечается исследователями с 2021 г., когда этот процент равнялся 35 %².

Если рассматривать проблему в мировой перспективе, то цифры еще более масштабные: «В ходе опроса, проведенного в 24 странах, мнение о России в подавляющем большинстве случаев негативное: в среднем 82% респондентов заявили о своем неблагоприятном мнении о стране, по сравнению с 15%, которые выразили положительное мнение»³. Лидерами среди опрошенных стран стали Польша (90%), Швеция (82%), Нидерланды (71%). На основании исследования Eurobarometer «большинство литовцев (83%) считают Россию угрозой европейской безопасности»⁴. Среди событий, которые стали толчком для усиления негативного отношения, выделяют присоединение Крыма к России [Pugačiauskas, 2017], проведение СВО на территории Украины.

Сегодня в Литве видеоигры активно используются для популяризации исторической информации и укрепления национальной безопасности. Главной целью является воспитание устойчивости к внешним информационным воздействиям и переосмысление истории. Посредством реализации гражданской инициативы в стране разрабатываются игры и модификации, где школьникам нужно проверять достоверность информации, например, уличая вымышленного «фейкового эксперта». Эти игры создаются при участии разработчиков, педагогов и даже военных⁵. В то же время в Литве появляются книги и исследования, посвященные тому, как видеоигры меняют мир, включая вопросы национальной идентичности и сопротивления [Schwartz, 2024; Didžgalvytė, 2025].

В 2017 году учеными из университетов Глазго и Кардиффа было проведено исследование, посвященное «образу врага» в 57 популярных на тот момент компьютерных играх [Valeriano, Nabel, 2016]. «Исследование показало, что в качестве врагов, агрессоров часто выступают русские, опережающие в этих пропагандистских штампах зомби, террористов и зловещих космических пришельцев-захватчиков. Исследователи отмечают, что такого рода приёмы формируют крайне шаблонное, негативное отношение к России, заставляют оценивать любую инициативу Москвы на международном поле как агрессию» [цит. по: Федорченко, 2018а, с. 73].

В российском научном дискурсе в последние годы мы также находим работы о влиянии компьютерных игр на политическое самосознание молодежи и ее социализацию. Особое место исследователи уделяют рассмотрению политической социализации молодежи посредством компьютерных игр, к примеру, Ли Юйкай анализирует роль компьютерных игр в формировании мировоззрения, коллективной идентичности и идеологических норм в условиях цифровизации [Ли, 2025].

¹ Опрос: Россию считают враждебной страной 66% европейцев // ERR. 17.03.2023. URL: <https://rus.err.ee/1608918524/opros-rossiju-schitajut-vrazhdebnoj-stranoj-66-evropejcev> (дата обращения: 04.06.2026)

² Там же.

³ Overall opinion of Russia // Pew Research Center. 20.07.2023. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2023/07/10/overall-opinion-of-russia/> (дата обращения: 04.05.2026).

⁴ Цит. по: Vaišvilaitė-Braziulienė J. 83% of Lithuanians satisfied with their life – survey. 19.12.2024. URL: <https://www.delfi.lt/en/politics/83-of-lithuanians-satisfied-with-their-life-survey-120073517> (дата обращения: 04.05.2026).

⁵ Repeckaite D. In the existential fight against Russian disinformation, Baltic states are utilizing a variety of tools, including play // Brave new Europe, 08.10.2024. URL: <https://www.equaltimes.org/in-the-existential-fight-against?lang=en> (дата обращения: 04.06.2026).

Значимое место в научном дискурсе занимают работы, направленные на выявление социализирующего потенциала компьютерных игр на основе анализа сюжетов и игровых механик. Так, Асеева Т.А. и Асеева С.Ю. выделяют несколько групп компьютерных игр в зависимости от глубины осмысления игроком политической реальности: «игры, ориентированные на использование стереотипных образов и фокусирующиеся на эмоциональной составляющей обыденного политического сознания»; игры, требующие «углублённых знаний в различных сферах жизни общества, в том числе политической» и игры, «дающие возможность самостоятельной проектной деятельности и социального взаимодействия» (Асеева, 2024, с. 146).

Встречаются в отечественном научном дискурсе работы, направленные на выявление потенциала компьютерных игр в политическом просвещении и формировании национально-государственной идентичности молодёжи [Белов, 2025]. С.И. Белов экспериментально доказывает, что получение игрового опыта существенно увеличивает представление о предмете игры, что игра формирует у аудитории новые стереотипы восприятия предмета, эмоционально насыщенные сенсорные образы и реакции, что «свидетельствует о достаточно высоком уровне доверия к игровым нарративам. Полученные результаты подтверждают наличие у видеоигр существенного потенциала с точки зрения формирования национально-государственной идентичности и решения задач политического просвещения» [Белов, 2025].

Также в научном дискурсе уделяется внимание анализу политических нарративов в видеоиграх, которые используются в контексте методов политического кодирования, формирование «образа врага», пропаганды социальных и политических паттернов, стереотипизации, мифологизации (подмена исторических фактов историческими мифами), умолчания трансляции политического месседжа, метода «ложной аналогии» (сравнение советского и нацистского режимов). С. Н. Федорченко приходит к выводу, что «таргетированная пропаганда предлагает для геймеров готовую картину мира – как нужно относиться к истории конкретной страны, идеологии, партии, социальной группе» [Федорченко, 2018, с. 85]. К ряду подобных работ, критически оценивающих влияние на политическое самосознание игроков и развитие у них негативных навыков принятия решений через искажение исторических фактов, относятся исследования В. Б. Строганова и Беляева Д. А., Кутоманова С. А. и Резника С. В. Авторы приходят к выводу, что «сегодня видеоигры становятся вполне легитимной частью политически актуального пропагандистского дискурса. В их нарративах и процедурных практиках реализуются достаточно изощрённые технологии гражданской и боевой пропаганды» [Беляев, Кутоманов, Резник, 2021, с. 448].

Вместе с тем перечисленные работы носят обобщающий характер и не делают акцента на анализе процедурной риторики в современных популярных компьютерных играх.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей процедурной риторики в гранд-стратегиях, а также в пользовательских модах, транслирующих постсоветские националистические нарративы, сосредоточенные на образе Великого княжества Литовского, и способствующих формированию антироссийских установок у литовской молодёжи.

Теоретическая основа исследования

Теоретической основой исследования является концепция процедурной риторики И. Богоста [Bogost, 2007], согласно которой компьютерные игры убеждают не через текст или изображение, а через правила и механики. Данная концепция дополнена идеями А. Гэллоуэя [Galloway, 2006], выявляющими, как алгоритмические системы игр навязывают модели власти и геополитического контроля, превращая procedural rhetoric в инструмент алгоритмического принуждения. Дополнительно привлечены работы В. Шислера [Šisler, 2016; Šisler, Pöttsch, 2019], рассмотревшего процедурную репрезентацию национальной памяти и религии в постсоциалистических играх, а также

исследования А. Чэпмена [Chapman, 2016], посвященные контрфактуальным историям в НОИ4 и других гранд-стратегиях.

Теоретический аппарат исследования связан также с концепцией «мягкой силы» Дж. Ная [Nye, 2004], рассматривающей продвижение западных стратегий как культурный экспорт, и «резкой силы», где негосударственные акторы (моддеры, сообщества игроков) продвигают геополитические нарративы через создаваемый пользователями игровой контент.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили игровые обновления, DLC и пользовательские моды 2022–2025 гг. в многопользовательских сетевых играх *Europa Universalis IV*, *Crusader Kings III*. Общее количество проанализированных модов составило 40 единиц.

Также в ходе исследования был проведён качественно-количественный контент-анализ 40 тематических обсуждений и 100 релевантных постов и комментариев на платформах *Paradox Interactive Forums* и *Reddit* (*r/CrusaderKings*, *r/paradoxplaza*, *r/eu4*) за период 2023–2025 гг.

Были проведены: функциональный анализ игровых модов с позиции трансляции политических нарративов; прагматический анализ мер по противодействию антироссийским установкам в компьютерных играх; контент-анализ для изучения содержания игровых модов на предмет выявления антироссийских нарративов и анализ комментариев в социальных медиа. В работе применялся метод сплошной выборки эмпирического материала, а также качественный и количественный анализ постов социальных сообществ игроков на форумах *Paradox Interactive* и *Reddit*.

Результаты и их обсуждение

Под антироссийским акцентом в рамках настоящего исследования понимается совокупность игровых механик, событий, нарративов и пользовательских интерпретаций, которые изображают Московское государство / Россию как главного противника или угрозу Великому княжеству Литовскому; предоставляют существенные игровые преимущества (бонусы к военной мощи, экономике, дипломатии) за завоевание и контроль территорий, относящихся к исторической Руси; способствуют формированию представления о «естественном» историческом доминировании Литвы над восточнославянскими территориями в противовес московской централизации. Такой акцент был выявлен в 65 % проанализированных материалов (в 27 из 40 обсуждений).

Одним из наиболее ярких примеров служит официальное миссионное дерево Великого княжества Литовского в *Europa Universalis IV*. Миссия *Break Novgorod* подчёркивает, что усиление московского влияния нарушает баланс сил в Восточной Европе, и отводит Литве роль противодействующей стороны.

Следующая ключевая миссия *Campaign to Moscow* ещё более усиливает данный вектор: даже с сильным Новгородом в качестве сдерживающей силы москвиты остаются неприемлемой угрозой. Игроку ставится задача либо посадить ставленника Литвы на Московский престол, либо силой захватить Москву. Наградой за успешное подчинение московского центра служит временный, но значительный модификатор «Завоевание Руси» (*Conquest of the Rus*), действующий в течение 20 игровых лет. Он предоставляет –10 % к стоимости создания ядер (*core-creation cost*), то есть существенно снижает административные и ресурсные затраты на юридическое и управленческое освоение «завоёванных» русских земель, и –15 % к влиянию агрессивной экспансии (*aggressive expansion impact*), что заметно уменьшает международное дипломатическое и репутационное сопротивление дальнейшим завоеваниям в регионе).

Данные механики значительно облегчают дальнейшую экспансию на русские земли и снижают дипломатические и репутационные издержки. Аналогичный акцент присутствует

в популярных пользовательских модах, таких как More Bookmarks+, Duchies Expanded и балтийских оверхаулах (в частности, ACE's Baltic Revamp и субмодах). В этих модификациях литовские правители получают расширенные возможности для реформы веры Romuva (переход от Tribal government к Reformed Paganism), что даёт значимые бонусы к военной мощи, престижу и скорости конверсии при ведении войн против культурной группы Eastern, включающей московитов и другие русские княжества.

Как отмечает Черный С.Ю., гранд-стратегии позволяют игроку выступать не только потребителем, но и «соавтором» исторического нарратива [Черный, 2017]. Таким образом, можно предположить, что procedural rhetoric в сочетании с активностью геймерских сообществ способна создавать условия для трансляции исторических интерпретаций, которые могут влиять на формирование исторического сознания молодёжи.

Такая процедурная риторика действует на уровне самих правил игры, в частности успех военной кампании в игре напрямую вознаграждается за противостояние так называемым «угрозам» с Востока, а формирование сильного балтийского или балто-славянского государства игроки визуально интерпретируют как «восстановление исторической справедливости» и противостояние «ордам» с Востока, а формирование сильного балтийского или балто-славянского государства игроки визуально интерпретируют как предотвращение экспансии московитов: *As long as they're just Muscovy, they're not that bad. The thing you want to do is prevent them from forming Russia which gives them full throttle colonial expansion* («Пока это всего лишь Московское княжество, всё не так уж плохо. Ваша задача — помешать им сформировать Россию, что даст им возможность беспрепятственно расширять свои колониальные владения»). Например, в Europa universalis IV в треде про развитие Литвы игроки пишут: *Russian hordes, that would swarm you to death* («Русские орды, которые могут зарыть тебя численным преимуществом»). Данная цитата применялась в контексте, когда игрок проходил сюжетную ветку XV века, после присоединения Московским княжеством Новгорода, вследствие чего оно приобретало ощутимое численное преимущество. Необходимо отметить, что в обсуждениях Польши и Литвы такие советы (*prevent Muscovy from forming Russia* («Предотвратить образование России Московским княжеством»), *stop them from forming Russia* («помешать им сформировать Россию»), *prevent Russia forming* («Предотвратить формирование России») и т.п.) встречаются очень часто – в большинстве (60%) релевантных гайдов и тредов про стратегию против Московии. Это один из самых стандартных и повторяющихся советов.

В сообществах игроков кампании за Великое княжество Литовское часто сопровождаются комментариями, содержащими негативные оценки исторической роли России сопровождаются русофобскими комментариями (65% из проанализированных 100 постов), к примеру: *As a Lithuanian, we were in fact, not better off with Russia. It may seem weird in your perspective, but I don't like when my 200k of our population is sent to Siberia, women are raped, executions everywhere* («Как литовец, могу сказать, что мы точно не жили лучше с Россией. Возможно, с твоей точки зрения это звучит странно, но мне не нравится, когда 200 тысяч наших людей отправляют в Сибирь, насилуют женщин и повсюду идут казни» – перевод наш. – М.Х.)¹.

Аналогичная ситуация нами была выявлена и в модах Ruthenia и Break Novgorod. Контент-анализ игровых механик и нарративов в альтернативно-исторических модификациях для таких игр, как Europa Universalis IV и Crusader Kings III выявил устойчивый антироссийский (антимосковский) вектор в репрезентации восточнославянских государств. Он проявляется в предоставлении механических и нарративных преимуществ альтернативным центрам потенциального возрождения единого Русского государства (прежде всего Литве, Новгороду и Рутении) при выборе пути,

¹ Mechanical World. As a Lithuanian, we were in fact, not better off with Russia... // Reddit : r/eu4. 2024. URL: https://www.reddit.com/t/eu4/comments/1b3k2nn/who_said_poland_lithuania_and_russia_dont_get/ (accessed: April 27, 2026)

который противопоставлен московской централизации. Восточнославянские теги (особенно с рутенской/белорусской/украинской культурой) получают значительные бонусы за «возрождение Киевской традиции». Это включает уникальные миссионные деревья с постоянными модификаторами на +15–25% к налоговым доходам, ману и военной мощи при контроле Киева и отказе от Московского пути объединения Руси. Формирование Ruthenia предоставляет перманентные претензии на русские земли с бонусами за «освобождение от московского деспотизма» (снижение агрессивной экспансии, бонусы к лояльности подданных). «Московский» путь, напротив, теряет эти эксклюзивные механики¹. Однако именно репрезентация Великого княжества Литовского выделяется фокусировкой на альянсах против русских культурных групп, что отличает её от нарративов более нейтрального характера. К нейтральным можно отнести, например, Богемию (Чехию) в *Europa Universalis IV*: миссионное дерево Богемии сосредоточено на внутренних религиозных конфликтах (гусизм), борьбе за влияние в Священной Римской империи, отношениях с Венгрией, Австрией и Польшей, Великим княжеством Литовским. Москва/Россия практически не фигурирует как главный враг или объект идеологической конфронтации. Богемия взаимодействует с восточными акторами в основном через прагматические династические, торговые или военные союзы в рамках общеевропейского баланса сил. Но тем не менее ярко выраженный антимосковский акцент присутствует в 78% тематических веток, модификаций и обсуждений, связанных с Великим княжеством Литовским. Так, например, в миссионном дереве Великого княжества Литовского в *Europa Universalis IV* в миссии *Break Novgorod* указывается, что продвижение московского влияния может существенно нарушить «справедливое» соотношение сил среди восточно-европейских государств и что игрок должен поспособствовать в борьбе с Москвой союзникам Великого княжества Литовского – Новгородской республике. Также в миссионном дереве акцентируются постоянные претензии со стороны Литвы на ключевые московитские регионы, такие как Владимир и Москва.

Проведенный анализ процедурных риторик показал, что цифровые игры выступают каналом трансляции постсоветского национализма, требующим внимания как исследователей, так и специалистов по медиабезопасности, поскольку содержат негативный нарратив, который может формировать русофобию в соседних странах.

Таким образом, в процедурной риторике гранд-стратегий и активности геймерских сообществ в 2022–2025 гг. реализуются механизмы трансляции постсоветского национализма и формирование антироссийских установок среди литовской молодёжи. Репрезентация Великого княжества Литовского в *Crusader Kings III* и подобных проектах демонстрирует, как развлекательный контент может выступать инструментом «мягкой» информационной борьбы. Дальнейшие исследования должны учитывать этот феномен при анализе медиабезопасности в цифровой среде.

Для более полного понимания механизма воздействия антироссийских нарративов на молодёжь, играющую в компьютерные игры, целесообразно провести сравнение с аналогичными феноменами, которые используются недружественными странами. Подобная процедурная риторика активно используется в пользовательских модах к историческим гранд-стратегиям *Paradox Interactive*. В частности, украинские моды для таких игр, как *Hearts of Iron IV* и *Crusader Kings III* нередко акцентируют темы так называемой независимости от Москвы и героизации разного рода вариантов сценариев отделения Киевской Руси от русского мира, тогда как нарративы из Польши в игре *Europa Universalis IV* отчетливо продвигают образ Речи Посполитой как доминирующей региональной силы, минимизируя российское влияние и подчёркивая цивилизаторскую роль Запада. Рассмотренные факты и примеры со всей очевидностью иллюстрируют, как

¹ Legacy of Rus': мод для *Europa Universalis IV*. 2026. Paradox Mods. STEAM, URL: <https://steamcommunity.com/sharedfiles/filedetails/?id=3680340621> (accessed: April 27, 2026); Baptism of Rus: мод для *Crusader Kings III*. 2023. – URL: <https://steamcommunity.com/workshop/filedetails/?id=3108225018> (accessed: April 27, 2026).

механики и алгоритмы гранд-стратегий превращаются в площадку для построения и трансляции геополитических и исторических установок, где игрок выступает не только потребителем, но и становится «соавтором» исторического нарратива.

Перспективы использования результатов

На основе проведённого анализа можно выделить несколько направлений использования полученных результатов.

Во-первых, профильные ведомства, в том числе структуры, ответственные за информационную безопасность и мониторинг цифрового пространства, могут организовать системный мониторинг пользовательских модов, DLC-обновлений и закрытых геймерских сообществ в таких играх, как *Crusader Kings III*, *Europa Universalis IV*, *Hearts of Iron IV*, и в других подобных проектах, что позволит своевременно выявлять моды с выраженным антироссийским акцентом, к примеру, пути *Intermarium* и *Romuva-механики*, и принимать превентивные меры для ограничения их стремительного распространения на российских и зарубежных дружественных платформах.

Во-вторых, возможно развитие пользовательского контента и модов для исторических видеоигр, которые могут указать на существующие общие восточнославянские культурные и религиозные корни, династические связи Гедиминовичей с Рюриковичами, а также возможные сценарии более тесной интеграции Великого княжества Литовского в евразийское пространство. Такие моды и пользовательские сценарии, опираясь на мультимодальную семиотику и процедурную риторику видеоигр, способны создавать насыщенную развлекательно-образовательную среду, способствующую формированию целостного представления об истории региона и стимулирующую дополнительное самообразование игроков [Беляев и др., 2025].

В-третьих, эффективной формой работы с молодёжью могут стать просветительские проекты, ориентированные на геймерскую аудиторию: исторические подкасты, документальные видео и интерактивные ролики на платформах VK, YOUTUBE, где Великое княжество Литовское представлено не как антироссийский «щит Европы», а как неотъемлемая часть общей восточнославянской истории. Такие материалы, опираясь на анализ молодёжных дискурсов и устойчивых нравственных идеалов русской культуры (в том числе представлений о соединении добра и зла), могут интегрироваться с игровыми механиками (например, через летсплеи (форматы видеоконтента, в которых игрок проходит игру, комментируя свои действия в реальном времени. В контексте исследования подразумевается использование летсплеев с комментариями профессиональных историков для просветительских целей) с комментариями историков) и способствовать формированию устойчивого исторического самосознания и способности противостоять деструктивным нарративам [Бубнова, Горохова, 2025]. В долгосрочной перспективе возможно создание отечественных исторических гранд-стратегий, которые смогли бы обеспечить устойчивую конкуренцию продукции Paradox Interactive в таких аспектах, как глубина процедурной риторики и культурной привлекательности.

В отечественном сегменте необходимо активно внедрять в информационном и культурном пространстве соответствующую медиапродукцию, в том числе развивая собственные моды и пользовательский контент, отражающие объективный взгляд на историю Восточной Европы, и «добиться внешне убедительного и непротиворечивого, с точки зрения исторической логики, моделирования сложных процессов...» [Черный, 2017, с. 94].

Заключение

Проведённое исследование, направленное на выявление особенностей процедурной риторики в гранд-стратегиях и пользовательских модах, транслирующих постсоветские националистические нарративы, сосредоточенные на образе Великого княжества Литовского, и способствующих формированию антироссийских установок у литовской

молодёжи, позволило достичь поставленной цели и получить результаты, имеющие мультимодальную и междисциплинарную ценность.

Контент-анализ показал, что процедурная риторика в сочетании с активностью геймерских сообществ создаёт благоприятные условия для трансляции исторических интерпретаций. В модах к указанным играм активно продвигаются нарративы «Интермариума», возвеличивания Великого княжества Литовского и формирования образа России как извечного агрессора.

Процедурная риторика реализуется через:

1. *Игровые механики*: бонусная система за противостояние русским культурным группам; снижение стоимости создания ядер при завоевании русских территорий; преимущества при выборе антимосковского пути развития; модификаторы на временное усиление при завоевании русских земель; уменьшение дипломатического давления при экспансии на восток; механики реформы веры, дающие бонусы при противостоянии с восточнославянскими государствами и «освобождения от московского деспотизма».

2. *Нарративные конструкции*: миссионные деревья, где Россия представлена как главная угроза; сюжетные линии об «освобождении» от московского влияния; исторические нарративы о «естественном» доминировании Литвы над восточнославянскими территориями; контент пользовательских модов, продвигающий идею противостояния с Россией.

3. *Социальные механизмы*: дискуссионные площадки в игровых сообществах, где формируется негативный образ России; пользовательский контент (моды), усиливающий антироссийскую риторику, игровые сообщества, транслирующие русофобские настроения.

В работе показано, что процедурная риторика гранд-стратегий выступает не просто средством развлечения, но и каналом трансляции геополитических нарративов. Выявлен устойчивый антироссийский (антимосковский) акцент в репрезентации восточнославянских государств, особенно ярко выраженный в материалах, связанных с Великим княжеством Литовским. Конкретные процедурные механики – такие как миссии Break Novgorod и Campaign to Moscow, бонусы Conquest of the Rus, а также модификаторы в пользовательских модах могут формировать у игрока образ Московского государства как главной угрозы, которую необходимо нейтрализовать, и вознаграждают за территориальную экспансию на восток. Эти механики, как показал анализ игровых сообществ, сопровождаются русофобскими комментариями, где исторические отношения с Россией интерпретируются исключительно в негативном ключе.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении концепции процедурной риторики применительно к жанру гранд-стратегий, а также в интеграции этой концепции с идеями об алгоритмическом принуждении и исследованиями постсоциалистических игр.

Эмпирически подтверждено, что видеоигры являются не только рекреационным, но и социализирующим институтом, способным влиять на политическое самосознание молодёжи через «соавторство» исторического нарратива. Работа вносит вклад в изучение «жёсткой силы» (sharp power) негосударственных акторов (моддеров) и демонстрирует, как развлекательный контент может служить инструментом «мягкой» информационной борьбы.

В контексте проведенного исследования перспективными представляются:

1) сравнительный анализ процедурной риторики в модах разных постсоветских стран (Польша, Украина, Беларусь) для выявления общих и специфических нарративных паттернов;

2) экспериментальные исследования (например, с контрольной группой) для прямой оценки влияния игровых механик на исторические представления и аттитуды молодёжи;

3) анализ других жанров видеоигр (шутеры, стратегии реального времени, RPG) на предмет трансляции антироссийских нарративов.

Список литературы

- Асеева Т.А., Асеев С.Ю. 2024. Недетские игры в песочнице: роль игрового контента в политической социализации школьников. *Политическая наука*, 4: 146–167.
- Белов С. И. 2025. Потенциал видеоигр в политическом просвещении и формировании национально-государственной идентичности молодежи. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 16(1). DOI: 10.18254/S207987840032734-6.
- Беляев Д.А., Задворнов А.Н., Хайруллин А.Г., Шайсултанова Э.И. 2025. Художественно-эстетическая феноменология видеоигр: мультимодальная семиотика и образовательные возможности. *Перспективы науки и образования*, 2(74): 585–599. DOI: 10.32744/pse.2025.2.37
- Беляев Д. А., Кутومانов С. А., Резник, С. В. 2021. Стратегии пропаганды в видеоиграх: практики и актуальные темы. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 46(3): 443-450. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-443-450.
- Бубнова И.А., Горохова Д.В. 2025. Как связаны добро и зло, или Меняется ли нравственный идеал русской культуры? *Политическая лингвистика*, 2(110): 25–31.
- Ли Ю. 2025. Видеоигры как инструмент формирования политического восприятия в цифровую эпоху. *Litera*, 9: 21–37. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75746.
- Федорченко С.Н. 2018. Политические технологии в компьютерных играх как новый формат информационного воздействия. *Информационные войны*, 4(48): 85–97.
- Федорченко С.Н. 2018а. Computer Game Studies как новая область политологии *Обозреватель*, 9(344): 70–85.
- Черный С.Ю. 2017. Конструирование прошлого в видеоиграх: игрок как потребитель и соавтор исторического нарратива (проект "Europa Universalis IV"). *Шаги/Steps*, 3(2): 77–97.
- Bogost I. 2007. *Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames*. Cambridge, MA, MIT Press, 463 p.
- Chapman A. 2016. *Digital Games as History: How Videogames Represent the Past and Offer Access to Historical Practice*. New York, NY, Routledge, Taylor & Francis Group, 290 p.
- Didžgalvytė M. 2024. *Videožaidimai keičia pasaulį. Kas laimi?* London and New York: Verso Books. 304 p.
- Galloway A.R. 2006. *Gaming: Essays on Algorithmic Culture*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 143 p.
- Pugačiauskas V. 2017. Lithuania's Images in Russian Mass Media after the Annexation of Crimea. *Lith. Annu. Strat. Rev.* 15: 101–118, DOI: <https://doi.org/10.1515/lasr-2017-0005>.
- Schwartz M., Weller N. 2024. *Appropriating History: The Soviet Past in Belarusian, Russian and Ukrainian Popular Culture*. Bielefeld : transcript Verlag. 319 p.
- Šisler V. 2016. Contested Memories of War in Czechoslovakia 38-89: Assassination: Designing a Serious Game on Contemporary History. *Game Studies*, 16(2). URL: <https://gamestudies.org/1602/articles/sisler> (accessed: March 22, 2026).
- Šisler V., Pötzsch H. 2019. Playing Cultural Memory: Framing History in Call of Duty: Black Ops and Czechoslovakia 38-89: Assassination. *Games and Culture*, 14(1). DOI: 10.1177/1555412016638603
- Kushnir O. 2021. The Intermarium As a Pivotal Geopolitical Buzzword. *East/West: Journal of Ukrainian Studies*, 8(2): 8–26. DOI: 10.21226/ewjus448
- Nye J.S. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, PublicAffairs, 206 p.
- Valeriano B., Habel Ph. 2016. Who Are the Enemies? The Visual Framing of Enemies in Digital Games // *International Studies Review*. 18(3).

References

- Aseeva T.A., Aseev S.Yu. 2024. Adult Games in the Sandbox: The Role of Game Content in the Political Socialization of Schoolchildren. *Political Science*, 4: 146–167. (in Russian) DOI: 10.31249/poln/2024.04.06.
- Belov S.I. 2025. The Potential of Video Games in Political Education and the Formation of National and State Identity of Young People. *Electronic Scientific and Educational Journal "History"*, 16(1). (in Russian) DOI: 10.18254/S207987840032734-6.
- Belyaev D.A., Zadvornov A.N., Hairullin A.G., Shajsultanova E.I. 2025. Artistic and aesthetic phenomenology of video games: multimodal semiotics and educational potential. *Perspectives of Science and Education*, 2(74): 585–599 (in Russian). DOI: 10.32744/pse.2025.2.37
- Belyaev D.A., Kutomanov S.A., Reznik S.V. 2021. Propaganda strategies in video games: practices and current topics. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 46(3): 443–450. (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-443-450.

- Bubnova I.A., Gorokhova D.V. 2025. The Relationship between the Good and the Evil, or Has the Moral Ideal of Russian Culture Changed? *Political Linguistics*, 2(110): 25–31 (in Russian).
- Ryabova E.L., Ternovaya L.O. 2025. Non-verbal communication in politics: a semiotic analysis of the gestures of politicians and government officials. *Ethnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, 10(208): 20–28.
- Chernyi S.Yu. 2017. Constructing the past in video games: the player as consumer and co-author of historical narratives in “Europa universalis IV”. *Shagi/Steps*, 3(2): 77–97 (in Russian).
- Bogost I. 2007. *Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames*. Cambridge, MA, MIT Press, 463 p.
- Chapman A. 2016. *Digital Games as History: How Videogames Represent the Past and Offer Access to Historical Practice*. New York, NY, Routledge, Taylor & Francis Group, 290 p.
- Didžgalvytė M. 2024. *Videožaidimai keičia pasaulį. Kas laimi?* London and New York: Verso Books. 304 p.
- Galloway A.R. 2006. *Gaming: Essays on Algorithmic Culture*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 143 p.
- Pugačiauskas V. 2017. Lithuania’s Images in Russian Mass Media after the Annexation of Crimea. *Lith. Annu. Strat. Rev.* 15: 101–118, DOI: <https://doi.org/10.1515/lasr-2017-0005>.
- Li Y. 2025. Video Games as a Tool for Shaping Political Perceptions in the Digital Age. *Litera*. 9: 21–37. (in Russian). DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75746.
- Schwartz M., Weller N. 2024. *Appropriating History: The Soviet Past in Belarusian, Russian and Ukrainian Popular Culture*. Bielefeld : transcript Verlag. 319 p.
- Šisler V. 2016. Contested Memories of War in Czechoslovakia 38–89: Assassination: Designing a Serious Game on Contemporary History. *Game Studies*, 16(2). URL: <https://gamestudies.org/1602/articles/sisler> (accessed: March 22, 2026).
- Šisler V., Pöttsch H. 2019. Playing Cultural Memory: Framing History in Call of Duty: Black Ops and Czechoslovakia 38–89: Assassination. *Games and Culture*, 14(1). DOI: 10.1177/1555412016638603
- Kushnir O. 2021. The Intermarium As a Pivotal Geopolitical Buzzword. *East/West: Journal of Ukrainian Studies*, 8(2): 8–26. DOI: 10.21226/ewjus448
- Nye J.S. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, PublicAffairs, 206 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.03.2026

Поступила после рецензирования 01.05.2026

Принята к публикации 25.05.2026

Received March 20, 2026

Revised May 01, 2026

Accepted May 25, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хазанович Михаил Викторович, преподаватель истории Колледжа высоких технологий БГТУ им. Шухова, г. Белгород, Россия.

Карпенко Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Тихонович Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Khazanovich, History Teacher at the College of High Technologies of Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia.

Irina I. Karpenko, Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Elena V. Tikhonovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia.

УДК 070.4:94(47)"1917/1925"
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-291-300
EDN NAEUVA

Редакционный комментарий в журнале «Былое» (документально-историческая периодика)

Ширин Э.Р.

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
Россия, Республика Крым, 295000, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8
emile1992@list.ru

Аннотация. Публикация исторических документов в периодике сопровождается паратекстовыми элементами – редакционными пояснениями. В разные исторические периоды функции, структура и содержание паратекста в специализированных изданиях имеют разный характер и отражают особенности издательской и исследовательской практики. Паратекстовые элементы журнала «Былое», первого русского легального журнала, публиковавшего документы, связанные с историей освободительного движения в России, и тенденции их развития изучены недостаточно. Цель исследования – выявить функции редакционного комментария в журнале «Былое» при публикации исторических документов и сопоставить специфику их реализации в выпусках 1917 (возобновление издания) и 1925 (прекращение деятельности) годов. Эмпирический материал составили предисловия, послесловия, примечания и служебные блоки выпусков журнала за 1917 и 1925 гг.; анализ основан на выявлении однотипных элементов и сравнении их распределения между выпусками. Выявлено, что в 1917 году комментарий преимущественно сопровождает отдельный документ и выполняет прежде всего атрибутивно-комментирующие задачи (указание происхождения материала и способа воспроизведения), а также фиксирует границы ответственности редакции. В 1925 году комментарий становится функционально и содержательно более насыщенным элементом структуры номера в целом, обозначая принцип подбора материалов, определяя вектор восприятия публикаций и подчеркивая ответственность редакции за подготовку текста, включая корректирующие сообщения об исправлениях и вариантах чтения. Вклад данного исследования в изучение феномена паратекста состоит в типологическом описании функций редакционного комментария и выявлении их изменений на материале разных выпусков журнала «Былое».

Ключевые слова: историческая периодика, документальная публикация, редакционный комментарий, паратекст, сопровождение источника, издательская ответственность, Россия, начало XX века

Для цитирования: Ширин Э.Р. 2026. Редакционный комментарий в журнале «Былое» (документально-историческая периодика). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 291–300. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-291-300 EDN: NAEUVA

Editorial Commentary in the Byloe Journal (Documentary-Historical Periodicals)

Emile R. Shirin

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov
8 Uchebny Lane, Simferopol 295000, Republic of Crimea, Russia
emile1992@list.ru

Abstract. The publication of historical documents in periodicals is accompanied by paratextual elements – editorial notes and apparatus texts. The functions, structure, and content of paratext in specialized publications vary across historical periods and reflect the specifics of publishing and research practices.

The paratextual elements of the journal *Byloe* – the first Russian legal journal to publish documents related to the history of the liberation movement in Russia – and the trends in their development have not been sufficiently studied. The present study aims to identify the functions of editorial commentary in the journal *Byloe* and to compare the specific features of their realization in the issues of 1917 (resumption of publication) and 1925 (cessation of activity). The empirical corpus comprises prefaces, afterwords, notes, and editorial apparatus sections from all issues of the journal for 1917 and 1925; the analysis is based on identifying recurrent elements and comparing their distribution across the issues. The findings indicate that in 1917 editorial commentary predominantly accompanies individual documents and performs primarily attributive and explanatory functions, including the indication of source provenance and reproduction techniques, while also delineating the limits of editorial responsibility. In 1925, editorial commentary becomes a functionally and substantively richer component of the issue structure as a whole, designating the principles of source selection, defining the vector of reception of publications, and foregrounding editorial responsibility for text preparation, including corrective notices concerning emendations and variant readings. The contribution of this study to the investigation of the paratext phenomenon consists in a typological description of the functions of editorial commentary and in identifying their changes based on materials from different issues of the journal *Byloe*.

Keywords: historical periodicals, document publication, editorial commentary, paratext, publishing responsibility, reading constraints, Russia, early 20th century

For citation: Shirin E.R. 2026. Editorial Commentary in the *Byloe* Journal (Documentary-Historical Periodicals). *Issues in Journalism Education, Linguistics*, 45(2): 291–300 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-291-300 EDN: NAEUVA

Введение

Редакционный комментарий в теории журналистики обычно описывается как аналитический жанр, связанный с объяснением и оценкой фактов и с выражением позиции субъекта высказывания [Акопов, 1996; Колесниченко, 2013; Тертычный, 2013]. При этом термин «комментарий», функционируя в разных жанровых значениях, требует четкого разграничения смежных явлений [Стеклова, 2014]. Исследователи отмечают, что устойчивые жанровые формы могут перестраиваться под задачи конкретного издания и режимы представления материала, что особенно заметно в периодике при смене исторического контекста и редакционной политики [Костякова, 2020].

В настоящем исследовании термин «редакционный комментарий» используется в узком смысле и не тождествен жанру журналистского комментария. Речь идет о предисловиях, послесловиях, примечаниях и служебных блоках, сопутствующих документальной публикации и направляющих восприятие источника. Эти тексты рассматриваются как редакционное сопровождение и трактуются как паратекст – сопроводительные элементы, определяющие способы восприятия основного текста [Genette, 1997; Gray, 2010], являющегося непосредственным объектом анализа.

Редакционный комментарий обладает дополнительным признаком: субъектом высказывания выступает не индивидуальный автор, а редакция как коллективный субъект, чья позиция может быть маркирована явно («От редакции») или выражена безличным служебным сообщением [Павлова, 2009]. Современные исследования коллективной авторской/редакционной субъектности в медиасреде позволяют рассматривать такую форму как институциональный способ фиксации ответственности и управления интерпретацией [Ефимова, 2025].

В документально-исторической периодике сопроводительные тексты при публикации источников устроены иначе и, как правило, схему аналитического жанра не воспроизводят; их задача – обеспечить публикацию как сообщение-источник (обозначить происхождение документа, способ передачи, пределы полноты и редакционную ответственность за подготовку текста) [Медушевская, 1996], поэтому в исследовании анализируются редакционные примечания и служебные блоки, образующие паратекст документальной

публикации. Именно на этом уровне институциональная позиция редакции фиксируется в формульных указаниях, оговорках и исправлениях, направляющих чтение документа и задающих пределы его допустимого истолкования [Genette, 1997; Gray, 2010; Горячева, 2025].

В условиях роста интереса к исторической журналистике и научно-популярной публицистике комментарий получает дополнительные задачи: при публикации исторических источников он выступает не только формой редакционного высказывания, но и средством определения статуса документа, условий его воспроизведения и его значения для современного читателя [Медушевская, 1996]. Однако рассмотрение роли комментария либо растворяется в общих рассуждениях о редакторской работе, либо сводится к справочному пояснению. Между тем именно в паратекстовых элементах, сопровождающих публикуемый документ, проявляется редакционная концепция обращения с прошлым: что признается источником, что объявляется воспроизведенным без изменений, где редакция дистанцируется от авторских суждений, а где допускает оценочную квалификацию. Для теории медиа это важно потому, что такие формулы относятся к «пороговой» зоне текста и направляют чтение документа как медиасообщения, задавая пределы допустимого понимания [Genette, 1997; Gray, 2010]. Кроме того, исследования дореволюционной журналистики показывают, что исторические фигуры и события в прессе воспроизводятся через устойчивые способы подачи и повторяющиеся интерпретационные коды, закрепляющие культурно-исторические представления [Кругликова, Сониная, 2020; Воскресенская, 2022; Он весь..., 2022].

Цель исследования – выявить функции редакционного комментария в журнале «Былое» при публикации исторических документов и сопоставить преобладающие способы их реализации в выпусках 1917 и 1925 годов.

Материалы и методы исследования

Журнал «Былое» (1906–1907, 1917–1926), созданный и редактировавшийся П.Е. Щеголевым и В.Я. Богучарским, предоставляет репрезентативный материал для изучения редакционного комментария в документально-исторической периодике. Издание было посвящено истории русского освободительного движения и публиковало преимущественно первичные источники – письма, мемуары, официальные документы, архивные материалы. Большинство публикаций сопровождалось предисловиями, послесловиями, примечаниями и служебными сообщениями, в которых уточнялись происхождение и статус источника, принципы воспроизведения, а также пределы ответственности редакции по отношению к авторским суждениям, имеющимся в документе.

В корпус включались только те сопроводительные тексты, которые структурно и функционально связаны с публикацией документов или с организацией номера как документального целого; аналитические авторские статьи и собственно публицистические комментарии в корпус эмпирического материала не включались.

Эмпирическую базу составили объединенные выпуски журнала «Былое» № 5–6 за 1917 год (364 с.) и № 32–33 за 1925 год (590 с.). Выпуск 1917 года отражает начальный этап «второй серии» журнала после его возобновления (издание было закрыто в 1907 году и возобновлено летом 1917 г.), а выпуск 1925 года относится к финальному периоду стабильного выхода журнала перед его фактическим прекращением (издательство прекратило деятельность в 1926 г.). Оба выпуска сопоставимы по типу публикаций, но относятся к разным этапам существования издания, что позволяет рассмотреть изменения в способах редакционного сопровождения исторического документа. Единицей анализа выступали клишированные фрагменты – предикативные конструкции и типовые служебные сообщения, посредством которых редакция оформляет отношение к источнику и задает режим его чтения (например, указания на происхождение документа, информация

о способе воспроизведения, формулы дистанцирования, сообщения об исправлениях и вариантах чтения). Формулы группировались по доминирующей функции и сопоставлялись по двум параметрам: по способам языковой реализации и по размещению в структуре выпуска (непосредственно при конкретном документе либо в начальных и служебных разделах номера), что позволяет говорить не только о комплексе функций, но и о характере «включенности» редакционного комментария в композицию номера.

Общий объем выявленного корпуса редакционных формул составил 44 единицы: 20 формул в выпуске № 5–6 за 1917 год и 24 формулы в выпуске № 32–33 за 1925 год. Каждая формула отнесена к одной доминирующей функции из четырех; случаи совмещения функций (полифункциональные формулы – 6 в выпуске 1917 года и 5 в выпуске 1925 года) фиксировались отдельно, что исключало двойной счет. Параллельно каждая формула размечалась по параметру размещения: при конкретном документе либо в начальных и служебных разделах номера. Подсчет носит описательно-иллюстративный характер: при ограниченном объеме корпуса (два сдвоенных выпуска) количественные данные приводятся как частотное распределение текстовых единиц, фиксирующее тенденцию.

Проведен качественный контент-анализ и дискурс-анализ.

В рамках контент-анализа выделялись функции редакционного комментария, соотносимые с задачами документальной публикации: информационно-пояснительная функция фиксирует источниковый статус текста и параметры его воспроизведения; ориентирующая функция направляет чтение документа или подборки, задавая акценты, границы и режим восприятия; разграничительная функция маркирует пределы ответственности редакции и дистанцирование от авторских суждений в документе; квалифицирующая функция устанавливает статус и значимость публикуемого материала, не подменяя его развернутой интерпретацией. Для дифференциации ориентирующей и квалифицирующей функций принципиальным является разграничение их коммуникативной направленности. Ориентирующая функция направлена на процесс чтения и задает для адресата режим восприятия документа, выделяя фрагменты, уточняя рамки и предлагая траекторию интерпретации без вынесения статуса. Квалифицирующая функция, напротив, устанавливает статус публикации и фиксирует значимость документа или подборки в системе редакционного отбора, маркируя, почему это *важно опубликовать* и *каким образом это следует понимать в контексте номера*, но не заменяя документ развернутой оценочной интерпретацией. Корректирующие сообщения редакции (исправления, поясняющие ссылки, варианты чтения) учитывались как модификации разграничительной функции, поскольку они публично фиксируют издательскую ответственность за точность текста.

Дискурс-анализ был направлен на описание языковых маркеров институциональной субъектности редакции – прежде всего модальных и оценочных средств, безличных конструкций, формул ответственности и самоограничения, а также на выявление интерпретационных рамок, которые задаются сопроводительными текстами и служебными сообщениями [Genette, 1997; Gray, 2010; Ущиповский, Кругликова, 2015; Он весь..., 2022; Артамонов и др., 2022; Galey, 2023].

Результаты и обсуждение

Редакционный комментарий в № 5–6 журнала «Былое» за 1917 год. В номере преобладает (12 из 20 формул, 60%) информационно-пояснительная функция комментария: редакция вводит документ в публикацию, ограничиваясь сведениями о происхождении, временных рамках и способе воспроизведения. Так, в материале о карательной экспедиции П.К. Ренненкампфа редакция фиксирует событие и источниковую основу текста: *«Печатаемый ниже материал относится к событиям, последовавшим за декабрьскими волнениями 1905 года в Забайкальской области и воспроизводится по архивным*

источникам»¹. В публикации о взрыве на Аптекарском острове подчеркивается источник и принцип передачи: *«Публикуемые ниже документы извлечены из следственного дела и воспроизводятся без изменений»*². В разделе «Царскосельские совещания» комментарий задает хронологическую привязку: *«Ниже приводятся протоколы совещаний, происходивших в Царском Селе в последние месяцы старого режима»*³. Эти формулы удостоверяют источник статус текста и задают режим его чтения в журнальном формате, не переходя к интерпретации событий.

Ориентирующая функция проявляется точечно (5 формул, 25%) и связана прежде всего с тем, как редакция предлагает воспринимать документ. Так, в публикации письма П.А. Столыпина к Николаю II формулируется установка: *«Редакция считает необходимым воспроизвести это письмо полностью, без всяких комментариев, предоставляя читателю возможность самостоятельно ознакомиться с документом»*⁴. В подборке «Телеграммы Григория Распутина» редакция ограничивается указанием значимости и характера материала: *«Публикуемые телеграммы относятся к последнему периоду деятельности Г. Распутина и представляют интерес как свидетельство его переписки»*⁵. В обоих случаях комментарий не подменяет документ оценкой, но задает режим чтения: «полностью и без подсказок» либо с акцентом на свойства источника (период и тип свидетельства).

Разграничительная функция выражается в обозначении пределов редакционной ответственности. При публикации письма П.А. Столыпина редакция фиксирует границу: *«Редакция воспроизводит документ в том виде, в каком он сохранился, не принимая на себя ответственности за содержащиеся в нем суждения»*⁶. В публикации «Казнь Квятковского и Преснякова» дистанцирование достигается через указание на основание сведений: *«Все приводимые сведения основаны на архивных данных и воспоминаниях современников»*⁷. Здесь ответственность переносится в плоскость источниковой базы и режима воспроизведения, а не авторского толкования.

Квалифицирующая функция реализуется минимально (3 формулы, 15%). В «Деле кн. А.Н. Долгорукова» редакция ограничивается формулой: *«Материал представляет значительный интерес для характеристики судебной практики последнего времени»*⁸. В обзоре «За чтением Туна» поясняется принцип отбора фрагментов: *«Останавливаемся лишь на отдельных местах, представляющих наибольший интерес»*⁹. В этих случаях оценка не разворачивается в аргументацию, а фиксирует значимость и/или логику подачи.

Таким образом, в № 5–6 за 1917 год редакционный комментарий в целом минималистичен: доминирует (60%) информационно-пояснительная функция; ориентирующая представлена точечно (25%), а разграничительная в явном виде отсутствует; квалифицирующие формулы остаются краткими и не разворачиваются в самостоятельное рассуждение.

Редакционный комментарий в № 32–33 журнала «Былое» за 1925 год. В выпуске 1925 года информационно-пояснительная роль комментария заметно смещается к структуре номера как тематического целого. Уже в начальном блоке фиксируется принцип подбора и состав материалов: *«К двадцатилетию революции 1905 года. В настоящей книге “Былого” собраны материалы, освещающие различные стороны революционного*

¹ Былое : газета. Петроград, 1917. № 5–6. С. 141.

² Там же, с. 224

³ Там же, с. 297

⁴ Там же, с. 11

⁵ Там же, с. 235

⁶ Там же, с. 11

⁷ Там же, с. 239

⁸ Там же, с. 241

⁹ Там же, с. 349

движения 1905 года: от общих вопросов до отдельных эпизодов и фигур...»¹. Далее уточняется статус публикаций и пределы их полноты: «Печатаемые ниже статьи и материалы не претендуют на исчерпывающее освещение событий, но представляют собой важные свидетельства и попытки осмысления пережитого»². Таким образом, комментарий задает условия восприятия и чтения номера в целом, а не только отдельных документов.

Ориентирующая функция реализуется через композиционные ключи и тематические ограничения. В начальном блоке появляется интерпретационная связка: «*“Буржуазные революции быстрее стремятся от успеха к успеху”, – писал Маркс. История революции 1905 года дает богатый материал для проверки этого положения»³. Независимо от авторства данной фразы, ее позиция в структуре номера направляет восприятие всей подборки. В другом случае ориентация задается через прямое ограничение периода: «*Речь идет о событиях 1905–1907 годов, рассматриваемых в их непосредственной связи с революционным движением»⁴. Здесь редакция фиксирует границы применимости публикуемых материалов и задает контекст восприятия и оценки.**

Разграничительная функция в выпуске 1925 года проявляется не только через дистанцирование, но и через публичную фиксацию издательской ответственности за точность текста. Показателен блок «*Поправка*»: «*В библиографическую заметку... вкрался по техническому недосмотру ряд погрешностей. Это место следует читать так: “В деле крестьян Поливановой обследованы и изложены крайне неполно доводы самих крестьян...”»⁵. Далее поясняется механизм расхождения: «*Конец заметки оказался набранным в двух вариантах... Второй из них был набран после детального ознакомления с материалом»⁶. Здесь разграничение связано с издательской процедурой: редакция документирует ошибку, корректирует чтение и описывает обстоятельства подготовки текста.**

Квалифицирующая функция по-прежнему не является ведущей, но чаще привязана (3 формулы, 12%) к редакционным обещаниям и принципам отбора. Так, в конце номера отмечается: «*В дальнейших книгах будут напечатаны материалы, представляющие значительный интерес для истории революционного движения и общественной мысли»⁷. Там же формулируется принцип отбора: «*Редакция стремится помещать наиболее характерные и документально обоснованные материалы»⁸. Эти формулы одновременно анонсируют продолжение линии и вербализуют критерии редакционной политики.**

В целом в 1925 году комментарий реже (15 из 24 формул, 62%, против 100% в 1917 году) прикреплен к отдельному документу и чаще (9 формул, 38%) размещается в начальных и служебных разделах, функционируя на уровне общей концепции выпуска: поясняются принцип подбора, пределы охвата, способы чтения подборки, а также ответственность редакции за издательскую сторону текста (в том числе через исправления и уточнения).

При сопоставлении выпусков 1917 и 1925 годов различия фиксировались не только по наличию функций редакционного комментария, но и по его композиционному размещению в структуре номера. Так, в 1917 году комментарий расположен рядом с конкретным документом во всех случаях (20 из 20 формул, 100%) и оформлен краткими источниковыми формулами, фиксирующими происхождение, событие или период, режим воспроизведения «без изменений» и границы ответственности редакции; подобное

¹ Былое : газета. Петроград, 1925, № 32–33, с. 9

² Там же

³ Там же

⁴ Там же, с. 156

⁵ Там же, с. 212

⁶ Там же, с. 212

⁷ Там же, с. 582

⁸ Там же, с. 582

сопровождение создает эффект минимально достаточной источниковой атрибуции. В 1925 году комментарий более явно включен в организацию номера и в самоописание редакционной работы: указываются принципы подбора, статус материалов как свидетельств, полнота цитирования, а ответственность редакции дополнительно фиксируется через рубрики исправлений. В результате документ предъявляется не только как самостоятельный источник, но и как элемент тематически организованного выпуска, для которого заранее задаются условия интерпретации. Тематический характер выпуска 1925 года являлся одним из ситуативных условий, при которых описанные функции редакционного комментария проявились наиболее отчетливо, однако отметим: он стал возможным именно потому, что к этому времени редакционная практика «Былого» достигла необходимой степени зрелости. На протяжении второй серии журнала (с 1917 года) последовательно складывались устойчивые паратекстовые стереотипные формулы, выработывалась практика публичных редакционных поправок как инструмента издательской ответственности, а подтверждение достоверности публикуемых материалов приобрело регулярный характер. В последних выпусках (1925–1926) эти изменения закрепляются: редакционный комментарий превращается в инструмент концептуального оформления номера, а формулирование редакционных принципов становится нормой, а не исключением. Параллельно происходит и идеологическая переориентация: апелляция к революционному наследию получает более очевидный историко-политический контекст, отвечающий требованиям советского историографического дискурса 1920-х годов.

Заключение

Редакционный комментарий в документально-исторической периодике целесообразно рассматривать как паратекстовое сопровождение документальной публикации, через которое редакция институционально оформляет документ как источник и одновременно задает условия его чтения в составе журнального номера. В отличие от комментария как аналитического жанра журналистики, здесь ведущей оказывается не интерпретационная функция, а редакционно-издательская: указание происхождения и статуса источника, параметров воспроизведения, а также фиксация границ ответственности редакции по отношению к содержанию документа, что проявляется в клишированных конструкциях, которые регулируют допустимые рамки понимания публикуемого материала и маркируют позицию редакции как коллективного субъекта.

Новизна исследования заключается в рассмотрении редакционного комментария при публикации документов как совокупности регулярных паратекстовых редакционных приемов (представление источника, разграничение ответственности, оценка значимости, текстологические уточнения). На материале выпусков 1917 и 1925 гг. показано, что эти приемы смещаются от сопровождения отдельного документа к организации номера в целом и к более явной демонстрации редакционной ответственности.

Выявленные различия отражают закономерную эволюцию издания, обусловленную несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, выпуск № 32–33 за 1925 год представлял собой тематический номер, приуроченный к 20-летию революции 1905 года, что само по себе требовало композиционного единства и предопределяло более высокую роль редакционного комментария как организующего элемента. Во-вторых, к середине 1920-х годов редакция накопила значительный издательский опыт: за годы второй серии журнала (1917–1926) сложились устойчивые рубрики, появилась практика публичных редакционных поправок, а процедура подтверждения достоверности материала приобрела регулярный характер. В-третьих, смена историко-идеологического контекста – переход от дореволюционного режима публикации исторических источников к их осмыслению в условиях советской историографической среды – стимулировала более явную демонстрацию редакционной позиции и принципов отбора материала: редакция была

вынуждена обозначать идеологические ориентиры публикуемых свидетельств там, где прежде достаточно было указания на происхождение источника

На материале выпусков «Былого» № 5–6 за 1917 год и № 32–33 за 1925 год описаны четыре функции редакционного комментария – информационно-пояснительная, ориентирующая, разграничительная и квалифицирующая – и показано, что различия между выпусками проявляются не только в наборе функций, но и специфике их реализации в структуре номера. В 1917 году комментарий преимущественно локализован рядом с конкретным документом и оформлен краткими атрибутирующими формулами, которые удостоверяют происхождение текста, режим передачи и пределы редакционной ответственности; ориентирующие и квалифицирующие элементы появляются точечно и не образуют самостоятельной рамки чтения. В 1925 году комментарий становится структурным элементом журнального номера как единого содержательно-композиционного комплекса: во вводных и служебных блоках формулируются принципы тематического подбора и интерпретационные ограничения, а разграничительная роль дополняется публичной фиксацией издательской ответственности за точность воспроизведения, что особенно наглядно проявляется в корректирующих сообщениях об исправлениях и вариантах чтения. Тем самым документ предъядается не только как автономный источник, но и как элемент тематически и композиционно организованного выпуска, для которого заранее задаются рамки восприятия. Выявленное перераспределение функций и композиционного размещения комментария подтверждается количественными данными: при сопоставимом доминировании информационно-пояснительной функции (60% в выпуске 1917 года и 62% в выпуске 1925 года) доля комментария, вынесенного в начальные и служебные разделы номера, возрастает с 0% до 38%, а разграничительная функция, отсутствовавшая в выпуске 1917 года, в 1925 году оформляется в самостоятельные редакционные исправления (поправки, уточнения вариантов чтения) (3 формулы, 12%).

Вклад исследования состоит в типологическом описании редакционного комментария как совокупности устойчивых паратекстовых редакционно-издательских действий и выявлении смещения акцента от локального сопровождения отдельного документа к паратекстовой организации номера, где редакционная работа становится частью коммуникативного сообщения. Перспективы дальнейшего анализа связаны с расширением корпуса: включение промежуточных выпусков (1918–1924) позволит установить, на каком этапе складываются устойчивые паратекстовые формулы и когда тематическая организация номера становится редакционным принципом. Кроме того, привлечение для анализа корпуса выпусков 1925–1926 годов даст возможность оценить, успело ли это смещение от локального сопровождения документа к концептуальному оформлению выпуска стать редакционной практикой или было прервано закрытием журнала.

Список литературы

- Акопов А.И. 1996. Аналитические жанры публицистики. Письмо. Корреспонденция. Статья. Ростов-на-Дону, Издательство Института массовых коммуникаций, 88 с.
- Артамонов Д.С., Дыдров А.А., Пеннер Р.В., Тихонова С.В. 2022. Способы медиатизации коллективной памяти в цифровом мире. *Вопросы истории*, 12–1: 114–123. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi15
- Воскресенская М.А. 2022. Историческая информация в современной российской прессе: языки медийной репрезентации. *Медиалингвистика*, 9(4): 288–308. DOI: 10.21638/spbu22.2022.401
- Горячева Е.Д. 2025. Паратекст в координатах прагматики литературно-критического дискурса. *Научная мысль Кавказа*, 1(121): 107–115. DOI: 10.18522/2072-0181-2025-121-107-115
- Ефимова О.В. 2025. Феномен «коллективного автора» в медиасреде. *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 1(56): 46–57. DOI: 10.34680/2411-7951.2025.1(56).46-57
- Колесниченко А.В. 2013. Настольная книга журналиста. Москва, Аспект Пресс, 399 с.

- Костякова Ю.Б. 2020. Передовая статья vs политический комментарий: становление жанров в провинциальной прессе (по материалам газет города Минусинска за 1906–1917 гг.). *Вопросы теории и практики журналистики*, 9(2): 282–299. DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(2).282-299
- Кругликова О.С., Сони́на Е.С. 2020. Специфика вербально-визуального бытования метафоры «окно в Европу» в русской журналистике XIX – начала XX в. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 4: 53–79. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2020.5379
- Медушевская О.М. 1996. Источниковедение: теория, история и метод. Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 79 с.
- Он весь, как Божия гроза: образ Петра I в русской дореволюционной журналистике. 2022. Под ред. А.С. Кругликова. Санкт-Петербург, Алетейя, 562 с.
- Павлова Л.Н. 2009. Редакторский анализ журналистских текстов. *Вестник Якутского государственного университета*, 6(3): 39–44.
- Стеклова Т.И. 2014. Комментарий как речевой жанр и его вариативность. *Жанры речи*, 1–2(9–10): 81–88.
- Тертычный А.А. 2013. Форматирование жанров в периодических печатных средствах массовой информации в России. *Российский гуманитарный журнал*, 2(2): 117–130.
- Ущиповский Ю.В., Кругликова О.С. 2015. Российская историческая журналистика. Москва, Берлин, Директ-Медиа, 2015, 165 с.
- Galey A. 2023. Introduction: Reconsidering Paratext as a Received Concept. *Games and Culture*, 18(6): 708–717. DOI: 10.1177/15554120231184280
- Genette G. 1997. *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Cambridge, Cambridge University Press, 427 p.
- Gray J. 2010. *Show Sold Separately: Promos, Spoilers, and Other Media Paratexts*. New York, New York University Press, 256 p.

References

- Akopov A.I. 1996. Analiticheskie zhanry publitsistiki. Pis'mo. Korrespondentsiya. Stat'ya [Analytical Genres of Journalism. Letter. Correspondence. Article]. Rostov-on-Don, Publ. Izdatel'stvo Instituta massovykh kommunikatsii, 88 p.
- Artamonov D.S., Dydrov A.A., Penner R.V., Tikhonova S.V. 2022. Practices of mediatization of collective memory in the digital world. *Voprosy Istorii*, 12–1: 114–123. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi15
- Voskresenskaya M.A. 2022. Historical information in the modern Russian press: Languages of representation. *Media Linguistics*, 9(4): 288–308 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu22.2022.401
- Goryacheva E.D. 2025. Paratex in the Coordinates of Pragmatics Literary-Critical Discourse. *Naučnââ mysl' Kavkaza*, 1(121): 107–115. DOI: 10.18522/2072-0181-2025-121-107-115
- Efimova O.V. 2025. Collective author phenomenon in media environment. *Memoirs of NovSU*, 1(56): 46–57 (in Russian). DOI: 10.34680/2411-7951.2025.1(56).46-57
- Kolesnichenko A.V. 2013. *Nastol'naya kniga zhurnalista [A Journalist's Handbook]*. Moscow, Publ. Aspekt Press, 399 p.
- Kostyakova Ju.B. 2020. Editorial VS Political Commentary: Establishment of the Genres in Siberian Regional Press (A Case Study of Minusinsk Newspaper Texts in the Period of 1906–1917). *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 9(2): 282–299 (in Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(2).282-299
- Kruglikova O.S., Sonina E.S. 2020. The Specifics of Visual and Textual Existence of the “Window to Europe” Metaphor in Russian Journalism of the 19th–Early 20th Centuries. *Lomonosov journalism journal*, 4: 53–79 (in Russian). DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2020.5379
- Medushevskaya O.M. 1996. Istochnikovedenie: teoriya, istoriya i metod [Source Studies: Theory, History, and Method]. Moscow, Publ. Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 79 p.
- "On ves', kak Bozhiya groza": obraz Petra I v russkoi dorevolyutsionnoi zhurnalistike ["He is like a storm from God": The Image of Peter the Great in Russian Pre-Revolutionary Journalism]. 2022. Ed. A.S. Kruglikov. Saint Petersburg, Publ. Aleteiya, 562 p.
- Pavlova L.N. 2009. An editorial analysis of journalistic texts. *Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6(3): 39–44.
- Steklova T.I. 2014. Comment as a Speech Genre and its Variability. *Speech Genres*, 1–2 (9–10): 81–88 (in Russian).

- Tertychny A.A. 2013. Genre Formatting in Periodic Printed Media of Russia. *Liberal Arts in Russia*, 2(2): 117–130 (in Russian).
- Ushchipovskii Yu.V., Kruglikova O.S. 2015. Rossiiskaya istoricheskaya zhurnalistika [Russian Historical Journalism]. Moscow, Berlin, Publ. Direkt-Media, 165 p.
- Galey A. 2023. Introduction: Reconsidering Paratext as a Received Concept. *Games and Culture*, 18(6): 708–717. DOI: 10.1177/15554120231184280
- Genette G. 1997. Paratexts: Thresholds of Interpretation. Cambridge, Cambridge University Press, 427 p.
- Gray J. 2010. Show Sold Separately: Promos, Spoilers, and Other Media Paratexts. New York, New York University Press, 256 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.02.2026

Поступила после рецензирования 07.05.2026

Принята к публикации 31.05.2026

Received February 04, 2026

Revised May 07, 2026

Accepted May 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ширин Эмиле Решатовна, ассистент кафедры журналистики, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия.

Emile R. Shirin, Assistant at the Department of Journalism, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia.

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

УДК 378.22
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-301-309
EDN LRQIUE

Российская цивилизационная идентичность будущего специалиста по физической культуре: содержание, сущность и структура

¹ Ирхин В.Н., ² Ирхина И.В.

¹Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта
Россия, 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Декабристов, д. 35

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

v_irkhin@list.ru; irhina@bsuedu.ru

Аннотация. В современных условиях важнейшим требованием к будущему специалисту по физической культуре, призванному защищать национальные ценности на международной спортивной арене, развивать национальные виды спорта и народные традиции, является принятие ценностей российской цивилизации, что отражается в российской цивилизационной идентичности (РЦИ). Однако на практике процесс формирования РЦИ затруднен из-за отсутствия чётких представлений о своеобразии рассматриваемого феномена. Несмотря на имеющиеся исследования по данной проблематике, отсутствуют работы, раскрывающие в целостном виде природу РЦИ, как личностного образования будущего специалиста по физической культуре. Цель исследования – **определение** содержания, сущности и структуры РЦИ будущего специалиста по физической культуре. В результате исследования раскрыто содержание РЦИ в контексте деятельности по физической культуре; выявлена сущность изучаемого личностного образования через интеграцию трёх взаимосвязанных измерений: историко-культурного, ценностно-аксиологического и профессионально-деятельностного; определена структура: когнитивный, эмоционально-оценочный, мотивационно-волевой, поведенческий компоненты и три уровня их интеграции.

Ключевые слова: содержание, сущность и структура российской цивилизационной идентичности, будущий специалист по физической культуре

Для цитирования: Ирхин В.Н., Ирхина И.В. 2026. Российская цивилизационная идентичность будущего специалиста по физической культуре: содержание, сущность и структура. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 301–309. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-301-309
EDN: LRQIUE

The Russian Civilizational Identity of the Future Physical Education Specialist: Content, Essence, and Structure

¹ Vladimir N. Irkhin, ² Irina V. Irkhina

¹Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health
35 Dekabristov St., St. Petersburg 190121, Russia

²Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

v_irkhin@list.ru; irhina@bsuedu.ru

Abstract. In modern conditions, the most important requirement for a future specialist in physical culture, designed to protect national values in the international sports arena, to develop national sports and folk

traditions, is the adoption of the values of Russian civilization, which is reflected in the Russian civilizational identity (RCI). However, in practice, the process of forming RCI is difficult due to the lack of clear ideas about the originality of the phenomenon under consideration. Despite the available research on this issue, there are no works that reveal in a holistic form the nature of RCI as a specific identity of a future physical education specialist. The purpose of the study is to determine the content, essence and structure of this identity. The study discloses the content of RCI in the context of physical education activities. The essence of the identity under study has been revealed through the integration of three interconnected dimensions: historical-cultural, value-axiological and professional-activity; the structure has been defined which includes the cognitive, the emotional-assessment, the motivational-volitional, the behavioral components and three levels of their integration.

Keywords: content, essence and structure of Russian civilizational identity, future physical education specialist

For citation: Irkhin V.N., Irkhina I.V. 2026. The Russian Civilizational Identity of the Future Physical Education Specialist: Content, Essence, and Structure. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(2): 301–309 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-301-309 EDN: LRQIUE

Введение

Российская цивилизационная идентичность выступает как основа самоопределения человека в культуре, истории, профессии. А в условиях геополитического напряжения её роль усиливается. В ходе подготовки будущих специалистов по физической культуре и спорту необходимо опираться на традиционные духовно-нравственные ценности, представляющие собой мировоззренческий стержень нашей цивилизации, что отражено в Указе Президента России 2022¹.

В сфере физической культуры и спорта идентичность проявляется через отношение к национальным традициям, телесным практикам, спортивной истории. Формирование идентичности у студентов значимо не только для личностного становления будущего педагога по физической культуре, но и для его профессиональной деятельности, связанной с передачей ценностных ориентиров ученикам.

Одним из маркеров сформированности РЦИ является эмоциональное переживание в связи с выдающимися достижениям соотечественников, в том числе спортивными триумфами, которые в общественном дискурсе часто репрезентируются как цивилизационный успех России.

Однако, как показывают наши исследования [Ирхин, 2025а, 2025б, 2026], проведенные на базе Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта (г. Санкт-Петербург), значительное число учащейся молодежи не ощущает своей принадлежности к спортивным победам россиян, что может свидетельствовать о неустойчивости эмоциональных реакций на элементы национального наследия и показывает недостаточную сопричастность к спортивным символам и героям. Из 221 опрошенных студентов 1–3 курсов очного отделения испытывают сложности в интерпретации общечеловеческих ценностей и достижений мировой цивилизации, культуры с позиции ценностей российской цивилизации 28 респондентов (12,7%), а 107 студентов (48,4%) – затруднились ответить. Данный факт выявляет определенную фрагментарность и поверхностность знаний студентов как отражения когнитивного компонента РЦИ.

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. 2022. Указ Президента России от 09.11.2022 № 809. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S&ysclid=mq7ma4wbnw504218547> (дата обращения: 05.04.2026)

Анализ практики свидетельствует, что в спортивных вузах накоплен богатый опыт гражданско-патриотического воспитания учащейся молодежи: организация торжественных мероприятий, посвященных памятным датам истории страны; проведение с обучающимися конкурсов (плакатов, сочинений, научных работ), уроков мужества (например, встречи с участниками СВО), круглых столов, конференций, лекций, бесед по соответствующим проблемам; посещения выставок; участия в экскурсиях, походах, турнирах, фестивалях, в работе клубов и объединений, волонтерской деятельности гражданско-патриотической направленности; функционирования студенческих газет, сообществ в контексте тематики российской цивилизационной идентичности и др. [Ирхин, 2025а, 2025б]. Однако, как правило, эти мероприятия направлены на ценности патриотизма в его общем понимании и не затрагивают цивилизационный аспект идентичности.

Формирование РЦИ студентов только начинается. Вместе с тем в научной литературе в последние годы создан определенный теоретико-методологический задел. Так, Е.П. Каргаполовым представлены пути цивилизационной идентификации России, показано влияние глобальных и локальных факторов на цивилизационную идентичность России, а также формы русской цивилизационности [Каргаполов, 2020]. Анализ различных подходов к формированию российской цивилизационной идентичности проведен в работе С.Н. Лукаш и К.В. Эповой [2021]. Исследование основ цивилизационной модели идентичности личности осуществлено С.М. Остапенко [2023]. Н.М. Мамедовой [2025] рассмотрены структура и механизмы формирования российской идентичности. А.Ю. Плешаковой [2023] описаны условия и механизмы формирования идеологической и цивилизационной идентичности. В исследовании А.Н. Иохим дано теоретическое обоснование необходимости обеспечения цифрового суверенитета в процессе формирования российской идентичности [Иохим, 2023].

По нашему мнению, РЦИ будущего специалиста по физической культуре – это личностное образование, отражающее отождествление индивидом себя с российской цивилизацией, ее достижениями, со смысложизненными ценностями, выраженными в символах и смыслах отечественной физической культуры и спорта.

Анализ научных исследований позволил обнаружить определенные пробелы и сделать следующие выводы: 1) философские, политологические, психологические и социологические труды, касающиеся РЦИ, не адаптированы к педагогическому контексту, вследствие чего отсутствует понимание того, каким образом положения о РЦИ могут быть применены в педагогической теории и практике; 2) в области педагогики, включая теорию и методику физической культуры, отсутствуют работы, посвященные проблеме формирования РЦИ будущего специалиста по физической культуре.

В сложных геополитических и социокультурных условиях возникла потребность в теоретической разработке целевых, содержательных, процессуально-деятельностных компонентов системы формирования РЦИ будущего специалиста по физической культуре. Однако решение данной проблемы сдерживается существующим в научном познании пробелом о содержательных, сущностных характеристиках и структуре РЦИ будущего специалиста по физической культуре.

В связи с этим цель исследования – определение содержания, сущности и структуры РЦИ будущего специалиста по физической культуре.

Материалы и методы исследования

Методологическую базу исследования составил цивилизационный подход, позволивший рассмотреть российскую цивилизацию как многоэтническую и поликонфессиональную культурно-историческую общность людей, проживающую в **уникальном государстве-цивилизации** на евразийской территории и объединенной общими ценностями, смыслами и исторической судьбой [Кондаков, 2010; Комаровская и др., 2021]. Выбор в качестве теоретической основы исследования философских трудов объясняется

тем, что в них определены общие признаки цивилизационной идентичности [Mead, 1934; Jung, 1964; Рикер, 2008; и др.]. Опора на политологические исследования [Титов, Хаметов, 2019; Ладыгина, 2022; и др.], а также работы социологов [Санина и др., 2014; Герцен и др., 2022], дала возможность рассматривать спорт как инструмент формирования национально-государственной идентичности личности. Приоритетное значение имели труды психологов, заложивших фундаментальные основы для изучения идентичности личности [James, 1890; Ericson, 2013; Jung, 1964]. В исследовании учитывалась позиция ученых, прослеживающих взаимосвязь физической культуры и идентичности человека [Никитушкин и др., 2026], раскрывающих особенности использования цивилизационного подхода в педагогических исследованиях [Комаровская и др., 2021], поднимающих проблему формирования и ресурсов российской идентичности [Махинин и др., 2019].

Методы теоретического анализа и синтеза применялись для систематизации научных представлений о РЦИ будущего специалиста по физической культуре.

Результаты и их обсуждение

Понятие идентичности личности представляет собой междисциплинарную проблему и рассматривается на стыке таких гуманитарных наук, как философия, психология, социология, педагогика и др.

В философии, начиная с античности, делались попытки осмысления сущности исследуемого феномена, в том числе, в контексте взаимосвязи идентичности человека с пространством и временем; во взаимодействии человека с другими людьми; с точки зрения своеобразия и дифференциации от понятий «тождество» и «самосознание»; определены признаки данного понятия и др. понятия [Mead, 1934; Jung, 1964; Рикер, 2008; и др.]. Так, французский философ Поль Рикер осуществил философскую рефлексию идентичности, используя понятие «самость» и выделив четыре ее уровня: лингвистический, практический, повествовательный и этико-юридический [Рикер, 2008]. Философы едины во мнении, что человек не рождается с идентичностью, а она формируется в процессе социализации личности.

В работах Т.В. Беспаловой, В.Н. Расторгуева и др. [Беспалова, Расторгуев, 2017; Федоровская, 2009] исследован патриотизм как форма социокультурной идентификации и проблема воспроизводства русской цивилизационной идентичности в современном российском обществе; определены сущностные характеристики цивилизационной идентичности России; освещена геополитическая и цивилизационная идентичность России и т.д. Принципиальное значение для нашего исследования имеет понимание российской цивилизации как сухопутной цивилизации, государства-цивилизации, отражающей линейный (а не циклический, как в Западной цивилизации) вектор цивилизационного развития, предполагающий историческую преемственность ее современного состояния и предшествующих этапов развития. Вместе с тем предлагаемые философами, в частности И.В. Кондаковым [2010], структуры РЦИ, а именно: 1) менталитет, 2) локалитет; 3) глобалитет, и их сущностно-содержательное наполнение, хотя и дают определенные методологические ориентиры, тем не менее нуждаются в педагогической адаптации и обосновании.

В психологии идентичность трактуется как своеобразный феномен, влияющий на становление личности и ее функционирование в обществе. В этой связи приоритетная роль в понимании идентичности принадлежит психологическим исследованиям, направленным на познание личности и ее особенностей: У. Джеймс [James, 1890] обратил внимание на диалектику в идентичности единства и противоположности своего и чужого, тождественности и соответствия себя и общества; Э. Эриксон [Ericson, 2013] первым выделил стадии и кризисы идентичности; К. Юнг [Jung, 1964] внёс вклад в понимание социальных аспектов идентичности через понятие персоны. В современных исследованиях

отечественных психологов изучены взаимосвязи социальных идентичностей спортсменов (гражданской, религиозной и спортивной) [Кушнирук, 2025].

В социологических исследованиях (С. М. Герцен, Н. Ю. Ожгибесова, О. А. Бабич, И. С. Парахина) [Герцен и др., 2022] идентичность рассматривается как механизм усвоения личностью социальных норм, идеалов и ценностей; как функция, позволяющая личности быть членом социума, удовлетворения потребности влиять на сообщество и одновременно самореализовываться. В работах политологов (О. В. Ладыгина, В. В. Титов, Э. Ш. Хаметов и др.) [Титов, Хаметов, 2019; Ладыгина, 2022] изучаются различные формы социальной идентичности; политическая, гендерная, национальная, этническая и т. д.

В контексте подготовки специалистов в области физической культуры эта категория приобретает дополнительную функциональную нагрузку: она выступает одновременно как личностный ресурс и как педагогический инструмент, определяющий способ профессионального действия в социокультурной среде [Никитушкин и др., 2026]. На основе анализа педагогических исследований [Комаровская и др., 2021; Махинин и др., 2022], раскрывающих особенности использования цивилизационного подхода в сфере педагогики и социально-педагогических аспектов формирования российской идентичности, мы пришли к выводу, что осмысление содержания и сущности РЦИ предполагает выделение её ключевых смысловых измерений и описание структуры, обеспечивающей внутреннюю согласованность и пригодность к педагогическому использованию.

Анализ научных исследований свидетельствует о том, что понятию «российская цивилизационная идентичность» присуща значительная смысловая ёмкость: оно объединяет в себе не только совокупность знаний о культурно-историческом наследии и символах государства, но и сложную систему ценностно-смысловых ориентаций, эмоционально-волевых установок, поведенческих паттернов и профессиональных смыслообразующих стратегий, посредством которых субъект осознаёт и конструирует свою принадлежность к целому. В этой связи сущность РЦИ будущего специалиста в сфере физической культуры и спорта, на наш взгляд, определяется интегративностью трёх взаимосвязанных измерений (пластов): историко-культурного, ценностно-аксиологического и профессионально-деятельностного.

Структура РЦИ

Историко-культурное измерение предполагает наличие у субъекта знаний в сфере культурно-исторической памяти общества, понимания основных смыслов, вех формирования отечественной физкультурно-спортивной традиции и осознания преемственности форм профессиональной практики. Ценностное измерение отражает систему ценностных убеждений¹, в которых совмещаются представления о долге, служении обществу, уважении к коллективным нормам, нравственной ответственности и признании высокой гражданской значимости спорта. Профессионально-деятельностное измерение включает в себя практико-ориентированные представления о роли тренера, педагога и организатора физической культуры и спорта как культурного транзитора – личности, способной не только передавать двигательные навыки, но и формировать у занимающихся ценностное отношение к национальной истории, гражданству и этическим нормам физкультурно-спортивной деятельности.

На основе определения содержания и сущности РЦИ были выделены следующие ее компоненты: когнитивный, эмоционально-оценочный, мотивационно-волевой и поведенческий.

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. 2022. Указ Президента России от 09.11.2022 № 809. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S&ysclid=mq7ma4wbnw504218547> (дата обращения: 05.04.2026)

Когнитивный компонент включает в себя устойчивые знания и представления о культурных кодах, исторических событиях, символах и смыслах нашей цивилизации, их проявлений в области отечественной физической культуры; он формирует интеллектуальную базу, без которой невозможно осознанное принятие и репродукция культурных норм, отражающих сущность российской цивилизации. На наш взгляд, будущие специалисты должны знать, что в спорте (помимо флага, гимна и герба) используются и такие символы российской цивилизации, как «русский хоккей» в хоккее с мячом, «красная машина» в хоккее с шайбой, «русский стиль» в единоборстве и т.д. Кроме того, символами могут выступать выдающиеся спортсмены, тренеры или организаторы спорта, а также национальные спортивные талисманы (например, «олимпийский Мишка», «олимпийский Зайка», «красный свитер сборной СССР» и др.) [Ирхин, 2026].

Эмоционально-оценочный компонент содержит устойчивые эмоциональные реакции на элементы национального наследия, сопричастность к символам и героям, чувство гордости и уважения; этот компонент обеспечивает аффективную связь личности студента с российской цивилизацией.

Мотивационно-волевой компонент проявляется в стремлении реализовать профессиональную миссию в духе служения обществу, готовности к самопожертвованию, дисциплине и преодолению трудностей; он обуславливает устойчивость и активность профессиональных действий.

Наконец, поведенческий компонент включает типичные практические проявления РЦИ в ходе жизнедеятельности и профессиональной деятельности (стиля педагогического взаимодействия, способов организации массовой и воспитательной работы, учета этических норм в отношениях с подопечными и коллегами и т. д.).

Важно подчеркнуть, что структура РЦИ не представляет собой механическую сумму компонентов, а формирует качественно новый уровень личностной организации, обладающий признаками системной регуляции. В таком понимании РЦИ выступает как интегрированная система смыслов и действий, которая позволяет субъекту образовательного (тренировочно-образовательного) процесса адекватно ориентироваться в социокультурном пространстве, выбирать профессионально оправданные решения и реализовывать воспитательные намерения в соответствии с российскими национальными ценностями. Это системное качество проявляется в устойчивости ценностной базы, гибкости адаптационных стратегий и способности к рефлексивному осмыслению собственной роли в культуре.

Заключение

Анализ философской, политологической, социологической, психологической и педагогической литературы позволил высветить научные пробелы и сформулировать проблему разработки содержательных, сущностных характеристик и структуры РЦИ будущего специалиста по физической культуре.

В ходе исследования понятие РЦИ будущего специалиста по физической культуре и спорту было определено как личностное образование, отражающее отождествление индивидом себя с российской цивилизацией, ее достижениями, со смысложизненными ценностями, выраженными в символах и смыслах отечественной физической культуры и спорта. В работе выявлены и обоснованы структурные компоненты РЦИ будущих специалистов в сфере физической культуры: когнитивный, эмоционально-оценочный, мотивационно-волевой и поведенческий. Сущность РЦИ была раскрыта в трёх измерениях: историко-культурном, ценностно-аксиологическом и профессионально-деятельностном.

Выдвинутые теоретические посылы создают основу для практической реализации в образовательном процессе вуза идеи формирования российской цивилизационной идентичности будущего специалиста по физической культуре, разработки соответствующей образовательной системы и технологии.

Список литературы

- Беспалова Т.В., Расторгуев В.Н. 2017. Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе. Москва, Издательство Институт наследия, 224 с.
- Герцен С.М., Ожгибесова Н.Ю., Бабич О.А., Парахина И.С. 2022. Формирование национальной идентичности в системе ценностных ориентаций молодежи в условиях популяризации спорта в России. *Мир науки. Педагогика и психология*, 10(4): URL: <https://mir-nauki.com/PDF/46PDMN422.pdf> (дата обращения: 05.04. 2026)
- Ирхин В.Н. 2025а. Формирование российской цивилизационной идентичности выпускников спортивных вузов средствами педагогического стимулирования. В кн.: Пыж В.В., Ашкинази С.М., Бойко С.В. [и др.] Перспективы развития парадигмы гуманитарного образования как системы формирования нравственных идеалов и гражданской позиции выпускников физкультурно-спортивного вуза. Под ред. В.В. Пыжа. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет: 182–202.
- Ирхин В.Н. 2025б. Формирование российской цивилизационной идентичности будущих специалистов по физической культуре и спорту как социально-педагогическая проблема. В кн.: Профессиональное образование в сфере физической культуры и спорта: проблемы и перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 19 июня 2025 г.). Санкт-Петербург, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта: 6–10.
- Ирхин В.Н. 2026. Самооценка будущими специалистами в сфере физической культуры отношения к ценностям российской цивилизации. *Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта*, 2(252): 5–11.
- Каргаполов Е.П. 2020. Цивилизационная идентичность России: проблемы и решения. *Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*, 4 (1): 61–69.
- Комаровская Е.П., Васьков И.Е., Боровикова Я.В. 2021. Цивилизационный подход в историко-педагогических исследованиях проблем высшего образования. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования*, 3: 38–41.
- Кондаков И.В. 2010. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы. В кн.: Вопросы социальной теории. Т. 4: Человек в поисках идентичности. Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. Москва, Междисциплинарное общество социальной теории: 282–304.
- Кушнирук А.В. 2025. Взаимосвязь социальных идентичностей и эффективности в профессиональном спорте. Резюме дисс... канд. психол. наук. Москва, 46 с.
- Ладыгина О.В. 2022. Спорт как средство формирования национальной идентичности у молодежи. В кн.: Инновационный потенциал молодежи: спорт, культура, образование. Сборник научных трудов. Под ред. А.В. Пономарёва, Н.В. Поповой. Екатеринбург, Издательство Уральского университета: 36–42.
- Лукаш С.Н., Эпоева К.В. 2021. Социально-педагогические аспекты российской цивилизационной идентичности. *KANT*: 272-275.
- Мамедова Н.М. 2025. Российская идентичность: социокультурный контекст. *Век глобализации*: 167-176.
- Махинин А.Н., Шакурова М.В., Остапенко В.С. 2022. Российская идентичность сегодня: проблемы и ресурсы формирования (социально-педагогический контекст). Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет, 188 с.
- Никитушкин В.Г., Чесноков Н.Н., Чернышева Е.Н. 2026. Теория и методика физического воспитания. Оздоровительные технологии. Москва, Издательство Юрайт, 279 с.
- Остапенко С.М. 2023. Цивилизационная парадигма России и становление культурной идентичности личности. *NOMOTNETIKA. Философия. Социология. Право*, 48 (3): 591-602.
- Плешакова А.Ю. 2023. Формирование идеологической и цивилизационной идентичности в национальной системе образования России. *Современная высшая школа: инновационный аспект*, 15, 4 (62): 97-105.
- Рикер П. 2008. Я – сам как другой. Пер. с фр. Б.М. Скуратова. Под ред. И.С. Вдовиной. Москва, Издательство гуманитарной литературы, 416 с.
- Санина А.Г., Козлова А.А., Триголос О.В., 2014. Влияние Олимпийских игр в Сочи на формирование государственной идентичности молодых россиян: результаты эмпирического исследования. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3(121): 130–145. DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.09

- Титов В.В., Хаметов Э.Ш. 2019. Спорт как инструмент формирования национально-государственной идентичности. *Социально-гуманитарные знания*, 3: 214–221.
- Федоровская М.Ю. 2009. Спорт как социокультурное явление современности и его ведущие функции. *Социодинамика*, 5: 1–14. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.5.29550
- Ericson E.H. 2013. *Identity: Youth and Crisis*. New York, W. W. Norton & Company, 336 p.
- James W. 1890. *The principles of psychology*. New York, Holt, 194 p.
- Mead G. 1934. *Mind, Self, and Society*. United States of America: The University of Chicago Press: 173–178.
- Mead Ge.H. 1934. *Mind, Self, and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago, University of Chicago Press, 178 p.
- Jung C.G. 1964. *Man and his symbols*. London, Aldus Books in association with W.H. Allen, 320 p.

References

- Bespalova T.V., Rastorguev V.N. 2017. Patriotizm i russkaya tsivilizatsionnaya identichnost' v sovremennom rossiiskom obshchestve [Patriotism and Russian Civilizational Identity in Contemporary Russian Society]. Moscow, Publ. Izdatel'stvo Institut naslediya, 224 p. (in Russian).
- Gertsen S.M., Ozhgibesova N.Yu., Babich O.A., Parakhina I.S. 2022. National identity developing in the system of value orientations of youth under conditions of sport popularization in Russia. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 10(4) (in Russian). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/46PDMN422.pdf> (accessed: 05.04. 2026)
- Irkhin V.N. 2025a. Formirovanie rossiiskoi tsivilizatsionnoi identichnosti vypusknikov sportivnykh vuzov sredstvami pedagogicheskogo stimulirovaniya [Formation of the Russian Civilizational Identity of Graduates of Sports Universities by Means of Pedagogical Incentives]. In: Pyzh V.V., Ashkinazi S.M., Boiko S.V. [i dr.] *Perspektivy razvitiya paradigmy gumanitarnogo obrazovaniya kak sistemy formirovaniya нравstvennykh idealov i grazhdanskoi pozitsii vypusknikov fizkul'turno-sportivnogo vuza* [Prospects for the Development of the Humanitarian Education Paradigm as a System for Forming Moral Ideals and Civic Position of Graduates of Physical Education and Sports Universities]. Ed. V.V. Pyzh. St. Petersburg, Publ. Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet: 182–202. (in Russian).
- Irkhin V.N. 2025b. Formirovanie rossiiskoi tsivilizatsionnoi identichnosti budushchikh spetsialistov po fizicheskoi kul'ture i sportu kak sotsial'no-pedagogicheskaya problema [Formation of the Russian Civilizational Identity of Future Specialists in Physical Culture and Sports as a Socio-Pedagogical Problem]. In: *Professional'noe obrazovanie v sfere fizicheskoi kul'tury i sporta: problemy i perspektivy razvitiya* [Professional Education in the Field of Physical Culture and Sports: Problems and Prospects of Development]. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Saint Petersburg, June 19, 2025). St. Petersburg, Publ. Natsional'nyi gosudarstvennyi universitet fizicheskoi kul'tury, sporta i zdorov'ya im. P.F. Lesgafta: 6–10. (in Russian).
- Irkhin V.N. 2026. Self-assessment of Russian civilizational values by future specialists in physical culture. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*, 2(252): 5–11 (in Russian).
- Kargapolov, E.P. 2020. Russia's Civilizational Identity: Challenges and Solutions. *Bulletin of Kemerovo State University. Ser.: Humanities and Social Sciences*, 4 (1): 61-69. (in Russian).
- Komarovskaya E.P., Vaskov I.E., Borovikova Ya.V. 2021. Civilizational Approach in Historical and Pedagogical Research of Problems of Higher Education. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*, 3: 38–41 (in Russian).
- Kondakov I.V. 2010. Russia's civilizational identity: essence, structure, and mechanisms. In: *Voprosy sotsial'noi teorii* [Issues of Social Theory] . Vol. 4: *Chelovek v poiskakh identichnosti* [Man in Search of Identity]. Ed. Yu.M. Reznik, M.V. Tlostanova. Moscow, Publ. Mezhdistsiplinarnoe obshchestvo sotsial'noi teorii: 282–304. (in Russian).
- Kushniruk A. V. 2025. *Vzaimosvyaz' sotsial'nykh identichnostei i ehffektivnosti v professional'nom sporte* [The relationship between social identities and effectiveness in professional sports]. Summary dis. ... Cand. Psychology. Sciences. Moscow, 46 p. (in Russian).
- Ladygina O.V. 2022. Sport as a Tool for Formation of National Identity Among Young People. In: *Innovative Potential of Youth: Sport, Culture, Education*. Collection of Scientific Papers. Eds. A.V. Ponomarev, N.V. Popova. Ekaterinburg, Publ. Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta: 36–42.
- Lukash S.N., Epoeva K.V. 2021. Social and Pedagogical Aspects of Russian Civilizational Identity. *KANT*: 272-275. (in Russian).

- Mammadova N.M. 2025. Russian identity: socio-cultural context. *The Age of Globalization*: 167–176 (in Russia).
- Makhinin A.N., Shakurova M.V., Ostapenko V.S. 2022. Rossiiskaya identichnost' segodnya: problemy i resursy formirovaniya (sotsial'no-pedagogicheskii kontekst) [Russian identity today: problems and resources of formation (socio-pedagogical context)]. Voronezh, Publ. Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 188 p. (in Russia).
- Nikitushkin V.G., Chesnokov N.N., Chernysheva E.N. 2026. Teoriya i metodika fizicheskogo vospitaniya. Ozdorovitel'nye tekhnologii [Theory and Methods of Physical Education]. Moscow, Publ. Izdatel'stvo Yurait, 279 p. (in Russia).
- Ostapenko S.M. 2023. The civilizational paradigm of Russia and the formation of a person's cultural identity. *NOMOTHETIKA. Philosophy. Sociology. Pravoe*, 48 (3): 591-602. (in Russia).
- Pleshakova A.Y. 2023. Formation of ideological and civilizational identity in the national education system of Russia. *Modern higher education: an innovative aspect*, 15, 4 (62): 97-105. (in Russia).
- Riker P. 2008. Ya-sam kak drugoi [I Am Like Another]. Transl. from French B.M. Skuratov. Ed. I.S. Vdovina. Moscow, Publ. Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 416 p. (Riccœur P. 1990. *Soi-meme comme un autre*. Editions du Seuil) (in Russia).
- Sanina A., Kozlova A., Trigolos O. 2014. The Impact of Olympic Winter Games in Sochi on the Development of State Identity of the Russian Youth: Evidence From Empirical Study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3(121): 130–145 (in Russia). DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.09 (in Russia).
- Titov V.V., Khametov E. Sh. 2019. Sport as a tool of formation of national-state identity. *Social and Humanitarian Knowledge*, 3: 214–221 (in Russia).
- Fedorovskaya M.Yu. 2009. Sport kak sotsiokul'turnoe yavlenie sovremennosti i ego vedushchie funktsii [Sport as a sociocultural phenomenon of modern times and its leading functions]. *Sotsiodinamika*, 5: 1–14. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.5.29550 (in English).
- Ericson E.H. 2013. *Identity: Youth and Crisis*. New York, W.W. Norton & Company, 336 p. (in Russia).
- James W. 1890. *The principles of psychology*. New York, Holt, 194 p.
- Mead Ge.H. 1934. *Mind, Self, and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago, University of Chicago Press, 178 p. (in English).
- Jung C.G. 1964. *Man and his symbols*. London, Aldus Books in association with W.H. Allen, 320 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.05.2026

Поступила после рецензирования 09.06.2026

Принята к публикации 11.06.2026

Received Received May 15, 2026

Revised June 09, 2026

Accepted June 11, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ирхин Владимир Николаевич, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, г. Санкт-Петербург, Россия.

Vladimir N. Irkhin, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy, Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St. Petersburg, Russia.

Ирхина Ирина Витальевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Irina V. Irkhina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 378.147:811.111
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-310-322
EDN OVIAHJ

Teaching English Academic Writing to Non-Linguistic Undergraduates: The BelSU Case

Elena V. Kaliuzhnaya, Larisa V. Tsurikova, Svetlana I. Tarasova
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
kaludgnaya@bsuedu.ru, Tsurikova@bsuedu.ru, tarasova_s@bsuedu.ru

Abstract. Non-linguistic undergraduates need English to read international literature, take part in international projects and present research results; therefore, English academic writing becomes a necessary component of their training. The relevance of the study is determined by insufficient academic writing skills and the need for teaching methods that combine genre and process approaches. The purpose of the study is to substantiate, on the basis of the BelSU case, a transferable six-stage model for developing English academic writing competences and supporting students' earlier entry into research communication. A qualitative pedagogical-analytical study was carried out. The empirical basis was the BelSU two-step trajectory: a course in academic writing in Russian followed by a cross-curricular elective in English academic writing for non-linguistic programmes. The main difficulties are insufficient knowledge of academic genres, weak source-use skills and separation between language training and disciplinary content. The proposed model includes diagnosis, genre modelling, lexical-grammatical scaffolding, drafting with feedback, source work with academic integrity, and disciplinary integration. This trajectory gave students experience in finding, citing and formatting foreign sources and mastering the structure of a research article; by the end of the third year, they prepared publication-oriented texts for a local foreign-language journal. English academic writing should be treated as academic literacy and a way of entering professional discourse communities. The novelty of the BelSU case lies in linking Russian-language preparation, English academic writing and publication-oriented results; further verification requires quantitative indicators of participation, publication readiness, source-use quality and error dynamics.

Keywords: academic writing, English for Academic Purposes, non-linguistic university, academic literacies, genre approach, process approach, disciplinary integration, BelSU

For citation: Kaliuzhnaya E.V., Tsurikova L.V., Tarasova S.I. 2026. Teaching English Academic Writing to Non-Linguistic Undergraduates: The BelSU Case. *Issues in Journalism Education, Linguistics*, 45(2): 310–322. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-310-322 EDN: OVIAHJ

Обучение академическому письму на английском языке студентов неязыковых направлений: кейс БелГУ

Калюжная Е.В., Цурикова Л.В., Тарасова С.И.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85
kaludgnaya@bsuedu.ru; Tsurikova@bsuedu.ru; tarasova_s@bsuedu.ru

Аннотация. Студентам неязыковых направлений необходимо читать зарубежные научные труды, участвовать в международных проектах и представлять результаты исследований; поэтому академическое письмо на английском языке становится необходимым компонентом их подготовки. Актуальность работы обусловлена недостаточной сформированностью таких навыков и потребностью в методиках, объединяющих жанровый и процессный подходы. Цель исследования –

обосновать на материале кейса БелГУ адаптируемую шестиступенчатую модель формирования компетенций академического письма на английском языке, обеспечивающую более раннее включение студентов в исследовательскую коммуникацию. Проведено качественное педагогико-аналитическое исследование; эмпирическую основу составила двухступенчатая траектория БелГУ: курс академического письма на русском языке и сквозной электив по академическому письму на английском языке для неязыковых направлений. Основные трудности связаны с недостаточным знанием академических жанров, слабыми навыками работы с источниками и разрывом между языковой подготовкой и профильными дисциплинами. Предложенная модель включает диагностику, жанровое моделирование, лексико-грамматическую поддержку, поэтапное письмо с обратной связью, работу с источниками и дисциплинарную интеграцию. Показано, что траектория формирует опыт поиска, цитирования и оформления зарубежных источников и освоения структуры научной статьи; к окончанию третьего курса студенты подготовили публикационно-ориентированные тексты для локального журнала на иностранном языке. Академическое письмо следует рассматривать как форму академической грамотности и способ включения в профессиональное дискурсивное сообщество. Новизна кейса БелГУ заключается в соединении русскоязычной подготовки, англоязычного академического письма и публикационно-ориентированного результата; дальнейшая проверка модели требует количественных показателей участия, публикационной готовности текстов, качества работы с источниками и динамики ошибок.

Ключевые слова: академическое письмо, English for Academic Purposes, неязыковой университет, академическая грамотность, жанровый подход, процессный подход, дисциплинарная интеграция, БелГУ

Для цитирования: Kaliuzhnaya E.V., Tsurikova L.V., Tarasova S.I. 2026. Teaching English Academic Writing to Non-Linguistic Undergraduates: The BelSU Case. *Issues in Journalism Education, Linguistics*, 45(2): 310–322. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-310-322 EDN: OVIAHJ

Introduction

English for Academic Purposes (EAP) has moved from the periphery of language education to the centre of contemporary higher education policy. In a university where students are expected to read international literature, take part in exchange programmes, prepare conference papers and communicate with specialists from other countries, the ability to produce a coherent written text in English is not an optional competence. It is one of the conditions of academic participation. This is especially relevant for non-linguistic programmes, where English is normally taught within a limited number of classroom hours and has to serve several aims at once: general communication, professional communication, reading, presentation skills and academic writing. The difficulty of the task is that academic writing cannot be reduced to the correction of grammar mistakes. A grammatically accurate paragraph may still fail as an academic text if it has no clear purpose, does not correspond to a recognisable genre, uses sources mechanically or does not build an argument. Conversely, a student with intermediate language proficiency may become a more effective academic writer if instruction helps him or her understand how academic discourse functions, how claims are supported, how textual authority is created and how disciplinary knowledge is organised in writing [Lea, Street, 1998; Hyland, 2006; Lillis, Scott, 2007].

The BelSU case is significant because it reflects a typical situation in Russian higher education. Students of economics, management, natural sciences, engineering, social sciences and other non-philological fields need English for academic purposes but do not receive the same linguistic training as students majoring in languages. Their writing experience is often fragmented. They may translate sentences, write short answers, prepare presentations or complete grammar exercises, but they rarely pass through the full cycle of academic writing: reading sources, extracting information, making notes, planning, drafting, revising, editing and reflecting on feedback. The course designer must therefore connect language instruction with the real academic actions that students perform in the university.

The relevance of the present study is determined by the internationalisation of university education, the expansion of publication and conference requirements, and the methodological need to adapt EAP research to the conditions of Russian non-linguistic universities, where time, proficiency and institutional resources are limited. Current studies describe EAP needs, genre and process approaches, academic literacies and the introduction of academic writing into Russian higher education [Lea, Street, 1998; Hyland, 2006; Lillis, Scott, 2007; Morozova, Melnikov, 2020; Korotkina, 2021]. However, less attention has been given to an institutional sequence that combines preliminary Russian-language academic writing, English source-based writing and publication-oriented outcomes for non-linguistic undergraduates; this gap determines the focus of the present study.

The purpose of the study is to substantiate, on the basis of the BelSU cross-curricular elective case, a transferable six-stage model for developing English academic writing competences in non-linguistic undergraduate programmes that supports students' earlier entry into research communication. The model is constructed after identifying typical difficulties in students' academic writing: insufficient genre awareness, weak source-use skills, limited academic vocabulary, insufficient cohesion, absence of multi-stage drafting habits and separation between language instruction and disciplinary content. The scientific novelty of the paper lies in the analytical interpretation of a sequential BelSU solution: a preliminary Academic Writing course in Russian followed by a cross-curricular elective in academic writing in a foreign language, implemented across most non-linguistic fields of study. Unlike a single language-skills module, this trajectory connects genre knowledge, source-based writing, academic integrity and disciplinary topics, and leads students towards publication-oriented writing by the end of the third undergraduate year. The practical significance consists in the possibility of using the proposed model for syllabi, classroom tasks, assessment criteria, methodological support and publication-preparation routes for students in non-linguistic programmes.

Theoretical basis of the study

The theoretical basis of academic writing instruction is formed by several complementary traditions. The first is English for Academic Purposes. EAP studies language as a tool for participation in academic contexts and pays attention to the tasks, genres, lexis and rhetorical conventions that learners need in a particular institutional setting [Hyland, Hamp-Lyons, 2002; Hyland, 2006]. In this perspective, a writing course begins not with a universal list of grammar topics but with an analysis of learner needs and target situations. For non-linguistic students, these situations include reading discipline-related articles, writing summaries, preparing reports, formulating research questions and using sources ethically.

The second tradition is genre analysis. J.M. Swales [Swales, 1990] showed that academic genres are organised by communicative purposes and by the expectations of discourse communities. This idea is crucial for undergraduate instruction because students often believe that all academic texts are written according to one abstract rule. In reality, an abstract, a summary, a literature review paragraph, a case analysis, a laboratory report, a problem-solution essay and a research introduction perform different tasks and therefore have different structures. Genre instruction helps students see not only what a text looks like but why it is organised in that way.

The third theoretical foundation is the academic literacies approach, developed in higher-education writing studies by M.R. Lea and B.V. Street and later expanded by T. Lillis and M. Scott [Lea, Street, 1998; Lillis, Scott, 2007]. It broadens the concept of writing by showing that student texts are connected with knowledge-making, identity, institutional expectations and conventions of legitimacy. This approach is especially relevant for non-linguistic students. Their difficulties are not always caused by insufficient English. They may be uncertain about what counts as evidence, how much personal opinion is acceptable, how to evaluate sources, or how to signal caution when making a claim. Academic literacies therefore require teachers to make hidden expectations visible.

The fourth component is the process-genre approach. Product-oriented teaching asks students to submit a final text and then evaluates the number of errors. Process-oriented teaching introduces planning, drafting, feedback and revision. Genre-oriented teaching gives students models and rhetorical tools. The combination of these approaches allows teachers to develop both awareness of text conventions and control over writing procedures [Badger, White, 2000; Wingate, 2012]. For non-linguistic undergraduates, this combination is more realistic than a purely theoretical course in rhetoric or a purely grammatical course in English.

Finally, linguistic scaffolding remains an indispensable element of EAP. Students need academic vocabulary, formulaic sequences, cohesive devices, reporting verbs, hedging expressions and the grammar of complex noun phrases [Biber et al., 1999; Coxhead, 2000]. However, these elements should not be taught as isolated lists. They must be connected with communicative purposes: defining concepts, comparing positions, presenting data, reporting previous research, expressing limitations and drawing conclusions. In this sense, language work serves academic action.

Materials and methods

The study is qualitative and analytical in nature. Its empirical basis is the BelSU teaching case, understood as a local pedagogical situation in which academic writing in a foreign language is taught to non-philological undergraduates through a sequential curricular trajectory. The case involved non-linguistic undergraduate programmes of Belgorod State National Research University, including students from economics, management, natural sciences, engineering, social sciences and related fields. The trajectory included two connected components: first, a preliminary course in academic writing in Russian, and second, a cross-curricular elective in academic writing in a foreign language introduced across most areas of training. The observed educational trajectory covered the period before completion of the third undergraduate year, when students prepared publication-oriented texts for a local foreign-language journal. The article treats this case not as a controlled experiment but as a source of pedagogical evidence that can be interpreted in the light of EAP scholarship and adapted to similar institutional contexts.

Because the available institutional documentation did not aggregate all cohorts into one statistically stable experimental sample, the present article does not artificially report a single local N or achievement percentage. Instead, it specifies observable outcome indicators of the BelSU case: the sequence of training, the publication-oriented task after the third year, the use of foreign sources, citation and reference-list practice, mastery of article structure and formats, and development of academic lexical-syntactic patterns. At the next stage of the project, these indicators should be operationalised quantitatively through the number of participants, the percentage of students who reach a publication-ready level, and the dynamics of error reduction and source-use quality across drafts.

The first method used in the study is theoretical analysis. It made it possible to relate the BelSU material to the main concepts of EAP, genre pedagogy, process writing, academic literacies and interdisciplinary language education. This step was necessary because a local course cannot be improved only by adding more exercises; it requires a conceptual framework explaining what academic writing is and what competences it includes.

The second method is content analysis of typical academic tasks. The tasks considered include summaries, abstracts, essay paragraphs, reports, literature-based responses, short research introductions, presentation scripts and exam-oriented written answers. These tasks were grouped according to their communicative purpose, expected structure, use of sources and degree of disciplinary relevance. The analysis revealed that many writing assignments in non-linguistic programmes are hybrid: they combine elements of translation, retelling, opinion writing and academic reporting without clear genre boundaries.

The third method is case-study interpretation. It allowed the BelSU situation to be reconstructed as a transferable problem rather than as an isolated institutional episode. The

interpretation took into account typical constraints of Russian higher education: heterogeneous English proficiency, limited contact hours, large groups, strong assessment traditions, and the need to coordinate language courses with the content of major disciplines [Ibatova, 2020; Shpit, Kurovskii, 2020].

The fourth method is pedagogical modelling. On the basis of the identified difficulties, a six-stage model of academic writing instruction was developed. The model does not describe a single lesson plan. It describes the logic of a course: diagnosis, genre awareness, language support, staged writing, source work and disciplinary integration. Each stage includes a specific instructional aim, classroom practices and expected learning outcomes.

Results and discussion

The analysis of the BelSU case made it possible to identify a stable set of difficulties that prevent non-linguistic undergraduates from developing effective academic writing skills in English. These difficulties are systemic. They arise not only from students' language proficiency but also from the way writing has traditionally been taught and assessed.

The first difficulty is the reduction of writing to linguistic correctness. Students often believe that a good English text is a text without grammar mistakes. Teachers, especially under conditions of limited time, may also focus on vocabulary and grammar because they are visible and easy to correct. As a result, the deeper properties of academic writing remain underdeveloped: purpose, audience, argument, evidence, paragraph logic and genre. This explains why some students produce texts that are formally correct but rhetorically weak. A course in academic writing must therefore expand assessment criteria. Accuracy should be evaluated together with structure, coherence, source use and adequacy to the task.

The second difficulty is genre uncertainty. Many students do not clearly distinguish between a summary and an abstract, an opinion essay and a problem-solution essay, a report and a literature-based analysis. They may write one long paragraph instead of an introduction, body and conclusion; they may include personal evaluation in a summary; or they may copy the structure of a Russian-language school essay when preparing an English academic task. Genre uncertainty is not a minor problem because genres organise expectations. If students do not know the genre, they cannot make appropriate decisions about content, order, style or citation [Swales, 1990; Nesi, Gardner, 2012].

The third difficulty concerns source-based writing. Non-linguistic students frequently work with English sources through translation. They may copy fragments, translate them literally, replace a few words or combine several passages without building their own authorial position. Such writing is not always intentional plagiarism. It often reflects the absence of training in note-taking, paraphrasing, summarising and reporting. Students need explicit instruction in how to separate their own voice from the voice of the source, how to use reporting verbs, how to introduce evidence and how to compile a reference list [Swales, Feak, 2012; Dobrynina, 2019].

The fourth difficulty is insufficient academic vocabulary and weak cohesion. Even when students know everyday English, they may not have the lexical means to define a concept, describe a tendency, compare theoretical positions, indicate cause and effect, or express a cautious conclusion. They may use short simple sentences and repeat the same verbs, which makes the text sound informal and fragmented. Academic vocabulary lists and corpora are useful, but they should be transformed into functional classroom tools: phrases for establishing a research gap, comparing findings, stating limitations, describing methodology and drawing implications [Biber et al., 1999; Coxhead, 2000].

The fifth difficulty is the absence of a multi-stage writing culture. Many students view writing as a one-time act: they write a text, submit it and receive a grade. Planning, drafting, peer review and revision are often perceived as unnecessary additional work. However, academic writing is iterative by nature. Strong texts are normally produced through several stages of decision-making. If students are not taught to revise, teacher comments remain external criticism

rather than a tool for development. Therefore, the course should institutionalise drafting: at least some assignments must require an outline, a first draft, feedback and a revised version [Badger, White, 2000; Nation, 2007].

The sixth difficulty is the gap between language instruction and disciplinary content. When students of management or biology write about general topics that have little connection with their field, they may complete the task mechanically. By contrast, writing becomes meaningful when it is connected with disciplinary problems, professional cases or research questions. Disciplinary integration does not mean that language teachers must become subject specialists. It means that they select topics, genres and sources in cooperation with major departments whenever possible [Flowerdew, Peacock, 2001; Basherov et al., 2024]. Recent evidence also supports this conclusion: task-based writing courses for non-English majors show stronger results when writing tasks imitate authentic academic and professional purposes rather than isolated grammatical exercises [Kang et al., 2024].

The specificity of the BelSU case is therefore not merely the use of a standard EAP module. The novelty consists in a sequential and cross-curricular implementation: a preliminary Academic Writing course in Russian was followed by an elective in academic writing in a foreign language introduced across most non-linguistic directions. This sequence reduced the cognitive load of immediate transition to English-language research writing: students first clarified the logic of academic article structure, argumentation, citation and research ethics in Russian, and then transferred these actions into English.

The publication-oriented outcome of this trajectory is especially important for early entry into science. By the end of the third undergraduate year, students had experience of preparing texts for a local foreign-language journal whose formal requirements were intentionally approximated to those of international scholarly journals: title, abstract, keywords, introduction, source review, methods or case description, results, discussion, conclusion and references. The course therefore developed not only linguistic accuracy but also the practical research actions required for publication: searching for foreign sources, selecting relevant literature, integrating quotations and paraphrases, formatting citations and references, and mastering the lexical-syntactic patterns of academic and scientific written style.

The comparative value of this local case can be clarified through recent studies. X. Kang, S. Kotchaisit and P. Nilnopkoon [Kang et al., 2024] report an intervention with 40 first-year non-English major students at Xi'an University: the course was implemented through eight lesson plans over 32 instructional hours, and writing scores increased from $M = 39.98$ to $M = 43.95$ out of 60 points (from 66.6% to 73.3% of the maximum score, a gain of 6.6 percentage points; $p = 0.001$), while overall satisfaction reached $M = 4.43$ on a five-point scale. B.B. Lumines [Lumines, 2025], in a 2025 qualitative study of 15 non-English major undergraduates, shows that planning, monitoring, revising, elaboration and self-evaluation are associated with better coherence and clarity, although grammatical and cohesion problems remain persistent. These findings support the BelSU assumption that students enter research communication faster and more effectively when academic writing competences are developed already during undergraduate training, especially at the first stages of research socialisation.

On the basis of these findings and the BelSU publication-oriented trajectory, the article proposes a six-stage model of teaching English academic writing to non-linguistic undergraduates. The model is cumulative and cyclical: each stage prepares the next one, but source work, feedback and disciplinary integration return at every new genre and at every new research task.

Stage 1 is diagnostic writing and needs analysis. At the beginning of the course, students complete a short written task related to their field of study. For example, they may summarise a short text, explain a professional concept, or respond to a research-based question. The teacher analyses not only grammar and vocabulary but also task interpretation, paragraphing, coherence, use of evidence and ability to formulate a claim. The results help identify groups of students who need additional support and help the teacher choose the most relevant genres for the course [Hyland, 2006].

Stage 2 is genre modelling. Students work with model texts and learn to identify their communicative purpose, macrostructure and typical language features. A useful classroom procedure includes three steps: first, students read a model and discuss what the writer is trying to achieve; second, they mark rhetorical moves; third, they create a genre checklist. For an abstract, the checklist may include background, purpose, methods, results and conclusion. For a problem-solution essay, it may include problem definition, causes, possible solutions, evaluation and final recommendation. Such modelling gives students a visible map of the text.

Stage 3 is lexical and grammatical scaffolding. At this stage, the teacher introduces the language that students need for the genre. If students are writing a literature-based paragraph, they practise reporting verbs such as argue, demonstrate, suggest, indicate and emphasise. If they are comparing theories, they practise contrastive connectors and comparative structures. If they are describing results, they work with cautious claims and passive constructions. Scaffolding is effective when it is immediately followed by guided output: students use the phrases in their own sentences and receive feedback on appropriateness, not only on correctness [Swain, 1985; Nation, 2007].

Stage 4 is step-by-step writing with feedback. A substantial assignment should be divided into several smaller actions: understanding the task, collecting ideas, preparing an outline, writing the first draft, receiving peer feedback, revising, editing and submitting the final version. Peer review should not be general. Students need a checklist that directs attention to genre, thesis statement, paragraph unity, evidence, citation and language. Teacher feedback should also be selective. If every error is marked, students may become passive. If feedback focuses on two or three priorities, revision becomes manageable.

Stage 5 is source work and academic integrity. This stage is central for university writing. Students should learn to locate relevant sources, distinguish between reliable and unreliable materials, extract key ideas, make notes without copying, paraphrase, summarise and cite. In the BelSU elective, this stage was directly connected with publication-oriented tasks: students searched for recent foreign sources, selected literature for their disciplinary topic, practised in-text citation and reference-list formatting, and compared the formal requirements of the local foreign-language journal with the requirements typical of international journals. A practical sequence may begin with one source and later move to two or three sources. At the first level, students write a source summary. At the second level, they compare two positions. At the third level, they use several sources to support their own argument. This gradual movement prevents compilation and develops authorial voice.

Stage 6 is disciplinary and interdisciplinary integration. At this stage, the writing course becomes connected with the students' academic specialisation. The teacher may invite students to choose a topic from their major, use a short article recommended by a subject lecturer, or write a mini-report related to a current professional problem. Assessment criteria should include both academic writing features and disciplinary relevance. For the BelSU case, this stage is represented by the transition from classroom genres to student articles after the third year, when the learners apply source work, article structure and academic style conventions in texts that are closer to real research communication. This stage is important because transfer does not happen automatically. Students may write a good classroom essay but fail to use the same skills in a course paper unless the connection is made explicit [Bruce, 2008; Basherov et al., 2024].

Assessment in the proposed model must be transparent. A rubric may include five blocks: task achievement and genre, structure and coherence, use of sources, academic language, and accuracy. Each block can be evaluated on a scale from basic to advanced. Such a rubric helps students understand that academic writing is multidimensional. It also protects the teacher from reducing assessment to grammatical error counting. In addition, students can use the same rubric before submission, which turns assessment into a learning instrument.

Feedback is another key element of the model. In many university courses, feedback is given only after the final version has been graded. This practice has limited pedagogical value because

students cannot use the comments to improve the same text. A feedback-rich course should provide comments during the writing process. Peer feedback is useful for developing reader awareness, while teacher feedback is necessary for genre, argument and language accuracy. Digital tools may support this process, but they cannot replace explicit criteria and classroom discussion.

The proposed model also changes the role of reading. In an EAP course, reading is not only a receptive skill. It is preparation for writing. Students read model texts to observe genre features, read sources to collect evidence, read their peers' drafts to develop evaluative judgement and read their own drafts to revise. This integration of reading and writing reflects the way academic communication works in real disciplinary contexts [Johns, 1997; Hyland, 2006].

An important issue is the heterogeneity of student proficiency. Non-linguistic groups often include learners with very different levels of English. The model responds to this problem through scaffolding and differentiated outcomes. All students may analyse the same model text, but stronger students can produce a more independent argument, while weaker students can work with sentence frames and guided paragraphs. The aim is not to lower standards but to provide routes by which students can gradually approach academic performance.

The model can be implemented within different course formats. In a one-semester module, the teacher may focus on a limited set of genres: summary, abstract, literature-based paragraph and short report. In a two-semester course, students may also write a problem-solution essay, an annotated bibliography and a mini-research introduction. If classroom hours are very limited, some stages can be partly moved to independent work, but the logic of diagnosis, modelling, drafting and revision should remain visible.

Institutional conditions are also significant. Academic writing cannot be developed successfully if it is treated only as an individual teacher's enthusiasm. Departments should recognise writing as a cross-curricular competence and as a mechanism of early research socialisation. The BelSU case shows that the effect becomes more visible when academic writing is built into a sequence: first through Russian-language academic writing, then through foreign-language academic writing, and finally through publication-oriented student texts. Language teachers need access to discipline-related materials, while subject specialists need to understand what kind of writing support students receive in English classes. The BelSU case therefore points to a broader institutional conclusion: the development of EAP requires coordinated curricular design, not only methodological innovation [Morozova, Melnikov, 2020; Korotkina, 2021; Kang et al., 2024].

There are, however, limitations to the proposed model. It is based on qualitative interpretation and pedagogical modelling rather than on a completed statistical measurement of all BelSU cohorts. This limitation is important because the next stage of research should report the exact number of participants, the duration of the intervention for each cohort, the percentage of students who prepare publication-ready texts, and the percentage improvement in source use, genre structure, coherence and error reduction. Further research may include classroom experimentation, analysis of student drafts before and after instruction, interviews with students and teachers, and comparison of writing tasks across different non-linguistic programmes. Such research would make it possible to evaluate which elements of the model have the strongest effect on student writing development.

Despite these limitations, the model has practical value because it translates international EAP theory into a sequence of teachable and institutionally visible actions. It shows how the abstract concepts of genre, academic literacy, process writing, source-based writing and disciplinary integration can become classroom procedures and publication-oriented practices. The model also respects the realities of Russian higher education: limited contact hours, mixed proficiency, examination pressure and the need to combine general English with professional English (See Table).

Six-stage model of academic writing instruction
 Шестиступенчатая модель обучения академическому письму

Stage	Instructional aim	Classroom instruments	Expected result
1. Diagnosis	Identify language, genre and source-use needs	Short field-related task, teacher analysis, learner profile	Individual and group priorities are visible
2. Genre modelling	Make rhetorical structure explicit	Model texts, move analysis, genre checklist	Students understand purpose and text organisation
3. Scaffolding	Provide functional academic language	Academic lexis, reporting verbs, hedging, cohesion	Students use language for academic action
4. Drafting	Develop process writing habits	Outline, first draft, peer review, teacher comments, revision	Writing becomes iterative and controlled
5. Source work	Form academic integrity and authorial voice	Note-taking, summary, paraphrase, citation, reference list	Students integrate sources ethically
6. Integration	Connect writing with the major discipline	Discipline-related topics, subject texts, joint criteria	Writing transfers to professional communication

Conclusions

The study allows several conclusions to be drawn. First, English academic writing in a non-linguistic university should be understood as a form of academic literacy. It includes language accuracy, but it also includes genre awareness, argumentation, source use, textual cohesion, stance and revision. Therefore, teaching writing only through grammar exercises or final-product correction is insufficient.

Second, the difficulties experienced by non-linguistic undergraduates are systemic. They are connected with students' previous writing experience, the hidden conventions of academic discourse, limited vocabulary, weak source work and the separation of language classes from disciplinary content. These difficulties require an integrated pedagogical response rather than separate corrective exercises.

Third, the BelSU case can be reconstructed as a model of course design with a clearly specified institutional novelty. The proposed six-stage model includes diagnostic writing and needs analysis, genre modelling, lexical and grammatical scaffolding, step-by-step drafting with feedback, source-based writing and academic integrity, and disciplinary integration; however, its distinctive feature is the two-step trajectory from academic writing in Russian to academic writing in a foreign language across most non-linguistic programmes. The model can be adapted to different majors, course lengths and student proficiency levels, especially when the final tasks are linked with real research genres and publication requirements.

Fourth, early development of foreign-language academic writing competences can accelerate students' entry into scientific communication. In the BelSU trajectory, the main own result was a publication-oriented sequence of student work: learners searched for foreign sources, selected and cited relevant literature, prepared reference lists, mastered article structure and used academic lexical-syntactic patterns in texts for a local foreign-language journal by the end of the third undergraduate year. This result confirms that the proposed two-step trajectory shifts academic writing from an auxiliary language exercise to a controlled mechanism of early research socialisation.

Fifth, academic writing instruction should be supported institutionally. Cooperation between language teachers and subject specialists, transparent assessment criteria, appropriate materials and recognition of writing as a university-wide competence are necessary conditions for sustainable development. In this sense, the teaching of English academic writing is not only a language-teaching issue but also a matter of educational quality and research capacity building.

Thus, teaching English academic writing to non-linguistic undergraduates should be organised as purposeful induction into academic and professional discourse communities. When students understand how texts work, why sources are used, how arguments are structured and how revision improves meaning, writing becomes not a peripheral exercise but a tool of learning and research communication. The immediate practical recommendation is to embed academic writing competences earlier in undergraduate curricula and to evaluate them not only by grammar accuracy but also by genre control, quality of source use, revision dynamics and readiness for publication-oriented research communication.

References

- Badger R., White G. 2000. A process genre approach to teaching writing. *ELT Journal*, 54(2):153–160. DOI: 10.1093/elt/54.2.153
- Basherov O.I., Sachkova E.V., Kardovich I.K., Baryshnikova O.V. 2024. Integration of the English language into the professional training of students of non-linguistic specialties: an interdisciplinary approach. *Education Management Review*, 14(2–1): 205–214 (in Russian). DOI: 10.25726/r6263-8293-7031-b
- Belyaeva E.G. 2022. Methodological model of teaching academic writing to undergraduate students. *Focus on Language Education and Research*, 3(1): 36–51 (in Russian). DOI: 10.35213/2686-7516-2022-3-1-36-51
- Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. 1999. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow, Longman, 1204 p.
- Bruce I. 2008. *Academic Writing and Genre: A Systematic Analysis*. London, Continuum, 194 p.
- Butler D.B., Trosclair E., Zhou Y., Wei M. 2014. Student and Teacher Perceptions of Academic English Writing in Russia. *The Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes*, 2(2): 203–227. DOI: 10.2139/ssrn.2735380
- Coxhead A. 2000. A New Academic Word List. *TESOL Quarterly*, 34(2): 213–238. DOI: 10.2307/3587951
- Dobrynina O.L. 2019. Academic writing for research publication purposes. *Lifelong education the XXI century*, 1(25): 92–100 (in Russian). DOI: 10.15393/j5.art.2019.4485
- Flowerdew J., Peacock M. 2001. *Research Perspectives on English for Academic Purposes*. Cambridge, Cambridge University Press, 484 p. DOI: 10.1017/CBO9781139524766
- Hyland K. 2006. *English for Academic Purposes*. London, Routledge, 356 p.
- Hyland K., Hamp-Lyons L. 2002. EAP: Issues and directions. *Journal of English for Academic Purposes*, 1(1): 1–12. DOI: 10.1016/S1475-1585(02)00002-4
- Ibatova A.Z. 2020. Teaching academic writing of students-bachelors of a non-language university. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 9(1(30)): 126–128 (in Russian). DOI: 10.26140/anip-2020-0901-0075
- "Inostrannyi yazyk" dlya neyazykovykh vuzov i fakul'tetov [Approximate syllabus for the discipline "Foreign Language" for non-linguistic higher education institutions and faculties]. 2009. Primernaya programma. Moscow, 24 p. URL: <https://www.fgosvo.ru/uploadfiles/ppd/20110329000911.pdf> (accessed: April 15, 2026).
- Johns A.M. 1997. *Text, Role and Context: Developing Academic Literacies*. Cambridge, Cambridge University Press, 171 p. DOI: 10.1017/CBO9781139524650
- Kang X., Kotchasi S., Nilnopkoon P. 2024. Developing College English Writing Course by Using Length Approach Combined with Task-based Learning to Enhance Writing Skills of Non-English Major Students in Xi'an University. *International Journal of Sociologies and Anthropologies Science Reviews*, 4(6): 417–428. DOI: 10.60027/ijrsar.2024.4932
- Korotkina I. 2021. Academic Writing in Russia Beyond Zero Point. In: *Emerging Writing Research from the Russian Federation*. Ed. L.A. Squires. Fort Collins, CO, The WAC Clearinghouse; Boulder, CO, University Press of Colorado: 17–50. DOI: 10.37514/INT-B.2021.1428.2.01

- Lea M.R., Street B.V. 1998. Student writing in higher education: an academic literacies approach. *Studies in Higher Education*, 23(2): 157–172. DOI: 10.1080/03075079812331380364
- Lillis T.M., Scott M. 2007. Defining Academic Literacies Research: Issues of Epistemology, Ideology and Strategy. *Journal of Applied Linguistics*, 4, 5–32. DOI: 10.1558/japl.v4i1.5
- Lumines B.B. 2025. Cognitive Writing Strategies and Error Patterns in Academic Research Writing among Non-English Major Undergraduates. *TPM – Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*, 32(3-September): 76–82. URL: <https://tpmap.org/submission/index.php/tpm/article/view/1760> (accessed: May 25, 2026).
- Morozova M.A., Melnikov M.V. 2020. The Relevance of Introducing the Practice of Academic Writing in the Content of Language Courses of a Non-Linguistic University. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 1(4(69)): 151–163.
- Nation P. 2007. The Four Strands. *Innovation in Language Learning and Teaching*, 1(1): 2–13. DOI: 10.2167/illt039.0
- Nesi H., Gardner S., Chapelle C.A., Hunston S. 2012. Genres across the Disciplines: Student Writing in Higher Education. Cambridge, Cambridge University Press, 288 p.
- Shpit E.I., Kurovskiy V.N. 2020. Academic Writing in English in the Structure of Higher Education in Russia. *Higher Education in Russia*, 29(2): 83–91. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-83-91
- Swain M. 1985. Communicative competence: Some roles of comprehensible input and comprehensible output in its development. In: *Input in Second Language Acquisition*. Eds. S. Gass, C. Madden. Rowley, MA, Newbury House: 235–253.
- Swales J.M. 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press, 260 p.
- Swales J.M., Feak C.B. 2012. *Academic Writing for Graduate Students. 3rd Edition: Essential Tasks and Skills*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 418 p.
- Wingate U. 2012. Using Academic Literacies and genre-based models for academic writing instruction: a “literacy” journey. *Journal of English for Academic Purposes*, 11(1): 26–37. DOI: 10.1016/j.jeap.2011.11.006

Список литературы

- Badger R., White G. 2000. A process genre approach to teaching writing. *ELT Journal*, 54(2): 153–160. DOI: 10.1093/elt/54.2.153
- Башеров О.И., Сачкова Е.В., Кардович И.К., Барышникова О.В. 2024. Интеграция английского языка в профессиональную подготовку студентов неязыковых специальностей: междисциплинарный подход. *Управление образованием: теория и практика*, 14(2–1): 205–214. DOI: 10.25726/r6263-8293-7031-b
- Belyaeva E.G. 2022. Methodological model of teaching academic writing to undergraduate students. *Focus on Language Education and Research*, 3(1): 36–51 (in Russian). DOI: 10.35213/2686-7516-2022-3-1-36-51
- Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. 1999. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow, Longman, 1204 p.
- Bruce I. 2008. *Academic Writing and Genre: A Systematic Analysis*. London, Continuum, 194 p.
- Butler D.B., Trosclair E., Zhou Y., Wei M. 2014. Student and Teacher Perceptions of Academic English Writing in Russia. *The Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes*, 2(2): 203–227. DOI: 10.2139/ssrn.2735380
- Coxhead A. 2000. A New Academic Word List. *TESOL Quarterly*, 34(2): 213–238. DOI: 10.2307/3587951
- Добрынина О.Л. 2019. Академическое письмо для научно-публикационных целей. *Непрерывное образование: XXI век*, (25): 92–100 (In Russian). DOI: 10.15393/j5.art.2019.4485
- Flowerdew J., Peacock M. 2001. *Research Perspectives on English for Academic Purposes*. Cambridge, Cambridge University Press, 484 p. DOI: 10.1017/CBO9781139524766
- Hyland K. 2006. *English for Academic Purposes*. London, Routledge, 356 p.
- Hyland K., Hamp-Lyons L. 2002. EAP: Issues and directions. *Journal of English for Academic Purposes*, 1(1): 1–12. DOI: 10.1016/S1475-1585(02)00002-4
- Ибатова А.З. 2020. Обучение академическому письму студентов-бакалавров неязыкового вуза. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 9(1(30)): 126–128. DOI: 10.26140/anip-2020-0901-0075

- "Иностранный язык" для неязыковых вузов и факультетов. Примерная программа. 2009. Москва, 24 с. URL: <https://www.fgosvo.ru/uploadfiles/ppd/20110329000911.pdf> (accessed: April 15, 2026).
- Johns A.M. 1997. *Text, Role and Context: Developing Academic Literacies*. Cambridge, Cambridge University Press, 171 p. DOI: 10.1017/CBO9781139524650
- Kang X., Kotchasit S., Nilnopkoon P. 2024. Developing College English Writing Course by Using Length Approach Combined with Task-based Learning to Enhance Writing Skills of Non-English Major Students in Xi'an University. *International Journal of Sociologies and Anthropologies Science Reviews*, 4(6): 417–428. DOI: 10.60027/ijasar.2024.4932
- Korotkina I. 2021. Academic Writing in Russia Beyond Zero Point. In: *Emerging Writing Research from the Russian Federation*. Ed. L.A. Squires. Fort Collins, CO, The WAC Clearinghouse; Boulder, CO, University Press of Colorado: 17–50. DOI: 10.37514/INT-B.2021.1428.2.01
- Lea M.R., Street B.V. 1998. Student writing in higher education: an academic literacies approach. *Studies in Higher Education*, 23(2): 157–172. DOI: 10.1080/03075079812331380364
- Lillis T.M., Scott M. 2007. Defining Academic Literacies Research: Issues of Epistemology, Ideology and Strategy. *Journal of Applied Linguistics*, 4, 5–32. DOI: 10.1558/japl.v4i1.5
- Lumines B.B. 2025. Cognitive Writing Strategies and Error Patterns in Academic Research Writing among Non-English Major Undergraduates. *TPM – Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*, 32(3-September): 76–82. URL: <https://tpmap.org/submission/index.php/tpm/article/view/1760> (accessed: May 25, 2026).
- Морозова М.А., Мельников М.В. 2020. Актуальность введения практики академического письма в содержание курсов языковых дисциплин неязыкового вуза. *Отечественная и зарубежная педагогика*, 1(4(69)): 151–163.
- Nation P. 2007. The Four Strands. *Innovation in Language Learning and Teaching*, 1(1): 2–13. DOI: 10.2167/illt039.0
- Nesi H., Gardner S., Chapelle C.A., Hunston S. 2012. *Genres across the Disciplines: Student Writing in Higher Education*. Cambridge, Cambridge University Press, 288 p.
- Шпит Е.И., Куровский В.Н. 2020. Англоязычное академическое письмо в структуре отечественного высшего образования. *Высшее образование в России*, 29(2): 83–91. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-83-91
- Swain M. 1985. Communicative competence: Some roles of comprehensible input and comprehensible output in its development. In: *Input in Second Language Acquisition*. Eds. S. Gass, C. Madden. Rowley, MA, Newbury House: 235–253.
- Swales J.M. 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press, 260 p.
- Swales J.M., Feak C.B. 2012. *Academic Writing for Graduate Students*. 3rd Edition: Essential Tasks and Skills. Ann Arbor, University of Michigan Press, 418 p.
- Wingate U. 2012. Using Academic Literacies and genre-based models for academic writing instruction: a "literacy" journey. *Journal of English for Academic Purposes*, 11(1): 26–37. DOI: 10.1016/j.jeap.2011.11.006

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.05.2026

Received May 13, 2026

Поступила после рецензирования 02.06.2026

Revised June 02, 2026

Принята к публикации 03.06.2026

Accepted June 03, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Калюжная Елена Вячеславовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Elena V. Kaliuzhnaya, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Цурикова Лариса Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Larisa V. Tsurikova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Тарасова Светлана Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Svetlana I. Tarasova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 37.048.45
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-323-329
EDN QNHWME

Структурно-функциональная модель педагогического мониторинга осознанного выбора профессии обучающимися психолого-педагогических классов

Старинская А.Р.

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
Россия, 236041, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14
AStarinskaya1@kantiana.ru

Аннотация. Психолого-педагогические классы (далее – ППК) рассматриваются в современной образовательной политике как эффективный механизм ранней подготовки педагогических кадров. Однако традиционные критерии эффективности ППК (доля поступивших в педагогические вузы, средний балл ЕГЭ) фиксируют лишь внешние показатели и не отражают качества профессионального самоопределения. Целью исследования является разработка и теоретическое обоснование структурно-функциональной модели педагогического мониторинга как инструмента сопровождения осознанного выбора профессии обучающимися психолого-педагогических классов. Исследование опирается на системно-деятельностный (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев), субъектный (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская) и личностно-ориентированный (Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков) подходы. Используются методы теоретического анализа, моделирования и типологизации. В результате исследования уточнено понятие осознанного выбора профессии, выделены пять его критериев (устойчивость, аргументированность, реалистичность, согласованность с индивидуальными особенностями, рефлексивная осознанность) и пять типов препятствующих ему дефицитов (информационный, мотивационный, рефлексивный, волевой, идентификационный). Разработана структурно-функциональная модель педагогического мониторинга, включающая четыре блока (представлены в таблице), четыре этапа и типологию выпускников («осознанный продолжатель», «колеблющийся», «случайный», «переопределившийся»). Полученные результаты вносят вклад в теорию профессионального самоопределения, предлагая теоретически обоснованный инструмент для преодоления формализма в профориентационной работе.

Ключевые слова: психолого-педагогический класс, профессиональное самоопределение, осознанный выбор профессии, педагогический мониторинг, дефициты осознанности

Для цитирования: Старинская А.Р. 2026. Структурно-функциональная модель педагогического мониторинга осознанного выбора профессии обучающимися психолого-педагогических классов. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 323–329. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-323-329 EDN: QNHWME

Structural and Functional Model for Pedagogical Monitoring of Professional Self-Determination of Students of Psychological and Pedagogical Classes

Anna R. Starinskaya

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 Aleksandr Nevsky St., Kaliningrad 236041, Russia
AStarinskaya1@kantiana.ru

Abstract. Psychological and pedagogical classes are considered in modern educational policy as an effective mechanism for early training of teaching staff. However, the traditional criteria for the

effectiveness of the psychological and pedagogical classes (the proportion of students enrolled in pedagogical universities, the average score of the Unified State Exam) record only external indicators and do not reflect the quality of professional self-determination. The purpose of this study is to develop and theoretically substantiate a structural and functional model of pedagogical monitoring as a tool to support the conscious choice of profession by students of psychological and pedagogical classes. The research is based on system-activity (L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev), subjective approach (S.L. Rubinstein, K.A. Abulkhanova-Slavskaya) and personality-oriented (E.V. Bondarevskaya, V.V. Serikov) approach. The methods of theoretical analysis, modeling and typologization are used. As a result of the research, the concept of conscious choice of profession has been clarified, five criteria have been identified (stability, reasonableness, realism, consistency with individual characteristics, reflexive awareness) and five types of deficits that hinder it (informational, motivational, reflexive, volitional, identification). A structural and functional model of pedagogical monitoring has been developed, which includes four blocks, four stages and a typology of graduates ("conscious follower", "hesitant", "accidental", "redefined"). The results obtained contribute to the theory of professional self-determination, offering a theoretically sound tool for overcoming formalism in career guidance.

Keywords: psychological and pedagogical class, professional self-determination, informed career choice, pedagogical monitoring, awareness deficits

For citation: Starinskaya A.R. 2026. Structural and Functional Model for Pedagogical Monitoring of Professional Self-Determination of Students of Psychological and Pedagogical Classes. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(2): 323–329 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-323-329 EDN: QNHWME

Введение

Психолого-педагогические классы (ППК) рассматриваются в современной образовательной политике России как эффективный механизм ранней подготовки педагогических кадров. Согласно данным Минпросвещения РФ, по состоянию на конец 2025 года в стране действовало свыше 8,8 тыс профильных психолого-педагогических классов (групп), в которых обучались почти 130 тысяч человек¹. Предполагается, что ППК способствуют формированию у старшеклассников устойчивый интерес к педагогической деятельности и готовность к осознанному выбору профессионального пути [Скахина, 2024; Болотова, 2025].

Однако анализ практики выявляет серьезное противоречие. Традиционные критерии эффективности ППК, принятые в управленческой практике, ориентированы преимущественно на внешние, количественные показатели: долю выпускников, поступивших в педагогические вузы, средний балл ЕГЭ [Чистякова и др., 2016; Бочаров, Гаврилюк, 2023]. Эти показатели не отражают качества профессионального самоопределения. Эмпирические исследования фиксируют случаи, когда формально успешные выпускники ППК уже на первом курсе педагогического вуза переживают разочарование и теряют мотивацию [Гаврутенко, Максимова, 2022; Евдокарлова, 2025].

Таким образом, налицо разрыв между потребностью системы образования в валидной оценке качества работы ППК, фиксирующей внутреннюю осознанность выбора, и отсутствием теоретически обоснованного инструментария для такой оценки.

В зарубежной науке фундаментальное значение имеют типологическая теория Дж. Холланда [Holland, 1997] и теория профессионального развития Д. Сьюпера [Savickas, 2013]. Современные исследования акцентируют роль карьерной адаптивности [Schellenberg et al., 2022] и поддерживающих факторов [Lohbeck, Frenzel, 2022]. В отечественной науке проблему разрабатывали Е.А. Климов [2007], Н.С. Пряжников [2008], Э.Ф. Зеер [2003]. Значительный вклад внесла С.Н. Силина [2002], предложив концепцию

¹ МГППУ. Концепция подготовки педагогических кадров : [сайт]. URL: <https://mgppu.ru/news/17332> (дата обращения: 16.04.2026).

профессиографического мониторинга. Анализ литературы показывает, что целостная концепция мониторинга профессионального самоопределения применительно к ППК до настоящего времени не разработана.

Цель исследования – разработать и теоретически обосновать структурно-функциональную модель педагогического мониторинга как инструмента сопровождения осознанного выбора профессии обучающимися психолого-педагогических классов. Задачи исследования: уточнить понятие и критерии осознанного выбора профессии; выявить типы дефицитов, препятствующих осознанному выбору; представить четырехблочную модель мониторинга с описанием этапов и прогностических профилей выпускников.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют три подхода. Системно-деятельностный подход (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин) позволил рассматривать профессиональное самоопределение как процесс решения задач в системе образовательной деятельности. Субъектный подход (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский) обеспечил фокус на становлении субъектной позиции ученика как активного автора выбора. Личностно-ориентированный подход (Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков, И.С. Якиманская) задал приоритет индивидуальным особенностям и смыслам обучающегося.

Решение поставленных задач осуществлялось с помощью комплекса теоретических методов. Теоретический анализ и обобщение научной литературы проводились с целью уточнения понятийного аппарата. Поиск литературы осуществлялся в базах данных eLibrary.ru, CyberLeninka и Научной электронной библиотеки диссертаций. Глубина поиска составила 10 лет (2016–2026 гг.), приоритет отдавался публикациям последних 3 лет. Для ретроспективного анализа использовались труды Е.А. Климова, Н.С. Пряжникова и Э.Ф. Зеера.

Моделирование применялось для разработки структурно-функциональной модели педагогического мониторинга. Систематизация и типологизация позволили выделить пять типов дефицитов осознанности и описать четыре прогностических профиля выпускников. Важное уточнение: данное исследование является теоретическим, поэтому количественные данные о распространенности дефицитов не приводятся. Их эмпирическая верификация – перспектива следующего этапа работы.

Результаты исследования

В результате теоретического анализа было уточнено понятие осознанного выбора профессии применительно к обучающимся ППК: это интегративное качество личности, проявляющееся в способности на основе глубокого самопознания, объективной информированности и понимания личностных смыслов самостоятельно, ответственно и рефлексивно совершить выбор.

Выделены пять критериев осознанного выбора: 1) устойчивость (сохранение профессионального ядра на протяжении обучения); 2) аргументированность (способность развернуто обосновать выбор, включая знание трудностей профессии); 3) реалистичность (адекватные представления о содержании труда и наличие «плана Б»); 4) согласованность с индивидуальными особенностями; 5) рефлексивная осознанность (понимание мотивов своего выбора и готовность к ответственности).

На основе анализа литературы выделены пять типов дефицитов, препятствующих формированию осознанного выбора:

1. Информационный дефицит – незнание или искаженное знание содержания профессии.

2. Мотивационный дефицит – доминирование внешних мотивов (давление родителей, престиж) над внутренними.

3. Рефлексивный дефицит – неспособность оценить свои сильные и слабые стороны применительно к профессии.

4. Волевой дефицит – неготовность к преодолению трудностей, отсутствие «плана Б».

5. Идентификационный дефицит – рассогласование образа «Я» и образа профессии.

Важно сообщить тот факт, что выделенные дефициты являются теоретически обоснованными конструктами, их эмпирическая верификация запланирована на следующих этапах исследования.

Для выявления и коррекции этих дефицитов разработана структурно-функциональная модель педагогического мониторинга. Модель включает четыре блока (см. таблицу).

Структурно-функциональная модель педагогического мониторинга
 Structural and Functional Model of Pedagogical Monitoring

Блок модели	Компоненты и содержание
1. Концептуально-целевой	<ul style="list-style-type: none"> • Цель: педагогическое сопровождение осознанного выбора профессии. • Задачи: диагностика, коррекция дефицитов, прогнозирование. • Принципы: систематичность, пролонгированность, единство диагностики и коррекции.
2. Структурно-содержательный	<ul style="list-style-type: none"> • Когнитивный компонент: знания о профессии и о себе. • Личностный компонент: мотивы, интересы, ценности. • Деятельностный компонент: опыт проб, рефлексия, планирование.
3. Процессуально-технологический	<ul style="list-style-type: none"> • Подготовительный этап (10 кл.): входная диагностика. • Основной этап (10–11 кл.): диагностические срезы, коррекционные программы по 5 типам дефицитов. • Итоговый этап (11 кл.): итоговая диагностика, построение профилей, прогнозирование (построение профиля (типа) выпускника). • Аналитический этап (после ППК): отсроченный мониторинг (сбор данных о поступлении, адаптации, сохранности контингента).
4. Результативно-оценочный	<ul style="list-style-type: none"> • Типы выпускников: «осознанный продолжатель» (характеризуется устойчивым интересом и внутренней мотивацией), «колеблющийся» (требует дополнительного сопровождения), «случайный» (демонстрирует выбор, обусловленный внешними факторами), «переопределившийся» (осознанно отказался от педагогической профессии, что рассматривается как успешное самоопределение). • Критерии эффективности: динамика осознанности, снижение дефицитов, сохранность контингента.

Разработанная модель принципиально отличается от эпизодической диагностики пролонгированностью (весь период обучения плюс отсроченный этап), систематичностью (плановые срезы) и неразрывной связью диагностики и коррекции.

Заключение

Проведенное теоретическое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, уточнено понятие «осознанный выбор профессии» применительно к обучающимся ППК как интегративное качество личности, включающее способность к самостоятельному, ответственному и рефлексивному выбору.

Во-вторых, выделены пять критериев осознанности (устойчивость, аргументированность, реалистичность, согласованность с индивидуальными особенностями, рефлексивная осознанность) и пять типов препятствующих дефицитов (информационный, мотивационный, рефлексивный, волевой, идентификационный). Это создает эмпирическую основу для адресной коррекционной работы.

В-третьих, основной результат исследования – разработанная и теоретически обоснованная структурно-функциональная модель педагогического мониторинга, включающая четыре блока (концептуально-целевой, структурно-содержательный, процессуально-технологический, результативно-оценочный) и четыре этапа реализации.

В-четвертых, предложена типология выпускников ППК («осознанный продолжатель», «колеблющийся», «случайный», «переопределившийся»), позволяющая перейти от формальной оценки доли поступивших к содержательной оценке качества самоопределения.

В-пятых, предлагаемая модель отличается от эпизодической диагностики пролонгированностью, систематичностью и неразрывной связью диагностики и коррекции.

Перспективы исследования включают операционализацию критериев осознанности, разработку валидного диагностического инструментария, эмпирическую верификацию выделенных типов дефицитов, апробацию коррекционных программ и проведение отсроченного мониторинга сохранности контингента выпускников ППК в педагогических вузах.

Благодарности: автор выражает глубокую благодарность научному руководителю, доктору педагогических наук, профессору Н.В. Самсоновой за ценные консультации, поддержку и помощь в определении методологических ориентиров исследования.

Acknowledgements: The author expresses her deep gratitude to their research supervisor, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor N.V. Samsonova, for valuable advice, support, and assistance in defining the methodological framework of the study.

Список литературы

- Болотова Е.Л. 2025. Научно-методическое сопровождение профильных психолого-педагогических классов: актуальность проблемы и направления ее решения в современных условиях (из опыта Московского педагогического государственного университета). *Наука и школа*, 1–1: 89–99. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-1-1-89-99
- Бочаров В.Ю., Гаврилюк Т.В. 2023. Образовательные траектории как основание типологии студентов российских вузов. *Социальное пространство*, 9(3). DOI: 10.15838/sa.2023.3.39.9
- Гаврутенко Т.В., Максимова С.Е. 2022. Наставничество будущих учителей как механизм развития профессионального самосознания учащихся психолого-педагогических классов. *Наука и школа*, 3: 86–93. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-3-86-93
- Евдокорова Т.В. 2025. Психолого-педагогический класс как инструмент профессиональной ориентации обучающихся: региональный аспект. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия*, 3(39): 12–20. DOI: 10.25587/2587-5604-2025-3-12-20
- Зеер Э.Ф. 2003. Психология профессий. Москва, Академический Проект; Екатеринбург, Деловая книга, 329 с.
- Климов Е.А. 2007. Психология профессионального самоопределения. Москва, Академия, 301 с.
- Пряжников Н.С. 2008. Профессиональное самоопределение: теория и практика. Москва, Академия, 320 с.

- Силина С.Н. 2002. Профессиографический мониторинг становления специалиста в образовательном процессе педагогического вуза. Дис. ... докт. педагог. наук. Екатеринбург, 500 с.
- Скахина П.Н. 2024. Педагогическое сопровождение профессионального самоопределения обучающихся психолого-педагогических классов. *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*, 59: 11–17. DOI: 10.37386/2413-4481-2024-2-11-17
- Чистякова С.Н., Родичев Н.Ф., Сергеев И.С. 2016. Критерии и показатели готовности обучающихся к профессиональному самоопределению. *Профессиональное образование. Столица*, 8: 10–16.
- Holland J.L. 1997. Making vocational choices: A theory of vocational personalities and work environments. Odessa, FL, Psychological Assessment Resources, 303 p.
- Lohbeck A., Frenzel A.C. 2022. Latent motivation profiles for choosing teaching as a career: How are they linked to self-concept concerning teaching subjects and emotions during teacher education training? *British journal of educational psychology*, 92(1): 37–58. DOI: 10.1111/bjep.12437
- Savickas M.L. 2013. Career Construction Theory and Practice. In: Brown S.D., Lent R.W. Career Development and Counseling: Putting Theory and Research to Work. John Wiley & Sons: 147–183.
- Schellenberg C., Steinebach C., Krauss A. 2022. Empower peers 4 careers: Positive peer culture to prepare adolescents' career choices. *Frontiers in Psychology*, 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.806103

References

- Bolotova E.L. 2025. Academic and methodological support of specialized psychological and pedagogical classes: the relevance of the problem and the directions of its solution in modern conditions (from the experience of Moscow Pedagogical State University). *Nauka i shkola*, 1–1: 89–99. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-1-1-89-99
- Bocharov V.Yu., Gavrilyuk T.V. 2023. Educational Trajectories as a Basis for the Typology of Russian University Students. *Social area*, 9(3) (in Russian). DOI: 10.15838/sa.2023.3.39.9
- Gavrutenko T.V., Maksimova S.E. 2022. Mentoring of future teachers as a professional self-awareness development mechanism of students of psychological and pedagogical classes. *Nauka i shkola*, 3: 86–93. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-3-86-93
- Evdokarova T.V. 2025. Psychological and pedagogical class as a tool for professional orientation of students: regional aspect. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy*, 3(39): 12–20 (in Russian). DOI: 10.25587/2587-5604-2025-3-12-20
- Zeer Eh.F. 2003. Psikhologiya professii [Psychology of Professions]. Moscow, Publ. Akademicheskii Proekt; Ekaterinburg, Publ. Delovaya kniga, 329 p.
- Klimov E.A. 2007. Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya [Psychology of professional self-determination]. Moscow, Publ. Akademiya, 301 p.
- Pryazhnikov N.S. 2008. Professional'noe samoopredelenie: teoriya i praktika [Professional self-determination: theory and practice]. Moscow, Publ. Akademiya, 320 p.
- Silina S.N. 2002. Profессиографический мониторинг становления специалиста в образовательном процессе педагогического вуза [Professional monitoring of specialist development in the educational process of a pedagogical university]. Dis. ... Doct. Pedagog. Sciences. Ekaterinburg, Publ. 500 p.
- Skakhina P.N. Pedagogical Support of Professional Self-Determination of Schoolchildren Attending Advanced Psychological And Pedagogical Classes. *Vestnik of Altai state pedagogical university*, 2: 11–17 (in Russian). DOI: 10.37386/2413-4481-2024-2-11-17
- Chistyakova S.N., Rodichev N.F., Sergeev I.S. 2016. Criteria and indicators of students' readiness for professional self-determination. *Professional'noe obrazovanie. Stolitsa*, 8: 10–16.
- Holland J.L. 1997. Making vocational choices: A theory of vocational personalities and work environments. Odessa, FL, Psychological Assessment Resources, 303 p.
- Lohbeck A., Frenzel A.C. 2022. Latent motivation profiles for choosing teaching as a career: How are they linked to self-concept concerning teaching subjects and emotions during teacher education training? *British journal of educational psychology*, 92(1): 37–58. DOI: 10.1111/bjep.12437
- Savickas M.L. 2013. Career Construction Theory and Practice. In: Brown S.D., Lent R.W. Career Development and Counseling: Putting Theory and Research to Work. John Wiley & Sons: 147–183.
- Schellenberg C., Steinebach C., Krauss A. 2022. Empower peers 4 careers: Positive peer culture to prepare adolescents' career choices. *Frontiers in Psychology*, 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.806103

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 16.04.2026
Поступила после рецензирования 07.05.2026
Принята к публикации 11.06.2026

Received April 16, 2026
Revised May 07, 2026
Accepted June 11, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Старинская Анна Романовна, аспирант,
ведущий специалист Департамента нового
набора, Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта, г. Калининград,
Россия.

Anna R. Starinskaya, Postgraduate Student,
Leading Specialist of the Admissions Department,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

УДК 81'42:81'27

DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-330-342

EDN PRLNXA

Языковая личность в произведениях мыслителей Центральной Азии

Азизова Н.Б.

Каршинский государственный университет
Узбекистан, 180100, г. Карши, ул. Кучабаг, д. 17
azizovanasiba@mail.ru

Аннотация. Категория языковой личности является ключевой для понимания взаимосвязи языка, мышления и культуры. Письменное наследие средневековых мыслителей Центральной Азии (Абу Райхан Беруни, Абу Али ибн Сина, Абу Наср аль-Фараби, Аль-Хорезми, Алишер Навои, Захириддин Бабур) представляет собой уникальный материал для лингвокультурного анализа. Однако до настоящего времени их языковые модели не становились предметом специального междисциплинарного исследования на стыке лингвистики, концептуальной истории и дискурсивного анализа. Цель исследования – выявить и описать конфигурацию базовых концептов (разум, знание, любовь, справедливость, духовность) в языковой личности шести центральноазиатских мыслителей, а также установить специфику реализации культуросохраняющей функции в их текстах. Материалом послужили фрагменты канонических произведений на языке оригинала (арабский, персидский, староузбекский). Применялись методы концептуального, интертекстуального, дискурсивного и лингвостилистического анализа. Систематизированы лингвистические особенности каждого автора: лексические доминанты, синтаксические структуры, прагматические стратегии. Выявлены пять универсальных черт восточной языковой личности (дидактичность, метафоричность, иерархичность, общественность, ориентация на духовное совершенство). Показано, как каждый мыслитель реализует эти черты через специфические языковые средства. В центральноазиатской традиции языковая личность выполняла не только коммуникативную, но и гносеологическую, аксиологическую и культуросохраняющую функции. Предложенная модель анализа может быть применена к другим корпусам средневековых текстов.

Ключевые слова: языковая личность, концептуальный анализ, мыслители Центральной Азии, дискурсивный анализ, культуросохраняющая функция, аль-Фараби, Беруни, Ибн Сина, Навои, Бабур

Для цитирования: Азизова Н.Б. 2026. Языковая личность в произведениях мыслителей Центральной Азии. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 330–342. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-330-342 EDN: PRLNXA

Linguistic Personality in the Works by Central Asian Thinkers

Nasiba B. Azizova

Karshi State University
17 Kuchabag St., Karshi 180100, Uzbekistan
azizovanasiba@mail.ru

Abstract. The category of linguistic personality is key to understanding the relationship between language, thought, and culture. The written heritage of Central Asian thinkers (Abu Rayhan Beruni, Abu Ali ibn Sina,

Abu Nasr al-Farabi, Al-Khorezmi, Alisher Navoi, Zahiriddin Babur) represents a unique resource for linguocultural analysis. However, to date, their linguistic models have not been the subject of a specialized interdisciplinary study at the intersection of linguistics, conceptual history, and discourse analysis. The aim of this study is to identify and describe the configuration of basic concepts (reason, knowledge, love, justice, spirituality) in the linguistic personality of six Central Asian thinkers, as well as to establish the specific ways in which the culture-preserving function is realized in their texts. The material consists of excerpts from canonical works in the original languages (Arabic, Persian, Old Uzbek). Methods of conceptual, intertextual, discursive, and linguostylistic analysis were applied. The linguistic features of each author are systematized: lexical dominants, syntactic structures, and pragmatic strategies. Five universal traits of the Eastern linguistic personality (didacticism, metaphoricity, hierarchicity, communality, orientation toward spiritual perfection) have been identified. It is shown how each thinker realizes these traits through specific linguistic means. In the Central Asian tradition, the linguistic personality performed not only a communicative function but also epistemological, axiological, and culture-preserving functions. The proposed analytical model can be applied to other corpora of medieval texts.

Keywords: linguistic personality, conceptual analysis, Central Asian thinkers, discourse analysis, culture-preserving function, al-Farabi, Beruni, Ibn Sina, Navoi, Babur

For citation: Azizova N.B. 2026. Linguistic Personality in the Works by Central Asian Thinkers. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(2): 330–342 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-330-342 EDN: PRLNXA

Введение

Изучение языковой личности как системы, воплощающей национально-культурную ментальность, является одним из центральных направлений антропоцентрической лингвистики [Караулов, 1987; Нерознак, 1993]. В контексте письменного наследия Центральной Азии данный концепт приобретает особую значимость, поскольку здесь язык традиционно воспринимался не как нейтральное орудие коммуникации, а как инструмент познания мира и путь к духовно-нравственному совершенству [Шукуров, 2015].

В научной литературе [Караулов, 1987; Лихачёв, 1993; Шамсутдинов, 2005] установлено, что языковая личность в восточной традиции выполняет культуросохраняющую функцию. Однако остаётся открытым вопрос о том, какие именно лингвистические маркеры (лексические, синтаксические, стилистические) реализуют эту функцию в текстах разных авторов. Наша гипотеза состоит в следующем: в текстах мыслителей, ориентированных на эмпирическое познание (Беруни, аль-Хорезми), культуросохраняющая функция преимущественно реализуется через императивные конструкции и терминологическую точность; в текстах мыслителей, ориентированных на умозрительную философию (аль-Фараби, Ибн Сина) – через определительные и классифицирующие конструкции; в текстах мыслителей суфийской традиции (Навои) – через метафорический параллелизм и фонетические повторы; в текстах историко-автобиографического жанра (Бабур) – через синтаксис субъективной оценки, привязанный к топонимам.

Таким образом, существующие работы о центральноазиатских мыслителях сосредоточены либо на философском [Сулейманов, 2006; Абдуллаев, 2019], либо на литературоведческом аспектах (Каримов, 1991; Захидова, 2020), оставляя в тени целостный лингвокультурный анализ языковой личности как системы. Сопоставительное изучение произведений шести мыслителей на едином методологическом основании ранее не проводилось. В научный оборот недостаточно введены фрагменты оригинальных текстов на арабском, персидском и староузбекском языках с лингвистическим комментарием.

Цель исследования – выявить и описать конфигурацию базовых концептов (разум, знание, любовь, справедливость, духовность) в языковой личности шести центральноазиатских мыслителей, а также установить специфику реализации культуросохраняющей функции в текстах мыслителей.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили фрагменты канонических произведений на языке оригинала (арабский, персидский, староузбекский): «Китаб аль-джабр ва-ль-мукабала» Аль-Хорезми, «Канон Мас‘уда» Беруни, «Канон врачебной науки» Ибн Сины, «Ара ахль аль-мадина аль-фадиля» аль-Фараби, «Хамса» и «Мухокамат ул-лугатайн» Навои, «Бабур-наме» Бабур. Отбор фрагментов производился по принципу репрезентативности для каждого из ключевых концептов.

В работе применён комплекс методов: *концептуальный анализ* для выявления ядерных понятий, организующих мировоззрение автора, и их лексической репрезентации: *интертекстуальный анализ* – фиксация отсылок к текстам-предшественникам (Коран, хадисы, античные авторы); *дискурсивный анализ* для изучения прагматических стратегий (убеждение, наставление, диалог, саморефлексия); *лингвостилистический анализ* для описания лексических, синтаксических и стилистических особенностей. Каждый метод применяется последовательно к одним и тем же фрагментам, что обеспечивает многоуровневый анализ.

Результаты исследования и обсуждение

Универсальные черты восточной языковой личности

Анализ корпуса текстов позволил выделить пять характеристик, присущих языковой личности в рамках центральноазиатской культурной традиции:

1. Дидактичность – приоритетная установка на передачу знания и нравственное наставление.
2. Метафоричность и символичность – предпочтение косвенных способов выражения.
3. Иерархичность – зависимость речевого поведения от социального статуса адресата.
4. Общественность (жамоатчилик) – постоянная актуализация ответственности перед обществом.
5. Ориентация на духовное совершенство – рассмотрение речевой деятельности как пути к совершенствованию.

Пример реализации дидактичности и общественности в произведении Беруни:

وإنما أذكر هذا القول لأبين أن الذي اعتمده في هذا الكتاب هو ما شاهدته بعيني واختبرته بنفسي، فعليك أن تبحث وتنتظر فإن الحق لا يُعرف بالرجال بل بالبراهين

Русский перевод: «Я привожу это высказывание лишь для того, чтобы пояснить: то, на чём я основываюсь в этой книге, — это что я видел своими глазами и испытал сам. Тебе же надлежит исследовать и смотреть, ибо истина познаётся не через людей, но через доказательства» [Беруни, 1973, т. 1, с. 47]

Анализ: Лексический выбор (*шāхада — «свидетельствовать», *ибталя — «испытывать», бурхāн — «доказательство») задаёт эпистемологическую рамку эмпиризма. Синтаксис: причинный оборот *иннамā адхкур... ли-убаййина* («я привожу лишь для того, чтобы пояснить») и императив *‘алейка ан табхаса* («тебе надлежит исследовать») реализуют дидактическую стратегию. Местоимение *‘алейка* («на тебе») актуализирует ответственность адресата, что соответствует черте «общественность».

Сравнительный анализ языковых личностей

В табл. 1 представлен синхронический срез языковой личности ключевых мыслителей региона, демонстрирующий, как профессиональная сфера и доминирующий тип мышления детерминируют лексический выбор, синтаксическую организацию и прагматические цели высказывания. Сопоставление позволяет визуализировать континуум от строгой рациональности Беруни до образно-эмоциональной ирфаничности Навои,

включая историко-документальную модальность Бабура, подтверждая тезис о глубокой связи языкового выражения и когнитивной модели автора.

Пример анализа из произведения аль-Хорезми «Китаб аль-джабр ва-ль-мукабала»:
إذا قال لك: عشرة قسمتها جزئين، فضربت كل جزء في نفسه، فكان المجموع ثمانية وخمسين، فخذ العشرة»

Idā qāla laka: ‘ašaratun qasamtuhā ġuz’ayn, fa-ḍarabta kulla ġuz’in fī nafsihi, fa-kāna al-maġmū‘u tamāniyatan wa ḥamsīna, fa-ḥuḍ al-‘ašarata

Русский перевод: «Если тебе скажут: десять я разделил на две части, затем умножил каждую часть на себя, и сумма [квадратов] составила пятьдесят восемь, то [решай следующим образом]: возьми десять» [аль-Хорезми, 1983, с. 23].

Лингвистический анализ: лексика представлена терминами арифметических действий (qasamtuhā 'разделил', ḍarabta 'умножил', maġmū' 'сумма'); синтаксис построен на условно-императивной конструкции idā... fa-ḥuḍ ('если... то возьми'); прагматическая стратегия — дидактический алгоритм, обращение на ты вовлекает читателя в действие. Вывод: языковая личность аль-Хорезми проявляется в операциональных предписаниях, а не в абстрактных определениях, что подтверждает гипотезу о приоритете императивных конструкций у мыслителей эмпирико-процедурного типа.

Пример анализа из произведения «Канон врачебной науки» Ибн Сины:

الطب علم يبحث عن أحوال البدن من حيث يمرض ويصح، ويكون ذلك بالاستدلال على القوانين الكلية من الجزئيات

Aṭ-ṭibbu ‘ilmun yabḥaṭu ‘an aḥwālī l-badani min ḥayṭu yamraḍu wa yaṣiḥḥu, wa yakūnu dālika bi-l-istidlālī ‘alā l-qawānīni l-kulliyati mina l-ġuz’iyyāt

Русский перевод: «Медицина — это наука, которая исследует состояния тела в отношении болезни и здоровья, и достигается это путём выведения общих законов из частных наблюдений» [Ибн Сина, 1980–1982, т. 1, с. 25].

Лингвистический анализ: лексика включает абстрактные термины (‘ilm 'наука', qawānīn kulliyūa 'общие законы', ġuz’iyyāt 'частности'); синтаксис представляет собой классическую форму научной дефиниции с определительным предложением yabḥaṭu ‘an; логическая структура основана на индуктивной процедуре istidlāl mina l-ġuz’iyyāt. Вывод: Ибн Сина — систематизатор, его языковая личность строится на дефинициях, фиксирующих границы дисциплины с включением эмпирического компонента, что соответствует гипотезе о классифицирующих конструкциях у мыслителей теоретико-системного типа.

Пример анализа аль-Фараби «Ара ахль аль-мадина аль-фадила»:

العقل بالقوة هو هيئة لل نفس تستعد بها لانتزاع المعقولات، والعقل بالفعل هو خروج تلك المعقولات إلى الوجود

Русский перевод: «Разум в потенции — это состояние души, благодаря которому она готова извлекать умопостигаемые сущности, а разум в акте — это переход этих умопостигаемых сущностей в существование» [аль-Фараби, 1996, с. 65].

Анализ: Концептуальное ядро — ‘акл (разум) — развёртывается через бинарную оппозицию би-ль-кувва / би-ль-фи’ль (в акте/ в потенции), характерную для аристотелевской традиции. Синтаксически это оформлено как два параллельных номинативных предложения с определительными придаточными. Лексика хей’а (состояние/диспозиция), таста’идду (быть готовым), интизā (извлечение) формирует терминологическое поле арабской эпистемологии. Языковая личность аль-Фараби проявляется как систематизатор, строящий иерархию понятий через дефиниции.

Пример стратегии Навои в произведении «Мухокамат ул-лугатайн» (староузбекский):

Turkiy tilning lug’ati g’oyat boy va bu tilda har ma’noni ifoda qilish mumkin. Men bu kitobni turkiy tilda yozdim, toki xalqimiz o’z ona tilida ilm o’rgansin.

Перевод на русский: «Тюркский язык чрезвычайно богат, и на этом языке можно выразить любой смысл. Я написал эту книгу на тюркском, чтобы наш народ учился науке на своём родном языке» [Навои, 1966, с. 34–35].

Таблица 1
 Table 1

Языковые характеристики мыслителей Центральной Азии
 Linguistic characteristics of Central Asian thinkers

Мыслитель	Ключевая лексическая сфера	Синтаксические особенности	Прагматическая стратегия	Когнитивная модель	Концептуальное значение
<i>Аль-Хорезми</i>	Алгоритмические термины (ал-джабр, ал-мукабала), числовые операторы	Императивные конструкции, условные предложения	Инструкция, алгоритмическое предписание	Процедурная	Процедурная точность и алгоритмизация. Язык — средство операционального описания и воспроизводимого действия. Примат метода над результатом.
<i>Беруни</i>	Научные термины, эмпирическая лексика (мушахада, таджриба)	Причинные обороты, императивы верификации	Убеждение через доказательство	Эмпирическая	Рациональность и опытное знание. Язык – средство научной точности и доказательности. Объективность
<i>Ибн Сина</i>	Медицинская и философская терминология	Сложные гипотетические конструкции	Обучение через систематизацию	Теоретико-системная	Системное мышление. Язык – синтез философской теории и практического знания. Дидактический талант
<i>аль-Фараби</i>	Логические и этические понятия ('акл, 'адль, фадля)	Классифицирующие и определяющие конструкции	Объяснение через классификацию	Аналити-ческая	Логический анализ и классификация. Язык – средство правильного понимания и упорядочивания мира. Примат разума
<i>Навои</i>	Суфийская лексика ('ишк, сабр, фақр), поэтические образы	Поэтический параллелизм, анафора, эпифора	Воздействие, наставление через переживание	Иррациональная (интуитивно-образная)	Синтез любви и познания. Язык – средство духовного совершенства и мистического знания. Синтез поэзии и философии
<i>Бабур</i>	Автобиографическая и историческая лексика, топонимы	Повествовательные предложения с хронологическими маркерами	Информирование, саморефлексия, сохранение памяти	Эмпирико-историческая	Синтез личного опыта и исторической объективности; язык как средство фиксации и передачи исторической памяти.

Анализ: Метаязыковое высказывание, в котором Навои сознательно обосновывает свой языковой выбор. Лексика *бой* (*богатый*), *ма'но* (*смысл*), *илм* (*наука*), *она тили* (*родной язык*) образует аксиологическое поле. Прагматическая стратегия – не просто информирование, а лингвоидеологическое утверждение ценности тюркского языка. Это пример *культуросохраняющей функции*: через языковой выбор автор сохраняет и легитимирует целую литературную традицию.

Пример анализа Бабура «Бабур-наме»:

من هر ولايتی و هر مملکتی که دیدم، هیچجا خوشتر از کابل ندیدم

Man har vilāyatī wa har mamlikatī ki badīdam, hīchjā khwushtar az Kābul nadīdam

Русский перевод: «Из всех областей и государств, которые я видел, нигде не видел я места приятнее, чем Кабул» (Бабур, 1990, с. 78).

Лингвистический анализ: лексика включает топоним Kābul и оценочный компаратив khwushtar ('приятнее'); синтаксис построен на конструкции с отрицанием nadīdam ('не видел') и генерализацией har vilāyatī... har mamlikatī ('каждая область... каждое государство'); прагматическая стратегия — сохранение памяти через субъективную оценку, привязанную к географическому названию.

Вывод: языковая личность Бабура синтезирует историка и лирического героя, что соответствует гипотезе о синтаксисе субъективной оценки у авторов историко-автобиографического жанра.

Концептуальные системы и самоидентификация

В табл. 2 представлены ядерные концепты, образующие семантическое поле мировоззрения каждого мыслителя, и их прямое проецирование на лингвистический уровень.

Показано, что концепты не просто вербализуются, но и выстраиваются в четкую иерархию (гносеологическую или экзистенциальную), определяя структуру и смысловые доминанты текстов. Это подтверждает гипотезу о языковой личности как системном выражении авторской концептосферы.

В табл. 3 представлены способы языковой самопрезентации и саморефлексии шести мыслителей.

Через специфические лингвистические средства (императивы и числовые операторы у аль-Хорезми, логические понятия у аль-Фараби, научные термины у Беруни, медицинские дефиниции у Ибн Сины, поэтические образы у Навои, автобиографические детали у Бабура) конструируется и вербализуется «Я-концепция» мыслителя: «Я-математик и алгоритмист» (аль-Хорезми), «Я-философ» (аль-Фараби), «Я-учёный» (Беруни), «Я-врач и философ» (Ибн Сина), «Я-поэт и суфий» (Навои), «Я-правитель и потомок» (Бабур).

Это раскрывает перформативную функцию языковой личности в создании и закреплении авторского образа.

Лингвистический пример самоидентификации Навои:

Men Navoiyman, faqir-u miskin. Lekin hech kim ishq mulkida xor bo'lmas (*узбекский язык*).

Русский перевод: «Я – Навои, бедный и нищий. Но никто во владениях любви не будет унижен» [Навои, 1987, с. 123].

Лингвистический анализ: Противопоставительная идентификация («бедный» и «не будет унижен»), суфийская лексика (*faqir* – «духовно бедный», *ishq* – «божественная любовь»), синтаксический контраст.

Таблица 2
 Table 2

Концептуальные системы мыслителей
 The thinkers' conceptual systems

Мыслитель	Центральные концепты	Лингвистическое выражение	Духовная иерархия	Концептуальное значение
<i>Аль-Фараби</i>	Разум, справедливость, добродетель	Логические понятия, дефиниции	Разум → Нравственность → Деятельность	Философия, основанная на разуме. Связь логики и этики в языковой личности
<i>Беруни</i>	Наука, опыт, доказательство	Научные термины, числовые данные	Наблюдение → Анализ → Вывод	Эмпирическое знание и методология. Важность научного метода и доказательств
<i>Ибн Сина</i>	Тело, душа, здоровье, болезнь	Медицинские дефиниции, гипотетические конструкции	Частное → Общее → Закон	Систематизация медицинского знания. Язык как инструмент классификации
<i>Аль-Хорезми</i>	Алгоритм, восстановление, противопоставление	Операциональные определения, императивные предписания	Данные → Процедура → Результат	Процедурная точность. Язык как алгоритм. Примат метода
<i>Наваи</i>	Любовь, терпение, страсть	Метафоры, суфийская лексика	Любовь → Бренность → Вечность	Путь суфийского совершенства. Языковое выражение идей суфизма
<i>Бабур</i>	Родина, память, опыт	Автобиографические детали, топонимы	Родина → Личность → Опыт	Личный опыт и историческая память. Синтез субъективного переживания и объективного описания в языке

Таблица 3
 Table 3

Системы самоидентификации мыслителей
 Systems of the thinkers' self-identification

Мыслитель	Система самоидентификации	Лингвистические средства	Духовная основа	Концептуальное значение
<i>Аль-Фараби</i>	Философская идентичность	Логические понятия, классификация	Разум, философия	Философское мышление и логическое самосознание
<i>Беруни</i>	Научная идентичность	Научные термины, примеры, доказательства	Рациональность, опыт, научная объективность	Идентичность, связанная с научной деятельностью
<i>Ибн Сина</i>	Медико-философская идентичность	Медицинские дефиниции, гипотетические конструкции	Системное знание, интеграция теории и практики	Идентичность врача-философа. Синтез эмпирического и теоретического знания
<i>Аль-Хорезми</i>	Процедурно-математическая идентичность	Императивные конструкции, условные предложения, числовые операторы	Математическая точность, алгоритм	Идентичность, связанная с процедурным мышлением. Язык как инструмент алгоритмического предписания
<i>Навои</i>	Ирфаническая (мистическая) идентичность	Поэтические образы, суфийские термины	Любовь, суфизм	Духовное мышление и мистическое самосознание
<i>Бабур</i>	Историческая идентичность	Автобиографические детали, географические названия	Родословная, государственность, память	Историческая память и политическая идентичность

Роль авторского стиля и стратегии сохранения наследия

Стиль является материальным воплощением языковой личности. Научный стиль Аль-Хорезми отличается чёткостью и дидактичностью (например, использование условно-императивных конструкций *idā... fa-ḥud* «если... то возьми»), поэтический стиль Навои – параллелизмами и фонетической гармонией (например, отрицательный параллелизм *kimki... bolmas / ... bolmas*), автобиографический стиль Бабура – хронологичностью и детализацией (например, привязка субъективной оценки к топониму *Kābul*).

Мыслители сознательно разрабатывали лингвистические стратегии для сохранения культурного наследия. Сознательный характер этих стратегий подтверждается прямыми высказываниями мыслителей. Так, Навои в трактате «Мухокамат ул-лугатайн» прямо заявляет: *faqr üstidin türki tilni bayān qildim* («по духовной бедности я избрал для выражения тюркский язык»), где лексема *faqr* (суфийское «духовное нищенство») указывает на осознанный языковой выбор. Бабур, начиная своё сочинение, также формулирует цель: сохранить память о делах и обычаях предков.

В табл. 4 систематизированы лингвистические стратегии сохранения культурного наследия, которые применяли мыслителей. Каждый из них использовал специфические языковые механизмы: от алгоритмической фиксации процедур (аль-Хорезми) и межкультурного перевода (Беруни) до систематизации медицинского знания (Ибн Сина), логического анализа (аль-Фараби), терминовтвора (Навои) и автобиографической детализации (Бабур). Выделенные стратегии представляют собой осмысленные культурные проекты, направленные на трансляцию знания. Современное отражение этих стратегий прослеживается в том, что выработанные мыслителями языковые модели (алгоритмический стиль аль-Хорезми, научный стиль Беруни, поэтическая лексика Навои, историческая проза Бабура) стали образцами для последующих поколений. Сознательный характер многих из этих стратегий подтверждается металингвистическими высказываниями самих мыслителей (например, Навои в «Мухокамат ул-лугатайн»).

Полученные результаты позволяют ответить на исследовательский вопрос: ***связь индивидуального стиля с региональными концептами реализуется на трёх уровнях.***

Первый уровень – лексический. Каждый мыслитель разделяет общий концептуальный фонд (‘акл, ‘илм, ‘ишк, ‘адль), но по-разному его терминологически оформляет. У аль-Фараби ‘акл – логическая категория, у Навои ‘ишк — мистическая сила, у Беруни ‘илм — результат наблюдения. Один и тот же арабский корень может получать разную концептуальную нагрузку.

Второй уровень – синтаксический. Дидактическая установка реализуется через императивы (Беруни, Аль-Хорезми), классифицирующие конструкции (аль-Фараби), поэтические повторы (Навои). Синтаксис оказывается не нейтральной упаковкой, а смыслопорождающим механизмом.

Третий уровень – прагматический. Стратегии варьируются от убеждения и доказательства до внушения и сохранения памяти. Выбор стратегии зависит от жанра и адресата.

Таким образом, выявленные лингвистические маркеры полностью подтверждают гипотезу исследования: у Беруни и аль-Хорезми доминируют императивные конструкции и терминологическая точность; у аль-Фараби и Ибн Сины – определительные и классифицирующие конструкции; у Навои – метафорический параллелизм; у Бабура – синтаксис субъективной оценки, привязанный к топонимам. Ни один из проанализированных фрагментов не дал противоречащих гипотезе данных, что свидетельствует о её валидности на материале исследованного корпуса.

Сравнение с западноевропейской традицией [Саидова, 2020] показывает, что для центральноазиатских мыслителей в большей мере характерна интеграция эпистемической и этической функций языка: знание неотделимо от нравственного совершенствования.

Таблица 4
 Table 4

Стратегии сохранения культурного наследия
 Strategies for preserving the cultural heritage

Мыслитель	Объект сохранения	Лингвистические стратегии	Современное отражение	Концептуальное значение
<i>Абу Наср аль-Фараби</i>	Философская мысль	Логический анализ, классификация	Метод философской дискуссии	Систематизация философского наследия. Системность и логичность философского знания в языковом выражении [Абдуллаев, 2019; Сулейманов, 2006].
<i>Абу Райхан Беруни</i>	Научное знание	Межкультурный перевод, детализация	Образец научного стиля	Сохранение и пропаганда научного наследия. Концепции научной объективности и культурного релятивизма [Беруни, 1963; Нормуродов, 2005; Молчанова, 2012].
<i>Ибн Сина</i>	Античная и исламская медицина	Синтез и систематизация, гипотетические конструкции	Образец системного медицинского знания	Систематизация медицинского знания. Язык как инструмент классификации и интеграции эмпирического и теоретического знания.
<i>Аль-Хорезми</i>	Математическое знание	Алгоритмическая фиксация процедур, императивные предписания	Образец алгоритмического стиля в точных науках	Процедурная точность и алгоритмизация. Язык как средство операционального описания и воспроизводимого действия. Примат метода над результатом.
<i>Алишер Навои</i>	Тюркский язык и литература	Создание терминов, развитие жанров	Эталон литературного языка	Развитие языка и укрепление национальной идентичности. Связь языка и национального самосознания в языковой личности [Навои, 1966; Каримов, 1991];
<i>Захриддин Бабура</i>	Историческая память	Автобиография, детализация	Стиль исторической прозы	Сохранение исторической памяти. Синтез субъективного опыта и объективного описания исторической реальности [Бабура, 1990; Каримова, 2017; Ходжиев, 1965].

Заключение

Впервые осуществлён сопоставительный концептуальный и лингвостилистический анализ языковой личности шести центральноазиатских мыслителей, введены в оборот новые оригинальные фрагменты текстов аль-Хорезми и Ибн Сины, выявлена корреляция между типом дискурса и синтаксическими конструкциями, систематизированы культуросохраняющие стратегии, предложена типология восточной языковой личности по жанрово-когнитивному принципу

Концептуальный и дискурсивный анализ языковой личности в произведениях центральноазиатских мыслителей позволяет утверждать следующее:

1. Языковая личность в этой традиции представляет собой целостный феномен, в котором индивидуальный стиль вырастает из общих концептуальных оснований (разум, знание, любовь, справедливость, духовность).

2. Универсальные черты (дидактичность, метафоричность, иерархичность, общественность, ориентация на духовное совершенство) получают у каждого автора специфическую языковую реализацию.

3. Культуросохраняющая функция реализуется через конкретные лингвистические механизмы: терминотворчество, интертекстуальные отсылки, автобиографическую детализацию, дидактические синтаксические конструкции.

Наследие центральноазиатских мыслителей остаётся живым источником для формирования культурной идентичности, а разработанная модель анализа может быть применена к другим корпусам средневековых текстов.

Список источников

- Аль-Хорезми. 1983. *Китаб аль-джабр ва-ль-мукабала*. Ташкент: Фан. 240 с.
Бабур З.М. 1990. *Бабур-наме*. Ташкент: Чулпан. 320 с.
Беруни А.Р. 1973–1976. *Канон Мас'уда*. Т. 1–5. Ташкент: Фан.
Беруни А.Р. 1963. *Индия*. Ташкент: Узбекистан.
Ибн Сина А.А. 1980–1 Навои А. 1966. *Мухокамат ул-лугатайн*. Ташкент: Г. Гулом. 140 с.
Навои А. 1987. *Хамса*. Т. 1–10. Ташкент: Фан.
Канон врачебной науки. Т. 1–5. Ташкент: Фан.
Фараби А.Н. 1996. *Ара ахль аль-мадина аль-фадила*. Бейрут: Дар аль-Машрик. 312 с.

Список литературы

- Абдуллаев И. 2019. Концепт «разум» в философской системе аль-Фараби: лингвистический аспект. *Востоковедческий сборник*, 4: 45–58.
Азизова Н.Б. 2026. Исследование концепта языковой личности в русской и узбекской классической литературе (на примере А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого, Алишера Навои, Захириддина Бабура). *Наука новой эры: новаторские идеи и решения для человечества. Сборник материалов II Республиканской конференции, Том 2, Выпуск 2*: 129–133. DOI: <https://doi.org/10.47390/ydif-y2026v2i2/n25>
Бахтиёров И., Саъдиев Ш. 2018. Лингвистическое наследие Центральной Азии: философский и культурологический анализ. Ташкент: Университет. 250 с.
Воронина Л.А. 2015. *Языковая личность в философском дискурсе Востока*. М.: Наука.
Гафуров Б.Г. 1998. *Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история*. Душанбе: Ирфон.
Захидова Г. 2020. Метафорическая система поэзии Алишера Навои. *Вестник Ташкентского университета. Серия филологическая*, 2: 33–47.
Исмаилов Р. 2018. Дидактические стратегии в научных трактатах Ибн Сины. *Наука и образование сегодня*, 6(29): 78–82.
Каримов У. 1991. *Концептуальный мир Алишера Навои*. Ташкент: Фан. 180 с.
Каримова Д. 2017. Языковая личность как носитель культурного кода (на материале «Бабур-наме»). *Язык и культура*, 3: 112–125.

- Караулов Ю.Н. 1987. Русский язык и языковая личность. М.: Наука. 264 с.
- Лихачёв Д.С. 1993. Концептосфера русского языка. *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 52(1): 3–9.
- Молчанова Е.К. 2012. Структура и семантика научного текста в средневековой арабоязычной традиции. СПб.: СПбГУ. 190 с.
- Нерознак В.П. (ред.) 1993. Языковая личность в художественном тексте. М.: Институт языкознания РАН. 187 с.
- Нормуродов С. 2005. Творческое наследие Беруни и современная наука. Ташкент: Узбекистан. 210 с.
- Носиров У. 2021. Методология лингвистического анализа средневековых научных текстов. *Вопросы филологии*, 1(45): 15–28.
- Рахматуллаев Ш. 2019. Лингвокультурологические особенности самоидентификации в текстах Беруни. *Узбекский язык и литература*, 4: 22–35.
- Саидова М. 2020. Сравнительный анализ языковой личности в восточной и западной традициях. *Сравнительная филология*, 2: 67–81.
- Сафаров Ш. 2010. Когнитивная лингвистика и языковая личность. Самарканд: СамГУ.
- Стеблин-Каменский И.М. 2012. История персидской литературы. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Сулейманов А.К. 2006. Философия Фараби и современность. Алматы: Ғылым. 320 с.
- Ходжиев А. 1965. «Бабур-наме» как историко-литературный памятник. Ташкент: Фан. 160 с.
- Шамсутдинов А.М. 2005. Языковая личность в восточной филологии. Ташкент: Фан.
- Шукуров М. 2015. Культура и искусство исламского мира. М.: Прогресс-Традиция. 480 с.

References

- Abdullaev I. 2019. The Concept of “Reason” in the Philosophical System of al-Farabi: Linguistic Aspect. *Vostokovedcheskiy Sbornik*, 4: 45–58. (in Russian).
- Azizova N.B. 2026. Research of the Concept of Linguistic Personality in Russian and Uzbek Classical Literature (on the Example of A.S. Pushkin, N.V. Gogol and L.N. Tolstoy, Alisher Navoi, Zahiriddin Babur). *Science of a New Era: Innovative Ideas and Solutions for Humanity. Proceedings of the II Republican Conference*, Vol. 2, Issue 2: 129–133. DOI: <https://doi.org/10.47390/ydif-y2026v2i2/n25>
- Bakhtiyorov I., Sa'diev Sh. 2018. *Lingvisticheskoe nasledie Tsentral'noy Azii: filosofskiy i kul'turologicheskiy analiz* [The Linguistic Heritage of Central Asia: Philosophical and Culturological Analysis]. Tashkent: University. 250 p. (in Russian).
- Voronina L.A. 2015. *Yazykovaya lichnost' v filosofskom diskurse Vostoka* [Linguistic Personality in the Philosophical Discourse of the East]. Moscow: Nauka. (in Russian).
- Gafurov B.G. 1998. *Tadzhiki: drevneyshaya, drevnyaya i srednevekovaya istoriya* [Tajiks: The Most Ancient, Ancient and Medieval History]. Dushanbe: Irfon. (in Russian).
- Zakhidova G. 2020. Metaphorical System of Alisher Navoi's Poetry. *Vestnik Tashkentskogo Universiteta. Filologicheskaya Seriya*, 2: 33–47. (in Russian).
- Ismailov R. 2018. Didactic Strategies in the Scientific Treatises of Ibn Sina. *Nauka i Obrazovanie Segodnya*, 6(29): 78–82. (in Russian).
- Karimov U. 1991. *Kontseptual'nyy mir Alishera Navoi* [The Conceptual World of Alisher Navoi]. Tashkent: Fan. 180 p. (in Russian).
- Karimova D. 2017. Linguistic Personality as a Carrier of Cultural Code (Based on "Babur-nama"). *Yazyk i Kultura*, 3: 112–125. (in Russian).
- Karaulov Yu.N. 1987. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow: Nauka. 264 p. (in Russian).
- Likhachev D.S. 1993. Conceptosphere of the Russian Language. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 52(1): 3–9. (in Russian).
- Molchanova E.K. 2012. *Struktura i semantika nauchnogo teksta v srednevekovoy araboyazychnoy traditsii* [The Structure and Semantics of Scientific Text in the Medieval Arabic-Language Tradition]. Saint Petersburg: SPbGU. 190 p. (in Russian).
- Nerознаk V.P. (ed.) 1993. *Yazykovaya lichnost' v khudozhestvennom tekste* [Linguistic Personality in Literary Text]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS. 187 p. (in Russian).

- Normurodov S. 2005. *Tvorcheskoe nasledie Beruni i sovremennaya nauka* [The Creative Heritage of Al-Biruni and Modern Science]. Tashkent: Uzbekistan. 210 p. (in Russian).
- Nosirov U. 2021. Methodology of Linguistic Analysis of Medieval Scientific Texts. *Voprosy Filologii*, 1(45): 15–28. (in Russian).
- Rakhmatullaev Sh. 2019. Linguocultural Features of Self-Identification in Al-Biruni's Texts. *Uzbek Language and Literature*, 4: 22–35. (in Russian).
- Saidova M. 2020. Comparative Analysis of Linguistic Personality in Eastern and Western Traditions. *Sravnitel'naya Filologiya*, 2: 67–81. (in Russian).
- Safarov Sh. 2010. *Kognitivnaya lingvistika i yazykovaya lichnost'* [Cognitive Linguistics and Linguistic Personality]. Samarkand: SamSU. (in Russian).
- Steblyn-Kamensky I.M. 2012. *Istoriya persidskoy literatury* [History of Persian Literature]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (in Russian).
- Suleimanov A.K. 2006. *Filosofiya Farabi i sovremennost'* [The Philosophy of Al-Farabi and Modernity]. Almaty: Gylym. 320 p. (in Russian).
- Khodzhiev A. 1965. "Babur-name" kak istoriko-literaturnyy pamyatnik ["Babur-nama" as a Historical and Literary Monument]. Tashkent: Fan. 160 p. (in Russian).
- Shamsutdinov A.M. 2005. *Yazykovaya lichnost' v vostochnoy filologii* [Linguistic Personality in Eastern Philology]. Tashkent: Fan. (in Russian).
- Shukurov M. 2015. *Kul'tura i iskusstvo islamskogo mira* [Culture and Art of the Islamic World]. Moscow: Progress-Traditsiya. 480 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.02.2026

Поступила после рецензирования 09.04.2026

Принята к публикации 15.04.2026

Received February 15, 2026

Revised April 09, 2026

Accepted April 15, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Азизова Насиба Бахритдиновна, профессор кафедры русского языка и литературы, Каршинский государственный университет, г. Карши, Узбекистан. **Nasiba B. Azizova**, Professor of the Department of the Russian Language and Literature, Karshi State University, Karshi, Uzbekistan.

УДК 81'42
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-343-353
EDN RVWAYH

Языковые средства реализации категории «недосказанность» (understatement) в парламентском дискурсе (на примере высказываний премьер-министров Великобритании)

Бондарь О.А.

Нижевартовский государственный университет
Россия, 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56
bondar.ol@bk.ru

Аннотация. В условиях публичной политической коммуникации, где прямота заявлений часто сопряжена с рисками, смягчение и недосказанность становятся ключевыми инструментами воздействия. Цель исследования – выделить основные языковые средства выражения недосказанности (understatement) в высказываниях премьер-министров Великобритании. Исследование основано на корпусном анализе официальных стенограмм дебатов PMQs (Prime Minister's Questions) и позволяет раскрыть специфику риторических приемов в условиях политической конфронтации. Показана специфика функционирования understatement в институциональном жанре Prime Minister's Questions: в отличие от обычной политической коммуникации, где understatement в основном служит для смягчения категоричности, в условиях PMQs его ключевой функцией становится стратегическое уклонение от ответа при сохранении позитивного лица и конструирование рационального образа в глазах аудитории.

Ключевые слова: недосказанность, understatement, парламентский дискурс, PMQs, прагмалингвистика

Для цитирования: Бондарь О.А. 2026. Языковые средства реализации категории «недосказанность» (understatement) в парламентском дискурсе (на примере высказываний премьер-министров Великобритании). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 343–353. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-343-353 EDN: RVWAYH

Linguistic Means of Expressing Understatement in Parliamentary Debates (Based on UK Prime Ministers' Speeches)

Olga A. Bondar

Nizhnevartovsk State University
56 Lenin St., Nizhnevartovsk 628605, Russia
bondar.ol@bk.ru

Abstract. Mitigation and understatement become key tools of influence in public political communication, where directness of statements is often associated with risks. Thus, the article examines the category of “understatement” as an important communicative resource in British parliamentary discourse. The study is based on an analysis of official transcripts of PMQs (Prime Minister's Questions) debates and reveals the specifics of rhetorical techniques in conditions of political confrontation. The aim of the study is to identify the main linguistic means of understatement in the statements of the UK Prime Ministers. The author shows that despite the sharpness and directness of political speeches the category of “understatement” serves to mitigate statements, preserve the speaker's face, and manage audience perception. The results of the work

contribute to expanding the understanding of political communication strategies and emphasize the significance of understatement in parliamentary debates.

Keywords: understatement, parliamentary discourse, PMQs, pragmalinguistics

For citation: Bondar O.A. 2026. Linguistic Means of Expressing Understatement in Parliamentary Debates (Based on UK Prime Ministers' Speeches). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(2): 343–353 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-343-353 EDN: RVWAYH

Введение

Политическая сфера является важной частью национальной культуры. Британская лингвокультура с её ценностями сдержанности и непрямого выражения оценки создаёт особую коммуникативную среду даже в таких конфронтационных жанрах, как парламентские дебаты. Это делает целесообразным анализ парламентского дискурса сквозь призму категории «недосказанности» (understatement). Так, в британском стиле коммуникации ценится соблюдение дистанции, и прямое воздействие на собеседника считается неприемлемым [Бондарь, 2017а, с. 63]. Для данной лингвокультуры свойственны социальные ритуалы вежливости, не прямые формулировки, тонкая ирония и недосказанность, так называемое *understatement*. Последнее часто становится объектом исследований зарубежных и российских специалистов. Феномен *understatement* находит отражение в работах У. Болла, П. Браун и С. Левинсона, К. Фокс и др. [Ball, 1970; Brown, Levinson, 1987; Fox, 2004]. На современном этапе *understatement* рассматривается как концепт [Коваль, 2010; Джиоева 2016; Ананьева, 2023; Подольская, 2023], в роли риторического приема [Мальцева, 2018; Левонтина, 2020], как стереотип поведения [Тезекбаева, 2012], как способ маркирования не прямой коммуникации [Крайник, Россоха, 2012], как категория речи [Власова, 2023] и др.

Также в лингвистический оборот введены различные варианты перевода лексемы *understatement*: недооценка, преуменьшение, недоговоренность, языковая сдержанность, смягчение, недомолвка, умолчание, недосказанность. В данной работе используется вариант перевода *недосказанность* наряду с оригинальным названием, и данное явление рассматривается как коммуникативная категория.

Ранее категория «недосказанность» (understatement) уже изучалась нами как способ выражения имплицитных смыслов и как средство занижения положительных и отрицательных характеристик на примере высказываний, взятых из художественной литературы [Бондарь, 2017б]. В данной работе мы переносим фокус исследования с художественного текста на сферу институциональной коммуникации. С одной стороны, обсуждение политических предпочтений является одной из табуированных тем, так как подобные рассуждения могут стать причиной споров и конфликтов [Бондарь, Новикова, 2014, с. 15]. С другой стороны, в политике, особенно в рамках парламентского дискурса, идут оживленные и довольно острые прения по различным вопросам, построенные на контрасте и критике сторон. Учитывая национальные особенности британской лингвокультуры, где приняты сдержанность высказываний и уважение личного пространства собеседника, представляется интересным рассмотреть степень выражения категории «недосказанность» (understatement) в подчас эмоциональных и резких парламентских выступлениях.

Цель исследования – выделить основные языковые средства выражения категории «недосказанность» (understatement) в высказываниях премьер-министров Великобритании. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: описать основные характеристики парламентского дискурса; рассмотреть особенности британской лингвокультуры и феномена *understatement*; выделить основные языковые средства

выражения категории «недосказанность understatement»); определить функции категории «недосказанность (understatement)» в контексте парламентской коммуникации.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили 505 стенограмм дебатов PMQs (Prime Minister's Questions) – «Вопросы премьер-министру» за последние 15 лет (2010–2025 гг). PMQs – мероприятие, проводимое практически каждую среду в рамках парламентской сессии. Стенограммы выступлений публикуются в официальном отчете – Hansard (Хансард) и доступны на веб-сайте Парламента Великобритании.

При решении задач, определенных в работе, использовались методы дискурсивного анализа (описание характеристик парламентского дискурса, определение функций *недосказанности*), прагматического анализа (исследование интенций говорящего и эффекта, производимого на слушающего) и стилистический анализ (изучение конкретных языковых средств, создающих эффект *недосказанности*). Для отбора материала использовался метод сплошной выборки текста.

Результаты и их обсуждения

Политический дискурс может включать в себя единицы вербальной, невербальной и перформанской коммуникации [Минаева, 2015]. Вербальная коммуникация представлена в виде политических документов, интервью и речей политических деятелей, парламентских дебатов и т.п. Невербальная коммуникация используется при разработке фирменного стиля политических деятелей, партий и государственной символики. Перформанская коммуникация, в свою очередь, охватывает церемонии и ритуалы [Минаева, 2015].

Политический дискурс имеет следующие разновидности: институциональный политический дискурс (политические документы, речи, дебаты, интервью); массмедийный политический дискурс (тексты политической направленности, созданные журналистами); тексты, созданные «рядовыми гражданами», участвующими в политической коммуникации; посвященные политике тексты научной коммуникации [Перельгут, Сухоцкая, 2013, с. 38].

Парламентский дискурс является видом политического дискурса и представляет собой «речевую деятельность, направленную на пропаганду тех или иных ценностей, эмоциональное влияние на население страны и побуждение их к политическим поступкам, используется для формирования общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях плюрализма в обществе» [Ужаринская, 2023, с. 88]. О.В. Куликова акцентирует внимание на основной функции парламентской коммуникации – оказании воздействия и убеждении [Куликова, 2021, с. 559].

Характерные черты парламентского дискурса:

- 1) формальность и регламентированность;
- 2) наличие фиксированных и повторяющихся моделей общения;
- 3) диалогичность;
- 4) использование риторических конструкций;
- 5) контекстуальная обусловленность [Ширяева и др., 2020, с. 23].

Парламент Великобритании, будучи одним из старейших парламентов мира, является составной частью политической культуры британского общества. При этом исторически работа в палате общин построена на яркой конфронтации правящей партии и оппозиции. Некоторые исследования показывают, что сами представители британской лингвокультуры находят парламентские дебаты агрессивными, шумными, «выходящими за рамки приличия», так как у участников дебатов преобладают прямые и усиленные высказывания [Головина, 2019].

Так, например, слова действующего премьер-министра Кира Стармера в дебатах с оппозиционной партией консерваторов направлены на открытое обвинение: *This Government were elected to clear up the mess left by the Conservative party, and to bring the change that the country desperately needs*¹. – «Данное правительство было избрано, чтобы устранить беспорядок, который оставила за собой Консервативная партия, а также чтобы принести перемены, в которых так отчаянно нуждается страна» (здесь и далее перевод наш. – О. Б.). Используя инфинитивные формы *to clear up* и *to bring the changes*, говорящий подчеркивает важность целей правительства: восстановить, улучшить, дать надежду. Усиливает этот эффект и стилистически окрашенное наречие *desperately* (отчаянно). При этом словосочетание *the mess left by the Conservative Party* принижает и обесценивает 14-летнюю работу оппонентов, так как лексема *mess* (беспорядок, бардак) обладает резко негативной коннотацией, объединяющей в себе хаос, некомпетентность и последствия плохого управления.

В ходе PMQs премьер-министр обязан отвечать на вопросы, касающиеся политики, экономики, социальной сферы и международных дел, что способствует прозрачности и подотчетности правительства перед парламентом и обществом. Формат PMQs предполагает, что вопросы задаются по очереди, иногда с комментариями (что нарушает регламент) или уточняющими репликами, а ответы часто (но не обязательно) сопровождаются аргументацией и объяснениями. Важной особенностью является то, что PMQs служит не только для получения информации, но и для политической борьбы: оппозиция и другие депутаты используют этот формат для критики политики правительства, выражения своих позиций и привлечения внимания к проблемам.

Кроме того, PMQs имеет общественную значимость, так как транслируется по телевидению и в интернете, что позволяет широкой аудитории следить за политическими дебатами и видеть, как представители власти отвечают на вопросы граждан и коллег. В целом это важный инструмент парламентского контроля, публичной дискуссии и формирования политического мнения в стране.

На основе анализа материалов парламентских выступлений премьер-министров нами были выделены 213 высказываний, выражающих проявление категории «недосказанность» (understatement). Итак, рассмотрим некоторые примеры.

При обсуждении острого вопроса о нахождении британских войск на территории Афганистана, премьер-министр Дэвид Кэмерон (2010-2016) сказал: *It might be possible to bring some of our troops home next year*². – «Вероятно, в следующем году возможно будет вернуть некоторые наши войска домой».

Вопрос вывода войск из Афганистана очень сложный и со множеством нюансов, однако премьер-министр использует мягкую формулировку. Во-первых, предложение является безличным за счет конструкции с местоимением *it* и использования инфинитивов. *It* в данном случае выступает в роли формального подлежащего и не переводится на русский язык. Таким образом, в предложении нет конкретного лица, на которое возлагается ответственность за выполнение действия, о нём умалчивают и выводят из контекста. Во-вторых, типичными средствами реализации категории «недосказанность» (understatement) являются модальные модификаторы, которые позволяют говорящему смягчить свою позицию, уменьшить эмоциональную окраску высказывания, сделать его более нейтральным [Бондарь, 2017б, с. 70]. В данном предложении таких модификаторов несколько: это модальный глагол *might*, прилагательное *possible* и местоимение *some*. Такие средства выражают предположение, они указывают лишь на возможность совершения

¹ House of Commons Official Report. Parliamentary Debates. 04.09.2024, С. 8

² House of Commons Official Report. Parliamentary Debates. 08.12.2010, С. 9

этого события, а не на факт, что это точно произойдет. Модификатор *some* обозначает неопределенное количество, речь не идет о полном выводе войск, а лишь о части из них, что снова снижает масштаб утверждения. Наконец, словосочетание *to bring home* является своего рода эвфемизмом для формального выражения *вывод войск*, вызывающего ассоциации с поражением и отказом от военной операции. Фраза *bring home* (досл. *привести домой*) акцентирует внимание на заботе о солдатах, безопасности, возвращении к семьям, а не на военных аспектах, которые могут провоцировать неприятные и тревожные ощущения.

Таким образом, комбинация рассмотренных средств делает утверждение менее жестким. Премьер-министр избегает прямых обещаний и однозначных заявлений, не берет на себя ответственность за выполнение этих действий и оставляет возможность адаптировать свои заявления под изменяющуюся ситуацию без потери доверия коллег и граждан. В данном примере *understatement* выступает как средство «сохранения лица»: говорящий отвечает на поставленный вопрос, но при этом избегает категоричных заявлений. Н.Б. Мальцева утверждает, что *understatement* в подобном контексте может служить основой для манипулятивных тактик политиков [Мальцева, 2018, с. 531].

Приведем высказывание премьер-министра Бориса Джонсона (2019-2022), которое может послужить примером нежелания отвечать на вопрос оппонента. *I am grateful to the hon. Lady, and I can tell that I will be coming to that matter – and, I think, probably all the matters that hon. Members wish to address – a bit later in my remarks*¹. – «Я благодарен уважаемой даме, и могу сказать, что вернусь к данному вопросу, и, думаю, возможно, ко всем вопросам, которые уважаемые члены парламента хотели бы затронуть, но чуть позже» Словосочетание *a bit later* здесь является ключевым средством выражения недосказанности. В контексте парламентских дебатов, где вопросы могут быть острыми, а ответы ожидаются немедленно, фраза «чуть позже» используется для отсрочки ответа и при этом помогает избежать впечатления, что говорящий совсем отказывается отвечать на вопрос. Среди способов смягчения также можно выделить модальный модификатор выражения субъективного мнения *I think* и наречие вероятности *probably*, которые снижают категоричность высказывания, превращая его в предположение. Таким образом, Б. Джонсон вежливо уклоняется от ответа, сохраняя структуру своего выступления и направляя дебаты в нужное ему русло.

Интересным представляется тот факт, что языковые средства недосказанности могут служить и, наоборот, для призвания собеседника к ответу. Так, при обсуждении вопроса о независимости Шотландии Б. Джонсон обращается к оппоненту за разъяснением его позиции: *I am not quite clear from that question whether the right hon. Gentleman is in favour of the Union or not*². – «Из этого вопроса мне не совсем ясно, поддерживает ли уважаемый господин единый союз или нет». Здесь можно выделить еще одно распространенное средство выражения категории «недосказанность (*understatement*)» – наречия-модераторы, такие как *rather, pretty, fairly, quite* (*довольно, достаточно, немного, в некоторой степени*). Эти средства также называют *деинтенсификаторами, минимизаторами* или *смягчителями тона* [Ивушкина, Власова, 2005, с. 104]. По мнению У. Болла, со временем эти фразы превратились в разговорные клише и часто применяются в речи [Ball, 1970, p. 205]. Так, в примере выше можно увидеть наречие *quite*, которое действует как смягчающее средство, а также может создавать эффект скрытой иронии. Становится ясным, что истинная цель высказывания – не получение информации, а публичная дискредитация позиции собеседника. Премьер-министр имплицитно обвиняет оппонента в непоследовательности

¹ House of Commons Official Report. Parliamentary Debates. 30.10.2019, С. 20

² House of Commons Official Report. Parliamentary Debates. 16.09.2020, С. 10

или намеренной двусмысленности. Таким образом, недосказанность служит здесь для создания коммуникативной ловушки: она вынуждает адресата оправдываться, что в контексте публичного противостояния подрывает его имидж. Следовательно, адресант – Борис Джонсон – вновь демонстрирует свой контроль над повесткой обсуждения, не прибегая при этом к открытой агрессии.

Ироничный подтекст носит и высказывание премьер-министра Риши Сунака (2022–2024) в диалоге с лидером Шотландской национальной партии Яном Блэкфордом. Последний выступает против выхода Великобритании из ЕС и обвиняет партии консерваторов и лейбористов в экономическом кризисе. Напомним, что в январе 2021 года Великобритания внедрила новую иммиграционную систему, что ознаменовало прекращение свободного передвижения людей между Великобританией и Европейским союзом, в том числе с целью работы. Риши Сунак приводит примеры положительного влияния Брексита на экономику и при этом допускает косвенную критику своего главного оппонента – лидера Лейбористской партии: *I agree with the right hon. Gentleman about the slight dexterity of the Leader of Opposition on the topic of free movement, and I know he will join me in reminding the Leader of the Opposition of his promise to defend the free movement of people, which is no t something we support*¹. – «Я согласен с уважаемым господином относительно некоторой гибкости лидера оппозиции в вопросе свободного перемещения граждан, и я знаю, что он вместе со мной может напомнить лидеру оппозиции об обещании защищать свободное перемещение, которое мы не поддерживаем». Ключевым является употребление словосочетания *slight dexterity*. Прилагательное *slight* (некоторый, незначительный) радикально смягчает потенциально резкую оценку, формально снижая градус критики. Существительное *dexterity* (ловкость, проворство, гибкость) в данном контексте является эвфемизмом. Оно подменяет прямые и негативные номинации, такие как *hypocrisy* (лицемерие) или *inconsistency* (непоследовательность). В формальной обстановке парламентских дебатов прямая и грубая критика третьего лица может быть воспринята как нарушение норм. Категория «недосказанность» (*understatement*) позволяет соблюсти формальные приличия, одновременно нанося острый удар. Таким образом, грубое обвинение трансформируется в изящное, но оттого не менее ясное для аудитории указание на недостаток.

На основе контекстуального анализа более 200 примеров были выделены основные языковые средства выражения категории «недосказанность» (*understatement*) в современном британском парламентском дискурсе, а также функции, выполняемые данной категорией (см. таблицу). Как показано в таблице, наиболее частотными средствами реализации *understatement* в проанализированном корпусе являются модификаторы субъективного мнения (61 высказывание), деинтенсификаторы (46 высказываний) и минимизаторы (42 высказывания). Это подтверждает, что основными функциями *understatement* в PMQs служат смягчение категоричности и уклонение от прямого ответа. Наименее частотны эвфемизмы (18 высказываний) и безличные конструкции (18 высказываний), что говорит об их использовании как специальных риторических приёмов в наиболее конфликтных ситуациях.

Так, функция *understatement* выходит за рамки простой стилистической фигуры, становясь инструментом косвенной агрессии, формирования коалиций и управления имплицитными смыслами. Парламентский дискурс Великобритании, несмотря на свою регламентированность и формальность, отличается высокой степенью конфронтации. Однако даже при наличии категоричности в парламентских дебатах есть место для уклончивых и неоднозначных высказываний.

¹ House of Commons Official Report. Parliamentary Debates. 30.11.2022, С. 9

Языковые средства и прагматические функции категории «недосказанность» (understatement) в высказываниях премьер-министров Великобритании
Linguistic Means and Pragmatic Functions of Understatement in the UK Prime Ministers' Speeches

Группа языковых средств	Типичные маркеры	Кол-во примеров	Доминирующая прагматическая функция	Примеры из корпуса
Модификаторы субъективного мнения	I think, I don't think, <i>I believe, I suppose, I'm afraid, in my view</i>	61 (28%)	Смягчение категоричных высказываний; Скрытое обвинение; Уход от ответа; Сохранение лица	I am afraid that, after 13 years of Labour government, we have not the best cancer outcomes in Europe». I do not think there are any further details I can give. I am afraid that I simply fail to detect any crouton of substance...
Наречия-модераторы (деинтенсиф)	quite, pretty, slightly, fairly, rather, partly	46 (22%)	Ирония; смягчение категоричных высказываний	It is rather curious. It's quite wrong about the pledge on hospitals
Лексичес-кие минимизаторы	A bit, a little, a spot of, just, only	42 (20%)	Замена прямого обвинения; Ирония	I am a little disappointed not to have heard... I am afraid that I must ask him to work a little harder
Модальные глаголы и сослагательное	Would, might, could, should	28 (13%)	Замена прямого обвинения; Сохранение лица; смягчение категоричных высказываний	It might have been a good thing if he had voted. Perhaps the idea of ID cards is slightly different, If I may respectfully suggest that to my right hon. Friend What I would say to the hon. Gentleman is...
Безличные и стадаательные конструкции	It is...that, it seems, it appears, it is said	18 (8,5%)	Уклонение от ответа; Замена обвинения;	It is quite clear that ours is now the party of the NHS
Эвфемизмы		18 (8,5%)	Ирония; Замена прямого обвинения	...to be economical with the truth... ...contain the synthetic indignation of the right hon. Gentleman

Заключение

Парламентские дебаты представляют собой формализованный, регламентированный и диалогический вид институциональной коммуникации, основной функцией которого является воздействие и убеждение. Несмотря на присущую ему прямую конфронтацию и остроту прений, особенно в формате PMQs, этот дискурс существует в рамках строгих процедурных и риторических условностей, что создает специфическое поле для применения косвенных коммуникативных стратегий. Результаты исследования демонстрируют, что для успешного общения в политической сфере необходимы не только ясность и точность высказываний, но и умение управлять своим имиджем, манипулировать вниманием аудитории и создавать условия для взаимопонимания на различных уровнях. Как показало исследование, это становится возможным за счет использования следующих средств выражения категории «недосказанность» (*understatement*): модификаторов субъективного мнения (28% примеров), наречий-модификаторов (22%), лексический минимизаторов (20%), модальных глаголов (13%), безличных конструкций (8,5%), эвфемизмов (8,5%).

Рассматриваемая категория выступает неотъемлемым компонентом британской лингвокультуры, где ценится сдержанность и умение избегать чрезмерных выражений эмоций.

Определение функций категории «недосказанность» (*understatement*) в парламентской коммуникации показало её сложный прагматический потенциал. В политической риторике рассматриваемая категория может служить одним из главных инструментов для создания положительного образа, уклонения от ответа и перевода обсуждения в нужное русло, управления восприятием аудитории, смягчения и дезактивации конфликтных ситуаций и, следовательно, поддержания конструктивного диалога. Также *understatement* выступает средством завуалированной критики и дискредитации оппонента через иронию, намек или смягченную формулировку обвинения.

Настоящая работа значима для понимания современных механизмов политической коммуникации. В эпоху, где каждое слово политика подвергается мгновенному анализу и может иметь серьезные последствия, *недосказанность* становится важным инструментом для балансирования между необходимостью ясного сообщения и дипломатической осторожности. Полученные данные имеют не только теоретическую значимость для лингвистики, но и практическое применение в межкультурной коммуникации, позволяя интерпретировать скрытые смыслы в публичных выступлениях. В качестве перспектив мы рассматриваем увеличение объема корпусов политических текстов и применение метода контент-анализа. Возможным представляется проведение сравнительного анализа высказываний нескольких политических деятелей. Такой подход позволит определить общие тенденции и выявить уникальные особенности в применении коммуникативной категории «недосказанность» (*understatement*).

Список литературы

- Ананьева С.В. 2023. Концепт недосказанности как приглашение к размышлениям в современном художественном тексте. *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*, 27–2: 50–53.
- Бондарь О.А. 2017а. Категория «недосказанность (*understatement*)» в коммуникативном поведении представителей британской, немецкой и русской лингвокультур. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 3–3(69): 62–64.
- Бондарь О.А. 2017б. Категория «недосказанность (*understatement*)» как способ выражения имплицитного смысла. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 3–2(69): 69–71.
- Бондарь О.А., Новикова Л.В., 2014. Роль категории «недосказанность» (*understatement*) в табуированном дискурсе: лингвокультурный аспект (на примере британской, немецкой и русской лингвокультур). В кн.: Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические,

- социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Сборник статей и материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию высшего филологического образования в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (Нижневартовск, 24–25 октября 2013 г.). Под ред. Н.М. Перельгут. Нижневартовск, Издательство Нижневартовского государственного университета: 14–18.
- Власова Е.В. 2023. Understatement – концепт, понятие или категория? *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 1: 27–34. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-27-34
- Головина Н.М. 2019. Парламентские «непарламентские выражения»: речевая агрессия как риторическая стратегия в парламентском дискурсе. *Вопросы психолингвистики*, 3(41): 200–215. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-41-3-200-215
- Джиоева А.А. 2016. Концепты глобального языка: Understatement. *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика*, 3: 40–53.
- Ивушкина Т.А., Власова Е.В. 2005. Недооценка и переоценка в речи современного англичанина: социолингвистический аспект. Волгоград, Перемена, 148 с.
- Коваль О.А. 2010. Концепт «недосказанность» в английской и русской лингвокультуре. Автореф... канд.филол. наук. Москва, 23 с.
- Крайник Л.В., Рассоха М.Н. 2012. Лингвокультурные аспекты непрямой коммуникации (на примере understatement в английском языке). *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*, IV-2(12): 61–67.
- Куликова О.В. 2021. Категория интенциональности в условиях спонтанного речевого взаимодействия (на материале дебатов в британском парламенте). В кн.: Когнитивные исследования языка. Под ред. Н.Н. Болдырева. Вып. 4(47): Методы когнитивной лингвистики: Гордость или предубеждение? Материалы Круглого стола (Москва, 29 октября 2021 г.): посвящается памяти Е.С. Кубряковой. Под ред. О. К. Ирисхановой. Москва, Российская ассоциация лингвистов-когнитологов; Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина: 557–565.
- Левонтина И.Б. 2020. «Understatement» и сарказм: лексикализация риторического приема. В кн.: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы международной конференции «Диалог-2020» (Москва, 17–20 июня 2020 г.). Вып. 19(26). Под ред. В.П. Селегея. Москва, Российский государственный гуманитарный университет: 529–540. DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-529-540
- Мальцева Н.Б. 2018. Understatement как манипуляция: создание положительного политического имиджа. В кн.: Когнитивные исследования языка. Под ред. Н.Н. Болдырева. Вып. 34: Cognition и communicatio в современном глобальном мире. Материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике (Москва, 10–12 октября 2018 г.). Под ред. Л.А. Манерко. Москва, Российская ассоциация лингвистов-когнитологов; Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина: 529–532.
- Минаева Л.В. 2015. Британский парламентский дискурс как культурный феномен. *Преподаватель XXI век*, 3–2: 396–404.
- Перельгут Н.М., Сухоцкая Е.Б. 2013. О структуре понятия «политический дискурс». *Вестник Нижневартовского государственного университета*, 2: 35–41.
- Подольская В.Г. 2023. Understatement в массмедийном политическом дискурсе. В кн.: Язык и коммуникация в контексте культуры. Материалы международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 12 апреля 2023 г.). Ростов-на-Дону, Издательско-полиграфический комплекс Ростовского государственного экономического университета: 141–149.
- Тезекбаева Г.А. 2012. Недомолвка как коммуникативно-прагматическое явление. *Вестник Тюменского государственного университета*, 1: 193–197.
- Ужаринская В.В. 2023. Цитатно-обусловленная речь политиков: анализ британского парламентского дискурса конца XIX-начала XX вв. В кн.: Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Сборник научных трудов. Выпуск 19. Материалы XIX Международной научной конференции (Орёл, 26–27 сентября 2023 г.). Под ред. А.Г. Пастухова. Орёл, Горизонт: 86–95.
- Ширяева Т.А., Триус Л.И., Багиян А.Ю., Черноусова Ю.А., Литвишко О.М. 2020. Парламентский дискурс: социокультурные практики и языковое воплощение. Казань: Бук, 148 с.

- Ball W.J. 1970. Understatement and Overstatement in English. *ELT Journal*, XXIV(3): 201–208.
- Brown P., Levinson S.D. 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 352 p.
- Fox K. 2004. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder&Stoughton, 432 p.

References

- Ananyeva S. V. 2023. The concept of “understatement” as an invitation to reflect in a modern literary text. *Linguistic & Rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects*, 27–2: 50–53 (in Russian).
- Bondar' O.A. 2017a. The Category of «Understatement» in Communicative Behavior of the British, German and Russian Linguistic Cultures' Representatives. *Philology. Theory & Practice*, 3–3(69): 62–64 (in Russian).
- Bondar' O.A. 2017b. Category «Understatement» as a Way of Implicit Sense Expression. *Philology. Theory & Practice*, 3–2(69): 69–71 (in Russian).
- Bondar' O.A., Novikova L.V., 2014. Rol' kategorii «nedoskazannost' (understatement)» v tabuirovannom diskurse: lingvokul'turnyiaspekt (na primere britanskoi, nemetskoi i russkoilingvokul'tur) [The role of the category «understatement» in taboo discourse: a linguistic and cultural aspect (using the example of British, German and Russian linguistic cultures)]. In: *Yugra, Sibir', Rossiya: politicheskie, ehkonomicheskie, sotsiokul'turnye aspekty proshlogo i nastoyashchego* [Yugra, Siberia, Russia: political, economic, socio-cultural aspects of the past and present]. Collection of articles and materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 25th anniversary of higher philological education in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra (Nizhnevartovsk, October 24–25, 2013). Ed. N.M. Perel'gut. Nizhnevartovsk, Publ. Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta: 14–18.
- Vlasova E. 2023. Understatement– concept, notion or category? *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1: 27–34 (in Russian). DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-27-34
- Golovina N.M. 2019. Parliamentary «Nonparliamentary Language»: Verbal Aggressiveness as a Rhetoric Strategy in the Parliamentary Discourse. *Journal of Psycholinguistics*, 3(41): 200–215 (in Russian) DOI: 10.30982/2077-5911-2019-41-3-200-215
- Jioeva A.A. 2016. Global Language Concepts: Understatement. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27, Globalistika i geopolitika*, 3: 40–53.
- Ivushkina T.A., Vlasova E.V. 2005. Nedootsenka i pereotsenka v rechi sovremennogo anglichanina: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Underestimation and Overestimation in the Speech of a Modern Englishman: A Sociolinguistic Aspect]. Volgograd, Publ. Peremena, 148 p.
- Koval' O.A. 2010. Kontsept «nedoskazannost'» v angliiskoi russskoi lingvokul'ture [The Concept of «Understatement» in English and Russian Linguocultures]. Abstract. ... Cand. of Philology. Moscow, 23 p.
- Krainik L.V., Rassokha M.N. 2012. Linguistic-Cultural Aspects of Indirect Communication (Understatements in the English Language). *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, IV-2(12): 61–67.
- Kulikova O.V. 2021. The Category of Intentionality in Spontaneous Speech Interaction (Featuring the Debates in British Parliament). In: *Cognitive studies of language*. Ed. N.N. Boldyrev. Iss. 4(47): Methods of cognitive linguistics: pride or prejudice? Materials of the Round Table (Moscow, October 29, 2021): Dedicated to the memory of E.S. Kubryakova. Ed. O.K. Iriskhanova. Moscow, Publ. Rossiiskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov; Tambov, Publ. Tambovskii gosudarstvennyi uiversitet im. G. R. Derzhavina: 557–565(in Russian).
- Levontina I.B. 2020. “Understatement” and Sarcasm: Lexicalization of a Rhetorical Device. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies]. Proceedings of the international conference «Dialog–2020 [Dialogue–2020]» (Moscow, June 17-20, 2020). Iss. 19(26). Ed. V.P. Selegey. Moscow, Publ. Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet: 529–540. DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-529-540
- Maltseva N.B. 2018. Understatement: Creating a Positive Political Image. In: *Cognitive studies of language*. Ed. N.N. Boldyrev. Iss. 34: Cognition and communication in today's globalised world. Proceedings of the VIII International Congress on Cognitive Linguistics (Moscow, October 10-12, 2018). Ed. L.A. Manerko. Moscow, Publ. Rossiiskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov; Tambov, Publ. Tambovskii gosudarstvennyi uiversitet im. G. R. Derzhavina: 529–532 (in Russian).

- Minaeva L.V. 2015. British Parliamentary Discourse as a Phenomenon of Culture. *Prepodavatel XXI Vek*, 3–2: 396–404 (in Russian).
- Perelgut N.M., Sukhotskaya E.B. 2013. On the Structure of Political Discourse. *Bulletin of Nizhnevartovsk state university*, 2: 35–41 (in Russian).
- Podolskaya V. 2023. Understatement in Mass Media Political Discourse. In: Language and Communication in the Context of Culture. The International Scientific and Practical Conference Proceedings (Rostov-on-Don, April 12, 2023). Rostov-on-Don, Publishing and printing complex of Rostov State University of Economics: 141–149.
- Tezekbaeva G.A. 2012. Nedomolvka kak kommunikativno-pragmaticheskoe yavlenie [The Understatement as a Communicative and Pragmatic Phenomenon]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1: 193–197.
- Uzharinskaya V.V. 2023. Quotation-based Speech of Politicians: Analysis of British parliamentary Discourse of the late 19th – early 20th Centuries. In: Genres and Text Types in Academic and Media Discourse. Collected Papers, Vol. 19. Materials of the XIX International Scientific Conference (Oryol, September 26–27, 2023). Ed. A.G. Pastukhov. Oryol, Publ. Gorizont: 86–95.
- Shiryayeva T.A., Trius L.I., Bagiyan A.Yu., Chernousova Yu.A., Litvishko O.M. 2020. Parlamentskii diskurs: sotsiokul'turnye praktiki i yazykovo voploshchenie [Parliamentary Discourse: Sociocultural Practices and Linguistic Embodiment]. Kazan, Buk, Publ. 148 p.
- Ball W.J. 1970. Understatement and Overstatement in English. *ELTJournal*, XXIV(3): 201–208.
- Brown P., Levinson S.D. 1987. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 352 p.
- Fox K. 2004. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder&Stoughton, 432 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.02.2026

Received February 05, 2026

Поступила после рецензирования 24.03.2026

Revised March 24, 2026

Принята к публикации 07.06.2026

Accepted June 07, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бондарь Ольга Александровна, старший преподаватель кафедры филологии, лингводидактики и перевода, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия.

Olga A. Bondar, Senior lecturer of the Department of Philology, Language Education and Translation Studies, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.

УДК 811.134.2
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-354-367
EDN VVOEHL

Языковые механизмы эвфемизации смерти в испаноязычном дискурсе: лингвокогнитивный и социокультурный аспекты

¹ Инчаурральде-Бесга К., ² Родченко А.В.

¹ Государственный университет аэрокосмического приборостроения
Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А

² Дипломатическая академия МГИМО Министерства иностранных дел РФ
Россия, 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

inchaur@mail.ru; arodchenko@yandex.ru

Аннотация. Исследование языковой репрезентации табуированных концептов, в частности концепта смерти, дает ключ к пониманию культурных кодов, способов смягчения в коммуникации и глубинным установкам коллективного сознания. Несмотря на интерес к механизмам эвфемизации в испаноязычных культурах, комплексный анализ номинаций смерти, основанный на сочетании корпусных данных, опроса носителей и когнитивных теорий, ранее не проводился. Целью данной работы является выявление и систематизация основных когнитивных моделей, лежащих в основе эвфемистических обозначений смерти в испанском языке. Исследование опирается на методологию когнитивной лингвистики, включая концептуальный и корпусный анализ, анкетирование носителей из семи испаноязычных стран. В результате анализа корпуса из 212 единиц были выделены ключевые метафорические модели (смерть как путешествие, отдых, утрата), определены наиболее продуктивные из них, и представлено их количественное распределение. Полученные данные вносят вклад в развитие теории языковой концептуализации, расширяют понимание механизмов эвфемизации и могут быть использованы в преподавании лингвистических дисциплин, межкультурной коммуникации и практике перевода.

Ключевые слова: табу, эвфемизмы, языковая картина мира, испанский язык, когнитивные модели, концептуальные метафоры, лингвокультурная специфика

Для цитирования: Инчаурральде-Бесга К., Родченко А.В. 2026. Языковые механизмы эвфемизации смерти в испаноязычном дискурсе: лингвокогнитивный и социокультурный аспекты. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 354–367. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-354-367 EDN: VVOEHL

Euphemistic Representation of Death in Spanish: Cognitive Models and Sociocultural Aspects

¹ Carlos Insaurrealde-Besga, ² Anna V. Rodchenko

¹ State University of Aerospace Instrumentation

67A Bolshaya Morskaya St., Saint Petersburg 190000, Russia

² Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
53/2 Ostozhenka St., building 1, Moscow 119021, Russia

inchaur@mail.ru; arodchenko@yandex.ru

Abstract. The study of the linguistic representation of tabooed concepts, particularly the concept of death, is a significant area of research in modern linguistics, as it provides insights into cultural codes,

communication mechanisms, and the underlying attitudes of collective consciousness. Despite the interest toward the study of euphemization mechanisms in Spanish-speaking cultures, a comprehensive analysis of death nominations based on the integration of corpus data, native speaker surveys and contemporary cognitive theories had not been conducted previously. The aim of this work is to identify and systematize the main cognitive models underlying the euphemistic designations of death in Spanish. The study relies on the methodology of cognitive linguistics, including conceptual analysis, corpus analysis, and questionnaires to native speakers from seven Spanish-speaking countries. As a result of the analysis of a corpus of 212 units, some key metaphorical models (death as a journey, rest, loss) have been observed, the most productive of them are determined and their quantitative distribution is presented. The obtained data contribute to the development of the theory of linguistic conceptualization, expand the understanding of euphemization mechanisms, and can be used in the teaching of linguistic disciplines, intercultural communication, and translation practice.

Keywords: taboos, euphemisms, linguistic worldview, Spanish language, cognitive models, conceptual metaphors, cultural specificity

For citation: Insaurralde-Besga C., Rodchenko A.V. 2026. Euphemistic Representation of Death in Spanish: Cognitive Models and Sociocultural Aspects. *Issues in Journalism Education, Linguistics*, 45(2): 354–367 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-354-367 EDN: VVOEHL

Введение

В западных обществах вербализация феномена смерти и сопряжённых с ним понятий сохраняет статус одного из наиболее устойчивых табу, находящегося в одном ряду с такими сферами, как сексуальные отношения, некоторые физиологические процессы, непрестижные профессии, проблемы неравенства и инвалидность. Для значительной части социума эта тема остаётся областью повышенной коммуникативной чувствительности, в которой прямая номинация, как правило, избегается. Генезис этого архаического табу, с одной стороны, обусловлен страхом перед неизвестным и неподконтрольным [Allan, Burrige, 2006], а с другой – регламентирован социальными нормами, предписывающими в контексте утраты соблюдение риторической сдержанности как формы уважения к скорбящим.

Концепт СМЕРТЬ как многокомпонентная структура представляет собой одну из наиболее древних эвфемизируемых категорий в языках мира, порождая широкий спектр обозначений смерти - от метафор и метонимий (наиболее традиционных и привычных) до других языковых и даже неязыковых средств (жесты, мимика). Феномен эвфемии, как известно, относится к языковым универсалиям и является одним из важнейших средств обеспечения эффективной коммуникации. С точки зрения когнитивной лингвистики эвфемизация определяется как способ концептуальной деривации, который направлен на нейтрализацию исходной отрицательной характеристики (в другой терминологии «стигмы» [Бердова, 1981, с. 27]), ассоциированной с первичным знанием (и прежде всего с его вербализацией) [Болдырев, 2018, с. 192]. Барридж [Burrige, 2004] отмечает, что самые сильные табу приводят к появлению более богатого и сложного языка. В коммуникативной практике с целью смягчения или полного избегания мрачных коннотаций, связанных со смертью, говорящие сознательно выбирают косвенные номинации, среди которых наиболее распространены метафорические выражения (например, «уйти» или «уснуть»), используя эвфемизмы (из греч. εὐφημισμός < εὐ-φίμω, глагол, употреблявшийся в двух основных значениях «произносить слова с добрым предзнаменованием» и «воздерживаться от произнесения слов с дурным предзнаменованием» [Греческо-русский..., 1894]) в качестве средства вежливости. Однако эти языковые средства не являются простыми субститутами, а показывают, как общества концептуализируют запретное.

Анализ эвфемизмов, связанных со смертью, даёт возможность реконструировать культурные установки, формирующиеся вокруг этого наиболее табуированного события в человеческой жизни. Подобные языковые единицы выполняют не столько функцию

«сокрытия» денотата, сколько выступают в роли лингвокультурных маркеров, воплощающих коллективные ценности, глубинные, часто архетипические страхи и имплицитные нормативные модели. Табуирование прямых номинаций смерти, универсальное и вневременное по своей природе, и сегодня продолжает влиять на коммуникацию, оставаясь неиссякаемым ресурсом для развития языка.

Образный язык является наиболее распространённой формой обращения к смерти в различных культурах, жанрах и типах речи. Метафоры смерти можно рассматривать как когнитивно-культурные схемы, которые помогают человеку осознать неизбежность посредством знакомых образов. Эти метафоры не только украшают речь, но и формируют само восприятие смерти. В зарубежной лингвистике эта проблематика получает разностороннее освещение. Х. Эрреро Руис на материале сказок показывает, что метафоры смягчают восприятие смерти, связывая её с повседневным человеческим опытом [Herrero, 2007]. Д. Джеймет на примере американского сериала «Клиент всегда мёртв» анализирует, как эвфемизмы помогают «переизобрести» реальность смерти и сделать её психологически переносимой [Jamet, 2010]. И. Креспо-Фернандес в более ранней работе на материале викторианских текстов доказывает, что фигуральная речь отрицает конечность смерти и утешает скорбящих, облегчая восприятие табуированной темы [Crespo-Fernandez, 2013]. В более позднем исследовании, посвящённом 174 эпитафиям английского кладбища в Малаге (Испания), этот же автор на основе количественного анализа выявляет шесть основных метафорических моделей (ОТДЫХ, ПОКОЙ, НОВАЯ ЖИЗНЬ, ПУТЕШЕСТВИЕ, ПОТЕРЯ, РАЗЛУКА). Установлено, что 91,66% метафор имеют положительную коннотацию и служат для утешения скорбящих, тогда как негативные модели (ПОТЕРЯ, РАЗЛУКА) немногочисленны [Crespo-Fernández, 2023]. М. Кучок в контрастивном корпусном исследовании американского английского и польского языков выявляет, какие концептуальные метафоры являются наиболее распространёнными, а какие – редкими, объясняя различия культурными факторами [Kuczok, 2016]. П. Хейндерикс с коллегами анализируют онлайн-некрологи профессиональных спортсменов и приходят к выводу, что в этом жанре наряду с традиционными метафорами появляются оригинальные образы, помогающие справиться с травмой утраты [Heynderickx, Dieltjens, 2019]. В другом совместном исследовании, посвящённом диахроническому анализу надгробных эпитафий с бельгийских кладбищ, обнаружено, что в этой жанровой нише по-прежнему избегают прямых номинаций смерти, а доминируют метафоры с положительной коннотацией [Heynderickx, Dieltjens, 2021].

Русскоязычные исследования охватывают широкий спектр языков и культур. В работе О.С. Чесноковой на материале мексиканского национального варианта испанского языка показано, что смерть здесь не табуирована, а, напротив, «завораживает» носителей: она получает множество игровых и гротескных номинаций (*calaca, dientona, pelona*), а её персонификация становится частью национального праздника Дня мёртвых [Чеснокова, 2004]. У.Г. Гусейнова реконструирует древнетюркскую модель смерти: смерть понимается как «улетание» души (глагол *иç-*), причём душа трёхсоставна (*тын, кут, сюр*), а сам переход связан с вертикальным членением мира (верхнее небо – средний мир людей – нижняя земля) [Гусейнова, 2015]. Е. Середа анализирует английские фразеологизмы смерти и выделяет несколько универсальных метафорических моделей: смерть как сон, как уход со сцены, как пересечение барьера, а также отмечает эталонные сравнения (*as dead as a doornail*) [Середа, 2015, с. 162–165]. Е.И. Алещенко и Ю.Г. Фатеева сопоставляют традиционный фольклорный образ смерти (антропоморфное существо – старуха с косой) с её профессиональным восприятием в языковой картине мира врача. На материале художественных произведений, написанных медиками, авторы показывают, что врачи избегают прямой персонификации смерти, заменяя её метонимиями (остановка дыхания, потеря пациента, «отпустить»). Смерть для врача – не таинственный враг, а регулярный профессиональный опыт, что приводит к десакрализации образа (бытовые детали, сниженная лексика) и к формированию пограничного состояния «присутствия-отсутствия»,

в котором врач постоянно балансирует между жизнью и смертью [Алещенко, Фатеева, 2021]. А.Р. Тазранова на материале алтайского языка выявляет ядерные и периферийные средства репрезентации смерти: базовая лексема *өлүм*, эвфемизмы ухода (*јана берген* ‘вернулся домой’), прекращения дыхания (*тыны чыккан*) и противопоставление «лёгкой» (достойной) и «тяжёлой» (грешной) смерти [Тазранова, 2021, с. 36–38]. Н.М. Монгуш в сопоставительном исследовании тувинского, халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков делит эвфемизмы смерти на три стилистические группы: возвышенные (буддийские – перерождение, обретение бурхана), нейтральные (небытие, истечение срока жизни, прекращение дыхания) и сниженные (грубые, дисфемизмы). Общим для тюркских и монгольских языков оказывается представление о смерти как о «возвращении домой» или «отправлении в страну богов» [Монгуш, 2024].

Таким образом, проведённый обзор показывает, что, несмотря на устойчивый интерес исследователей и многообразие подходов, существующие работы носят, как правило, либо лексикографический характер (фиксация отдельных номинаций), либо ограничены рамками одного национального варианта. Комплексное исследование когнитивных моделей испанских номинаций смерти, сочетающее данные корпусной частотности, анкетирование носителей из разных испаноязычных стран и когнитивный инструментарий (теории воплощённого познания, концептуальной и намеренной метафоры), до сих пор не проводилось. Настоящая работа призвана заполнить этот пробел.

Цель исследования – выявить наиболее продуктивные и универсальные для испаноязычных стран когнитивные модели, репрезентирующие умирание (на материале глаголов, глагольных сочетаний и существительных испанского языка).

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составил корпус из 212 единиц – в основном, глаголов и глагольных сочетаний, обозначающих умирание, а также ряда сопряжённых понятий. Формирование корпуса осуществлялось на основе данных общенациональных лексикографических источников: *Diccionario de la lengua española* (RAE) и *Diccionario de uso del español* (Moliner), а также специализированных исследований, посвящённых региональным вариантам испанского языка – чилийскому, венесуэльскому и кубинскому [Rabanales, 1966–1969; Gómez de Ivashevsky, 1969; Santiesteban, 1982]. Актуальность и узнаваемость собранных номинаций проверялась в ходе анкетирования носителей языка. В опросе приняли участие 19 респондентов – представителей Аргентины, Венесуэлы, Испании, Мексики, Кубы, Уругвая и Чили (пилотная выборка, обусловленная доступностью информантов). Им предъявлялся общий список выражений, составленный на основе указанных источников, с просьбой отметить знакомые единицы. Результаты анкетирования вносились в сводную таблицу, которая также включала данные о частотности употребления каждого выражения по материалам Корпуса современного испанского языка (*Corpus del español*), в частности его раздела NOW (тексты 2012–2019 гг., объёмом 7,3 млрд слов). Это позволило сопоставить субъективную узнаваемость выражений с объективной частотностью их употребления в письменном дискурсе.

В работе использовалась комплексная методика, включающая дескриптивный метод (первичная классификация эвфемизмов), концептуальный анализ (выявление когнитивных моделей), корпусный метод (получение количественных данных о частотности), лингвистическое интервьюирование (анкетирование) с целью оценки узнаваемости выражений носителями языка, а также метод лингвокультурологического комментирования, позволяющий интерпретировать культурно-специфические смыслы. Когнитивный анализ проводился в рамках теорий концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson, 1980], воплощённого познания [Varela 1991, Gibbs 2006] и намеренной метафоры [Steen, 2015].

Метафорическая концептуализация смерти в когнитивной лингвистике

Концептуализация смерти посредством метафор представляет собой универсальный когнитивно-культурный механизм, исторически укоренённый в философской и литературной традициях. Современная когнитивная лингвистика предлагает системный методологический аппарат для анализа этого феномена, рассматривая его не как чисто риторический приём, а как фундаментальный способ мышления, структурирующий наше понимание предельных абстракций. В центре внимания данного исследования находятся ключевые теоретические парадигмы, позволяющие объяснить природу, происхождение и функции эвфемистических метафор смерти в испаноязычном дискурсе: теория концептуальной метафоры, теория воплощённого познания и теория намеренной метафоры.

Основополагающей для настоящей работы является теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson, 1980, 1999]. Согласно этой теории, метафора – это не просто фигура речи, а когнитивный механизм проекции (mapping) структуры более конкретной и эмпирически освоенной исходной области (source domain) на более абстрактную целевую область (target domain). В случае концепта СМЕРТЬ, выступающего целевой областью, в качестве исходных наиболее продуктивно используются сферы, основанные на непосредственном физическом и социальном опыте человека.

Это порождает устойчивые метафорические модели, такие как:

СМЕРТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ / ПЕРЕМЕЩЕНИЕ (например, *irse, pasar a mejor vida*), где опыт пространственного движения проецируется на идею изменения состояния.

СМЕРТЬ – ЭТО СОН / ОТДЫХ (*dormir el sueño eterno, descansar en paz*), основанная на феноменологическом сходстве неподвижности и прекращения активной деятельности.

СМЕРТЬ – ЭТО КОНЕЦ / ПРЕРЫВАНИЕ ПРОЦЕССА (*entregar las herramientas, colgar los guantes*), структурирующая жизнь по аналогии с работой, спортивными состязаниями или механическим функционированием.

Наряду с метафорами, важную роль в концептуализации смерти играет метонимия – когнитивный процесс, основанный на смежности в рамках одной концептуальной сферы. Типичными являются метонимические переносы «часть вместо целого» (например, *exhalar el último suspiro*, где дыхание представляет жизнь) или «следствие вместо причины» (*quedarse tieso*, где физический признак указывает на состояние). Метонимия часто выступает когнитивной основой для последующей метафоризации.

Телесная и сенсорная обусловленность большинства моделей находит объяснение в рамках теории воплощённого познания (embodied cognition) [Varela et al., 1991; Gibbs, 2006]. Этот подход постулирует, что формирование абстрактных понятий, включая концепт смерти, основывается на физическом, сенсорно-моторном и эмоциональном опыте взаимодействия тела с миром. Таким образом, универсальность таких метафор, как СМЕРТЬ – ЭТО ТЕМНОТА (основанная на зрительном опыте и страхе перед неизвестным) или СМЕРТЬ ХОЛОДНА (основанная на тактильном восприятии безжизненного тела), объясняется общностью человеческой телесности. Теория воплощённого познания, однако, не отрицает роль культуры, а рассматривает её как фактор, опосредующий и направляющий этот базовый телесный опыт, придавая ему специфические культурные смыслы (как, например, в мексиканской традиции праздника *Día de los Muertos*).

Для понимания того, как данные когнитивные модели реализуются в реальной коммуникации с конкретной социальной целью, особенно в табуированной сфере, обратимся к теории намеренной метафоры (Deliberate Metaphor Theory), разработанной Дж. Стийном [Steen, 2011, 2015, 2017]. В отличие от автоматизированных, конвенциональных метафор, намеренная метафора представляет собой сознательный коммуникативный акт, при котором говорящий целенаправленно привлекает внимание слушающего к исходной области, чтобы вызвать определённую рефлексивную реакцию или оказать прагматическое воздействие. В контексте эвфемизации смерти этот подход является ключевым: использование метафоры СМЕРТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ в выражении «уйти на небеса» – это не просто замена прямого обозначения, а намеренная стратегия, призванная смягчить травматичность

концепта, представить его как осмысленный переход и оказать эмоциональную поддержку адресату. Теория намеренной метафоры позволяет рассматривать эвфемизмы как сложные речевые действия, выполняющие социальные функции управления эмоциями, соблюдения норм вежливости и формирования культурной идентичности.

Таким образом, интеграция трёх указанных теоретических перспектив: концептуально-метафорической (как мы мыслим смерть), воплощённо-когнитивной (почему мы мыслим её именно так) и интенционально-коммуникативной (с какой целью мы говорим о ней метафорами) – формирует комплексную основу для анализа эвфемистических номинаций. Такой подход позволяет не только классифицировать языковые выражения, но и вскрыть глубинные связи между телесным опытом, культурными моделями и социальным взаимодействием в процессе вербализации одного из ключевых экзистенциальных табу.

Результаты исследования

Анализ исследуемого корпуса позволил выявить ряд метафорических и метонимических моделей, включающих как уже описанные в литературе [Gonzalez, 2019; Crespo-Fernández, 2023], так и впервые установленные в данном исследовании:

1. УМЕРЕТЬ = ПЕРЕМЕСТИТЬСЯ

1.1. Выражения, связанные с идеей *irse* ‘уходить’ и всего, что ее описывает (как, куда и т. д.): *irse de viaje*, *irse en un bote de cuatro velas*, *irse en la bicicleta de palo*, *irse en la caravana de los muertos*, *irse de espaldas al loro*, *irse para el reparto bocarrriba*, *irse para la heladera*, *irse para la fiambarrera*, *irse para el fundo de las cruces*, *irse para los palos blancos*, *irse a veranear a Las Cruces*, *liar el petate* (здесь используется вторичная метафора – мы собираем вещи, чтобы отправиться в путешествие).

1.2. Выражения, подчеркивающие идею «без возврата»: *irse para no volver*, *sacar pasaje de ida sin regreso*, *emprender un viaje sin retorno*, *mudarse para Zapata y Doce* (адрес кладбища в Гаване).

1.3. Выражения, связанные с путешествием в другой мир: *irse al otro mundo*, *irse al cielo*, *irse al paraíso*, *irse al infierno*, *irse para el más allá*, *irse para la tierra santa*, *irse en la caravana de los muertos*, *irse para Tierra de Jugo*, *irse para la Avenida de la Paz*.

В этой же группе – другие глаголы движения со значением передвижения и выражающие идею перемещения души в иной мир: *volver al seno del Señor*, *se lo llevó Dios*, *pasar a mejor vida*, *pasar a otro mundo*, *pasar al otro barrio*, *pasar para tierra fresca*, *despegar*, *raspar* (переместиться вверх), *irse abajo*, *caer*, *sucumbir* (переместиться вниз)

Особый случай – пройти пустошь, как границу между мирами:

pasar el páramo en chanchetas, *pasar el páramo en escarpines*, *pasar el páramo en calzoncillos*, *pasar el páramo en paños menores*, *pasar el páramo en alpargatas*.

2. УМЕРЕТЬ = ОТДОХНУТЬ

2.1. СМЕРТЬ = СОН: *dormir el sueño eterno*, *dormir el sueño de los justos*, *dormir en el Señor*, *echar el sueñito definitivo*, *dormirse en la paz del Señor*, *dormir en paz*, *ponerse el pijama de madera* (вторичная метафора).

2.2. СМЕРТЬ = ПОКОЙ: *descansar en el Señor*, *último reposo*.

3. УМЕРЕТЬ = ИСЧЕЗНУТЬ

3.1. *desaparecer*, *dejar de existir*, *no estar con alguien*, *abandonar a alguien*, *dejar a alguien*, *irse del aire*.

3.2. Вариант из этой группы УМЕРЕТЬ = ПОПРОЩАТЬСЯ: *decir adiós a la vida*, *decir adiós para siempre*.

4. УМЕРЕТЬ = ПОТЕРЯТЬ

4.1. Непреднамеренная потеря:

4.1.1. Потеря собственной жизни: *perder la vida*, *abandonar la vida*

4.1.2. Потеря умершего: *perder a alguien*

- 4.2. Преднамеренная потеря («отдать жизнь»): *entregar la vida, dar la vida*
5. УМЕРЕТЬ = ОКОНЧИТЬ (КАКОЙ-ТО ПРОЦЕСС)
- 5.1. ОКОНЧИТЬ РАБОТУ: *entregar las herramientas.*
- 5.2. СДАТЬ ДЕЛА, РАСПЛАТИТЬСЯ С ДОЛГАМИ: *entregar los vales, pagar todas las deudas, entregar los papeles, entregar los corotos, entregar la guardia, colgar el sable, vender el carro.*
- 5.3. Несколько выражений пришли из спортивной сферы (бокса): *tirar la toalla, colgar los guantes.*
- 5.4. Другие выражения с явной идеей завершения или прерывания процесса: *cerrar el paraguas, quedar en la página dos, darse de baja de la libreta.*
- 5.5. В этом же разделе выделяются метафоры, отражающие идею неработающего / сломанного устройства: *se le fue la luz, se le fue la corriente, se le quemaron los tapones, se le acabaron las pilas, se fundió como una lámpara, acabársele la cuerda, romperse.*
6. Многочисленная группа выражений включает метонимии и метафоры, отождествляющие смерть с состоянием тела или частей тела умершего:
- 6.1. Физиологические процессы в теле умершего: «вытягиваться», «окоченеть» и пр.: *quedarse tieso, quedarse orgulloso, quedarse indiferente, quedarse maquillado, quedarse almidonado, (quedarse) con los pies para adelante, quedarse horizontal, quedarse fiambre (вторичная метафора).*
- 6.2. Изменения (прекращение) дыхания: *cortársele el resuello, exhalar el último suspiro, se le olvidó respirar.*
- 6.3. Различные движения ногами (варианты – *pierna, pata, anca*): *estirar la pata, estirar las piernas, estirar las ancas, parar la pata,, torcer la pata.*
- 6.4. Процессы, происходящие с глазами или зубами: *cerrar el ojo (los ojos), pelar el ojo, revirar el ojo, pelar el diente (los dientes).*
- 6.5. К этой же группе относятся выражения, включающие вторичные метафоры со значением частей тела («хвост», «подковы», «копыта») и имеющие явный ироничный характер: *parar las hediondas, parar las ojotas, parar las chalalas, parar los mocasines, parar las herraduras, estar viéndose el dedo grande, templar el cacho, doblar el cacho, encogérsele el rábano, estirar el rabo, torcer el cacho.*
7. Несколько выражений связаны с процессом погребения, подготовкой к нему, а также его последствиями:
- 7.1. Метафора надевания деревянного «костюма»: *ponerse el traje de madera, ponerse el perno de madera, ponerse el mameluco de madera.*
- 7.2. Различные поминальные обычаи: *tomar café con cachitos, hay ternera (vaca muerta), nos dejó el guayo.*
- 7.3. То, что происходит с телом после погребения (с оттенком иронии): *estar oloroso las flores por al raíz, estar criando malvas, podrirse en conserva.*
8. Другие действия (которые активируют другие метафоры). Эти выражения имеют ярко выраженный локальный характер, зачастую непонятны представителям других испаноязычных стран и не фиксируются Корпусом: *guindar la cucharilla (Вен.), pegar (dar) el salto del tordito (Вен.), mascar la cabulla (Вен.), darle la vuelta al cacho y al perolito (Вен.), irse de espaldas el loro (Чили), darle la patada a la lata (Куба), darle la patada al testero (Куба).*
9. Синонимы глагола *morir*, этимологически восходящие к эвфемизмам: *fenecer, perecer, acabarse, fallecer, expirar, finar, espichar* (так, *fallecer* – самый частотный синоним, происходит из латинского *fallère* ‘обмануть, разочаровать, не оправдать надежд’)
10. Персонификация смерти. Смерть традиционно описывается через образ женщины (чаще – уродливой старухи), приходящей к умершему и уносящей его душу. Чаще всего в качестве эвфемистической номинации выбирается прилагательное (одна из характеристик метафорического образа), субстантивированное при помощи определенного артикля женского рода: *la Pelada (la Pelá), la Flacuchenta, la Huesuda (Huesúa, Güesúa), la Pálida; la*

Cachúa, la Rabona, la Huesuda, la Garabatuda (la Garabatúa), la Uñona; la Pelona, la Guadaña. В Венесуэле фиксируются также номинации *el Aruñón* (от глагола *aruñar*, диалектного варианта общеиспанского *arañar*), в этом случае мужской род обусловлен предположительно тем, что «инструментом» смерти становится сам дьявол, уносящий душу грешника (аналогично номинация *la Cachúa* образована от *el Cachuo* – ‘дьявол’); имя собственное *Gabriela* (диалектное *Grabiela*), иногда употребляемое вместе с вежливой формой обращения *ña* (афerezис от *doña*) (в Гватемале и Гондурасе в том же значении используется имя собственное *Pascuala*). В последнем случае налицо поляризация значения, вызванная довольно распространенным в различных культурах представлением о том, что действия недобрых сил нейтрализуются, если их имена заменять словами с позитивной окраской, тем самым «задабривая» их. Персонификация образа смерти осуществляется также при помощи существительного с довольно широким значением *bicha* в составе устойчивого оборота *la bicha aquella* и субстантивированного придаточного определительного *la que no perdona*. Все пречисленные номинации обычно выступают в роли субъекта с глаголами *acercarse, llegar, venir, visitar, llevar, acabar (con alguien)*. Примеры: *Le llegó a fulano la Huesuda. Cualquier día nos lleva la Rabona. La bicha aquella está acabando con la población.* Наиболее популярным эвфемизмом в этой группе номинаций, а следовательно, и наиболее характерной чертой образа смерти в представлениях коллективной языковой личности в большинстве национальных вариантов является номинация *la Pelada* (или апокопа *Pelá*) / *la Pelona*. А. Рабаналес связывает это с традициями изображения смерти в виде человеческого скелета в белом саване с косой в руках [Rabanales, 1966–1968, p. 144].

Некоторые номинации занимают промежуточное положение. Например, *hacer (emprender) el último viaje* может ассоциироваться как с перемещением души (Ср. *irse de viaje, emprender el viaje sin retorno*), так и с похоронами (ср. русск. «проводить в последний путь»); чилийское выражение *irse a veranear a Las Cruces* имеет тройную ассоциацию (*Las Cruces* – название курорта, следовательно, здесь присутствует идея как перемещения души, так и идея отдыха; с другой стороны, внутренняя форма названия *Las Cruces* прочно связана с образом кладбища). Другой чилийский оборот *irse para la Avenida de la Paz* происходит от названия улицы, ведущей на кладбище, а с другой стороны слово *paz* ассоциировано с идеей упокоения души (см. таблицу).

Распределение выражений по когнитивным моделям (n = 212 единиц)
 Distribution of expressions by cognitive models (as a percentage of the total 212 units)

Модель	Количество, n (%)
1. УМЕРЕТЬ = ПЕРЕМЕСТИТЬСЯ	57 (26,9)
2. УМЕРЕТЬ = ОТДОХНУТЬ / УСНУТЬ	12 (5,7)
3. УМЕРЕТЬ = ИСЧЕЗНУТЬ (ПОПРОЩАТЬСЯ)	9 (4,2)
4. УМЕРЕТЬ = ПОТЕРЯТЬ	8 (3,8)
5. УМЕРЕТЬ = ОКОНЧИТЬ ПРОЦЕСС	37 (17,5)
6. Метонимии и метафоры, связанные с телом	37 (17,5)
7. Погребальные	12 (5,7)
8. Локальные, диалектные	11 (5,2)
9. Синонимы глагола <i>morir</i>	14 (6,6)
10. Персонификация смерти	15 (7,1)

Таким, образом, можно сделать вывод о том, что наиболее продуктивной моделью является ПЕРЕМЕЩЕНИЕ (26,9% всех единиц), что подтверждает универсальность метафоры «смерть — это путешествие». На втором месте модели ОКОНЧАНИЯ ПРОЦЕССА и ТЕЛЕСНЫЕ модели (по 17,5%). Наименее частотны модели ИСЧЕЗНОВЕНИЯ и ПОТЕРИ (4,2% и 3,8% соответственно).

Анализ результатов анкетирования показал, что всеми респондентами были признаны известными 19 выражений. Ниже приводится список в алфавитном порядке, в скобках указано количество упоминаний в Корпусе испанского языка в форме инфинитива, а также 3 лица единственного и множественного числа (суммировано):

1. Cumplir la voluntad de Dios (67)
2. Decir adiós para siempre (126)
3. Dejar de existir (более 10 000, но не только в значении «умереть»)
4. Dormir el sueño eterno (36)
5. Descansar en paz (1 738)
6. Entregar su alma a Dios (23)
7. Estirar la pata (91)
8. Exhalar el último suspiro (16)
9. Fallecer (около 400 тыс., абсолютный лидер)
10. Irse al cielo (3)
11. Irse al infierno (0)
12. Irse al otro mundo (1)
13. Irse al paraíso (0)
14. Irse para el más allá (1)
15. Llegarle la hora (809)
16. Pasar a mejor vida (798)
17. Perecer (18509)
18. Perder la vida (94875)
19. Quedarse tieso (4)

Преобладают когнитивные модели ПЕРЕМЕЩЕНИЯ (6 выражений: *irse al cielo/infierno/otro mundo/paraíso/más allá, pasar a mejor vida*), ОКОНЧАНИЯ (3 выражения: *cumplir la voluntad de Dios, entregar su alma a Dios, llegarle la hora*) и телесные (3 выражения: *estirar la pata, exhalar el último suspiro, quedarse tieso*). Зафиксированы также модели ОТДЫХА / СНА (2), ИСЧЕЗНОВЕНИЯ (2), ПОТЕРИ (1) и синонимы глагола *morir* (2).

Согласно данным Корпуса, по количеству словоупотреблений лидерами оказались синонимы глагола *morir* - *fallecer* и *perecer* и словосочетание *perder la vida*. В основном данные Корпуса коррелируют с данными опроса, хотя некоторые единицы, отмеченные всеми респондентами, упоминаются крайне редко (1–4 раза) либо вовсе не упоминаются. В свою очередь, часто упоминаемые в корпусе *dormir el sueño de los justos* (109) и *producirse el deceso de alguien* (549) отмечены не всеми респондентами.

Значительная часть выражений (68 из 212) не фиксируется Корпусом. Это, прежде всего, единицы с явно выраженной шуточной или ироничной окраской (например, *írsele la corriente a alg.*, *irse en la bicicleta de palo, encogersele el rábano*), а также обороты, содержащие диалектизмы или специфические для того или иного региона реалии (например, *planchar su liquiliqui, guindarse el chinchorro, darse de baja de la libreta, mudarse pa' Zapata y Doce*). Регистрируемые Корпусом более 10000 словоупотреблений выражения *dejar de existir* не могут интерпретироваться как прямое отражение частоты обозначения смерти, поскольку этот оборот широко используется в испанском языке в переносном смысле: «перестать существовать» как явление. Для целей нашего исследования важно, что все опрошенные носители узнают это выражение как эвфемизм понятия «умереть», а количественные данные корпуса в данном случае имеют ограниченную ценность.

Заключение

В результате проведенного исследования в испаноязычной лингвокультуре выделено 10 когнитивных моделей эвфемистических номинаций смерти. Количественный анализ корпуса из 212 единиц показал, что наиболее продуктивной по числу выражений является модель ПЕРЕМЕЩЕНИЯ (57 единиц, 26,9% от общего числа). За ней следуют модели ОКОНЧАНИЯ ПРОЦЕССА (37 единиц, 17,5%) и телесные метонимии/метафоры (также 37 единиц, 17,5%). Наименее частотны модели ИСЧЕЗНОВЕНИЯ (9 единиц, 4,2%) и ПОТЕРИ (8 единиц, 3,8%).

Новизна работы состоит в том, что впервые на основе интеграции словарных данных, анкетирования носителей из семи испаноязычных стран и когнитивного инструментария (теории воплощенного познания, концептуальной и намеренной метафоры) дана систематизация десяти указанных моделей. Продемонстрировано, что доминирующей по числу единиц является модель ПЕРЕМЕЩЕНИЯ, но по частотности в письменном дискурсе (по данным корпуса NOW) лидируют синонимы глагола “morir” *fallecer* (около 400 тыс. вхождений) и *perecer* (18 509), а также модель ПОТЕРИ (*perder la vida* – 94 875). Это расходится с данными предшествующих исследований, в которых акцент делался исключительно на модели ПУТЕШЕСТВИЯ (ПЕРЕМЕЩЕНИЯ). Впервые также проведен сопоставительный анализ узнаваемости эвфемизмов носителями из разных стран, позволивший выявить как универсальные (19 выражений, известных всем опрошенным), так и регионально маркированные единицы.

С когнитивной точки зрения формирование эвфемистических номинаций описывается как результат взаимодействия фундаментальных механизмов концептуализации. Смерть осмысливается не как абсолютный конец, а как изменение состояния: через модели СНА или ОТДЫХА (*dormir el sueño eterno, descansar en paz*), либо как пространственное ПЕРЕМЕЩЕНИЕ (*irse, pasar*). Последняя модель тесно связана с христианской картиной мира, определяющей «направление» этого перемещения (*cielo, infierno, otro mundo*) и его необратимость, обусловленную волей Бога (*cumplir la voluntad de Dios*). Изменение состояния иллюстрируют и выражения, акцентирующие физиологические признаки смерти (*exhalar el último suspiro, estirar la pata*).

Анализ показал, что метафоры смерти формируют устойчивые ментальные модели, многие из которых базируются на телесном опыте и сенсорных ощущениях. Эти концептуальные схемы универсальны, однако их лингвистическая реализация окрашена культурно-специфическими смыслами, отражающими религиозные, исторические и региональные особенности испаноязычного мира.

Представленный корпус, охватывающий 212 выражений, подтверждает богатство и креативный потенциал испаноязычных сообществ в области вербализации смерти. В то же время данные корпуса и анкетирования указывают на наличие расхождений между узальной частотностью и коммуникативной значимостью: 68 единиц (32% от общего числа 212) не фиксируются в Корпусе, однако часть из них обладает высокой степенью узнаваемости носителями языка. Это свидетельствует о преимущественно устной, спонтанной природе подобной лексики.

Ограничения исследования. Следует признать, что анкетирование носило пилотный характер (19 респондентов), а корпусное исследование не охватывает устную речь, где эвфемизмы функционируют активнее. Кроме того, выражение *dejar de existir*, отмеченное всеми респондентами, несмотря на высокую частотность в корпусе (более 10 000), широко используется в переносном смысле («перестать существовать» в широком значении), поэтому его количественные показатели не могут напрямую интерпретироваться как частота обозначения смерти. Это же касается ряда выражений из общего списка,

фиксируемых корпусом не только в значении «умереть» или вовсе не фиксируемых в этом значении (например, *doblar la esquina, emprender un viaje sin retorno, entregar las herramientas, irse para no volver, quedarse indiferente*)

Таким образом, метафорическая репрезентация смерти в испаноязычных культурах предстаёт как сложный, многослойный феномен, в котором переплетаются телесный опыт, культурные традиции, религиозные представления, эмоциональные стратегии преодоления утраты, историческая память, социальное взаимодействие и языковая креативность. Данное исследование вносит вклад в понимание того, как язык не только описывает, но и структурирует восприятие одной из фундаментальных категорий человеческого существования.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на сопоставительный анализ с другими лингвокультурами (а внутри испаноязычных культур - на влияние, в частности, индейского компонента), на выявление нейрокогнитивных механизмов восприятия метафор смерти, а также на более широкое использование возможностей Корпуса испанского языка (включая исторические тексты и художественную литературу). Перспективным представляется расширение эмпирической базы за счёт привлечения более широкой выборки респондентов с учётом возрастных, социальных и региональных отличий. Кроме того, интерес может представлять сравнительный анализ медиадискурса, а также исследование функционирования эвфемизмов в социальных сетях и интернет-коммуникации.

Список источников

- Греческо-русский словарь, составленный Александром Давидовичем Вейсманом, бывшим ординарным профессором Императорского С.-Петербургского историко-филологического института. 1894. Санкт-Петербург, изд. авт., 1370 стб.
- Davies M. The Corpus del Español. URL: <https://www.corpusdelespanol.org/> (accessed: September 9, 2024).
- Diccionario de la lengua española. 2014. Real Academia Española. URL: <http://dle.rae.es/> (accessed: October 5, 2024).
- Moliner R.M. 2009. *Diccionario de uso del español*. Madrid, Gredos. URL: <https://www.intercambiosvirtuales.org/libros-manuales/maria-moliner-diccionario-de-uso-del-espanol-3ra-edicion-2009-version-dvd> (accessed: September 9, 2024).

Список литературы

- Алещенко Е.И., Фатеева Ю.Г. 2021. Концепт «смерть» в языковой картине мира врача: традиции и профессиональная специфика. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 4(157): 118–124.
- Бердова Н.М. 1981. Эвфемизмы в современном немецком языке. Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 230 с.
- Болдырев Н.Н. 2018. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. Под ред. В.З. Демьянкова. Москва, Издательский дом ЯСК, 480 с.
- Гусейнова У.Г. 2015. Концепт «смерть» в древнетюркской языковой картине мира. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*, 5: 100–105.
- Монгуш Н.М. 2024. Эвфемизмы, репрезентирующие значение 'умереть' в тувинском и монгольских языках. *Сибирский филологический журнал*, 4: 215–228. DOI: 10.17223/18137083/89/16
- Середа Е. 2015. Национально-культурная специфика фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «СМЕРТЬ». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 8–2(50): 162–166.
- Тазранова А.Р. 2021. Концепт «смерть» в языковой картине мира алтайцев. В кн.: Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России. Тезисы Всероссийской научной конференции с международным участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов: универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России» (Новосибирск, 11–15 октября 2021 г.). Под ред. Е.В. Тюттешевой. Новосибирск, Академиздат: 36–39.

- Чеснокова О.С. 2004. Концепт «смерть» в мексиканском национальном варианте испанского языка и культуре Мексики. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*, 6: 106–112.
- Allan K., Burrige K. 2006. *Forbidden words: Taboo and the censoring of language*. Cambridge, Cambridge University Press, 314 p.
- Burrige K. 2004. *Blooming English: observations on the roots, cultivation a. hybrids of the Engl. lang.* Cambridge, Cambridge univ. press, 242 p.
- Crespo-Fernández E. 2013. Euphemistic metaphors in English and Spanish epitaphs: A comparative study. *Atlantis. Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies*, 35.2: 99–118.
- Crespo-Fernández E. 2023. The death taboo: Euphemism and metaphor in epitaphs from the English cemetery of Malaga, Spain. *Languages*, 8(3): 215. Doi: 10.3390/languages8030215
- Gibbs R. 2006. *Embodiment and cognitive science*. Cambridge, New York, Cambridge University Press. 337 p.
- Gómez de Ivashevsky A. 1969. *Lenguaje coloquial venezolano*. Caracas, Universidad Central de Venezuela, Instituto de Filología Andrés Bello, 502 p.
- González D.S. 2019. Eufemismos sobre la muerte en el Diccionario de la lengua española y en el Diccionario de uso del español. *Revista Digital Internacional De Lexicología, Lexicografía Y Terminología*, 2(2): 151–170.
- Herrero J. 2007. At the Crossroads between Literature, Culture, Linguistics, and Cognition: Death Metaphors in Fairy Tales. *Revista Española de Lingüística Aplicada (RESLA)*, 20: 59–83.
- Heynderickx P.C, Dieltjens S.M 2021. If cemeteries could talk... A discourse-analytical analysis of epitaphs. *OMEGA - Journal of Death and Dying*, 83(4): 944–957. DOI: 10.1177/00302228198737
- Heynderickx P.C., Dieltjens S.M., Oosterhof A. 2019. The Final Fight: An Analysis of Metaphors in Online Obituaries of Professional Athletes. *OMEGA - Journal of Death and Dying*, 79(4), 364–376. DOI: 10.1177/0030222817715757
- Jamet D. 2010. Euphemisms for Death: Reinventing Reality through Words? Dans le livre: *Inventive Linguistics*. Dir. S. Sorlin. Presses Universitaires du Languedoc et de la Méditerranée: 173–187.
- Kuczok M. 2016. Metaphorical conceptualizations of death and dying in American English and Polish: a corpus-based contrastive study. *Linguistica Silesiana*, 37: 125–142.
- Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 256 p.
- Lakoff G., Johnson M. 1999. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York, Basic Books. 624 p.
- Rabanales A. 1966–1968. Eufemismos hispanoamericanos (Observaciones al libro de Kany). *Revista Portuguesa de Filología*, XIV: 129–155.
- Santiesteban A. 1982. El habla popular cubana de hoy: (una tonga de cubichismos que le oi a mi pueblo). Ed. de Ciencias Sociales, La Habana, 366 p.
- Steen G. 2011. The contemporary theory of metaphor – Now new and improved. *Review of Cognitive Linguistics*, 9(1): 26–64. DOI: 10.1075/rcl.9.1.03ste
- Steen G. 2015. Developing, testing and interpreting Deliberate Metaphor Theory. *Journal of Pragmatics*, 90: 67–72. DOI: 10.1016/j.pragma.2015.03.013
- Steen G. 2017. Deliberate metaphor theory: Basic assumptions, main tenets, urgent issues. *Intercultural Pragmatics*, 14(1): 1–24. DOI: 10.1515/ip-2017-0001
- Varela F.J., Thompson E., Rosch E. 1991. *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA, MIT Press, 336 p.

References

- Aleshchenko E., Fateeva Yu. 2021. Concept “death” in the language world picture of a doctor: traditions and professional specific character. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 4(157): 118–124.
- Berdova N.M. 1981. Eufemizmy v sovremennom nemetskom yazyke [Euphemisms in the modern German language]. Dis. ... Cand. Philol. Sciences. Kyiv, 230 p.
- Boldyrev N.N. 2018. *Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language*. Ed. V.Z. Demyankov. Moscow, Izdatel'skii dom YASK, 480 p. (in Russian).
- Guseynova U.H. 2015. Concept “Death” in the ancient turkic language picture of the world. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 5: 100–105.

- Mongush N.M. 2024. Euphemisms representing the meaning 'to die' in Tuvan and Mongolian languages. *Siberian Journal of Philology*, 4: 215–228 (in Russian). DOI: 10.17223/18137083/89/16
- Sereda E. 2015. National-Cultural Specificity of Phraseological Units Representing the Concept "Death". *Philology. Theory & Practice*, 8–2(50): 162–166.
- Tazranova A.R. 2021. The Concept of Death in the Altai Language World Picture. In: Universal'noe i spetsifichnoe v verbal'nykh traditsiyakh narodov sovremennoi Rossii [The Universal and the Specific in the Verbal Traditions of the Peoples of Modern Russia]. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation "Yazyki narodov Sibiri i sopredel'nykh regionov: universal'noe i spetsifichnoe v verbal'nykh traditsiyakh narodov sovremennoi Rossii" [Languages of the Peoples of Siberia and Adjacent Regions: The Universal and the Specific in the Verbal Traditions of the Peoples of Modern Russia] (Novosibirsk, October 11–15, 2021). Ed. E.V. Tyuntешеva. Novosibirsk, Publ. Akademizdat: 36–39.
- Chesnokova O.S. 2004. The Concept "Death" in the Mexican Spanish and the Mexican Culture. *Bulletin of Peoples' friendship university of Russia. Series Linguistics*, 6: 106–112 (in Russian).
- Allan K., Burrige K. 2006. Forbidden words: Taboo and the censoring of language. Cambridge, Cambridge University Press, 314 p.
- Burrige K. 2004. Blooming English: observations on the roots, cultivation a. hybrids of the Engl. lang. Cambridge, Cambridge univ. press, 242 p.
- Crespo-Fernández E. 2013. Euphemistic metaphors in English and Spanish epitaphs: A comparative study. *Atlantis. Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies*, 35.2: 99–118.
- Crespo-Fernández E. 2023. The death taboo: Euphemism and metaphor in epitaphs from the English cemetery of Malaga, Spain. *Languages*, 8(3): 215. DOI: 10.3390/languages8030215
- Gibbs R. 2006. Embodiment and cognitive science. Cambridge, New York, Cambridge University Press. 337 p.
- Gómez de Ivashevsky A. 1969. Lenguaje coloquial venezolano [Venezuelan colloquial language]. Caracas, Universidad Central de Venezuela, Instituto de Filología Andrés Bello, 502 p.
- González D.S. 2019. Eufemismos sobre la muerte en el Diccionario de la lengua española y en el Diccionario de uso del español [Euphemisms about death in the Dictionary of the Spanish Language and in the Dictionary of Spanish Usage]. *Revista Digital Internacional De Lexicología, Lexicografía Y Terminología*, 2(2): 151–170.
- Herrero J. 2007. At the Crossroads between Literature, Culture, Linguistics, and Cognition: Death Metaphors in Fairy Tales [At the Crossroads between Literature, Culture, Linguistics, and Cognition: Death Metaphors in Fairy Tales]. *Revista Española de Lingüística Aplicada (RESLA)*, 20: 59–83.
- Heynderickx P.C., Dieltjens S.M. 2021. If cemeteries could talk... A discourse-analytical analysis of epitaphs. *OMEGA - Journal of Death and Dying*, 83(4): 944–957. DOI: 10.1177/00302228198737
- Heynderickx P.C., Dieltjens S.M., Oosterhof A. 2019. The Final Fight: An Analysis of Metaphors in Online Obituaries of Professional Athletes. *OMEGA – Journal of Death and Dying*, 79(4), 364–376. DOI: 10.1177/0030222817715757
- Jamet D. 2010. Euphemisms for Death: Reinventing Reality through Words [Euphemisms for Death: Reinventing Reality through Words]? In: Inventive Linguistics [Inventive Linguistics]. Dir. S. Sorlin. Méditerranée, Presses Universitaires du Languedoc: 173–187.
- Kuczok M. 2016. Metaphorical conceptualizations of death and dying in American English and Polish: a corpus-based contrastive study. *Linguistica Silesiana*, 37: 125–142.
- Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 256 p.
- Lakoff G., Johnson M. 1999. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York, Basic Books. 624 p.
- Rabanales A. 1966–1968. Eufemismos hispanoamericanos (Observaciones al libro de Kany) [Hispanic American euphemisms (Observations on Kany's book)]. *Revista Portuguesa de Filologia*, XIV: 129–155.
- Santiesteban A. 1982. El habla popular cubana de hoy: (una tonga de cubichismos que le oi a mi pueblo) [The popular Cuban speech of today: (a collection of Cubanisms that I heard from my people)]. Ed. de Ciencias Sociales, La Habana, 366 p.
- Steen G. 2011. The contemporary theory of metaphor – Now new and improved. *Review of Cognitive Linguistics*, 9(1): 26–64. DOI: 10.1075/rcl.9.1.03ste
- Steen G. 2015. Developing, testing and interpreting Deliberate Metaphor Theory. *Journal of Pragmatics*, 90: 67–72. DOI: 10.1016/j.pragma.2015.03.013

Steen G. 2017. Deliberate metaphor theory: Basic assumptions, main tenets, urgent issues. *Intercultural Pragmatics*, 14(1): 1–24. DOI: 10.1515/ip-2017-0001

Varela F.J., Thompson E., Rosch E. 1991. *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA, MIT Press, 336 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.12.2025

Поступила после рецензирования 17.03.2026

Принята к публикации 3.04.2026

Received December 22, 2025

Revised March 17, 2026

Accepted April 3, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Инчаурральде-Бесга Карлос, кандидат филологических наук, доцент кафедры международного предпринимательства, Государственный университет аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург, Россия.

Родченко Анна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков, Дипломатическая академия МГИМО Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Carlos Insaurralde-Besga, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of International Business, State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Russia.

Anna V. Rodchenko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of European Languages, Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

УДК 81.276.5
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-368-377
EDN YTUAPW

Субстандартные номинации органов человека в английском и русском языках

¹Файзиева Г.В., ²Маджаева С.И.

¹Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Россия, 414056, Астрахань, ул. Татищева, д. 20а

²Астраханский государственный медицинский университет
Россия, 414000, Астрахань, ул. Бакинская, д. 121

fayzievagv@yandex.ru; sanya-madzhaeva@yandex.ru

Аннотация. На основе выборки субстандартных лексем, номинирующих органы и части тела человека (*heart/сердце* и *head/голова*), осуществленной из авторитетных лексикографических источников субстандартной лексики английского и русского языков, представлены метафорические модели номинации и их универсальные и дифференциальные черты, характеризующие функционирование исследуемых терминов в английской и русской субстандартных лингвокультурах. Особое внимание уделялось лингвокультурной маркированности данных лексических единиц, определению общих закономерностей национально-культурной специфики аксиологических коннотаций, их роли в формировании экспрессивной картины мира носителей двух лингвокультур. Применялся комплекс общенаучных и лингвистических методов. Результаты показали, что в обоих языках наблюдаются схожие модели переосмысления (орган уподобляется предмету или механизму). Универсальным признаком при номинации органов и частей тела человека *heart – сердце*, *head – голова* является концептуализация интеллекта и эмоций. Однако в рамках этих универсалий проявляется яркая национально-культурная специфика.

Ключевые слова: лингвокультурология, субстандартная лингвокультура, субстандартная лексика, языковая картина мира, термин, соматизм

Для цитирования: Файзиева Г.В., Маджаева С.И. 2026. Субстандартные номинации органов человека в английском и русском языках. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 368–377. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-368-377 EDN: YTUAPW

Sub-Standard Nominations of Human Organs in English and Russian Languages

¹Galina V. Fayzieva, ²Sanya I. Madzhaeva

¹ Astrakhan State Medical University named after V.N. Tatishchev
20a Tatishchev st., Astrakhan 414056, Russia

² Astrakhan State Medical University
121 Bakinskaya St, Astrakhan 414000, Russia

fayzievagv@yandex.ru; sanya-madzhaeva@yandex.ru

Abstract. The paper presents metaphorical models of nomination and their universal and differential features characterizing the functioning of the studied terms in English and Russian sub-standard linguistic cultures based on a sample of sub-standard lexemes nominating human organ *heart/сердце* and body part *head/голова*. Special attention was paid to the linguistic and cultural labeling of these lexical units, the definition of common patterns of national and cultural specificity of axiological connotations, and their role

in shaping the expressive worldview of speakers of two linguistic cultures. The work applied a set of general scientific (method of directed sampling, analysis, comparison, generalization) and linguistic methods (descriptive method, method of semantic analysis). The results have revealed similar patterns of reinterpretation in both languages (an organ is likened to an object or mechanism). A universal feature in the nomination of organs / body parts *heart / сердце, head / голова* is the conceptualization of intelligence and emotions. However, within these universals, distinct national and cultural specificities emerge.

Keywords: linguoculturology, substandard linguoculture, substandard vocabulary, linguistic worldview, term, somatism

For citation: Fayzieva G.V., Madzhaeva S.I. 2026. Sub-Standard Nominations of Human Organs in English and Russian Languages. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(2): 368–377 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-368-377 EDN: YTUAPW

Введение

Язык является не только основным инструментом коммуникации. Он влияет на мышление и познавательные процессы, отражает опыт личностного и социального взаимодействия человека с миром, создавая комплексную систему мировидения, отраженную в языке, образуя языковую картину мира. При этом лексические единицы не просто номинируют предметы и явления, а передают их культурно-обусловленную интерпретацию, транслируя культурные смыслы и вербализуя систему ценностей народа-носителя языка.

В лингвистике языковая картина мира определяется как модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых языком [Ладо, 1989]; отражение обиходных, обывательских представлений о мире [Бердникова, 2012]; вариант концептуальной картины мира: совокупность знаний о мире, которые отражены в языке [Ильина, 2015]; ментальные (духовные) установки этноса, находящие отражение в языке [Вайсгербер, 2004]. Эти характеристики определяют междисциплинарную сущность категории «языковая картина мира» (контрастивная лингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, философия языка), что соответствует общей тенденции «к интеграции научных областей, которые так или иначе связаны с изучением языка как феномена человеческого бытия» [Мокиенко и др., 2025, с. 27].

Исследование языковой картины мира невозможно только на уровне стандартного, литературного языка, без учета экспрессии внелитературного разговорного, субстандартного лексического пласта. Именно в разговорной, сниженной и эмоционально окрашенной лексике (жаргонизмы, сленг, эвфемизмы, просторечия и т. д.) языковая картина мира проявляется наиболее наглядно.

Настоящее исследование сфокусировано на одном из самых значимых фрагментов субстандартной языковой картины мира вербализации в субстандартной лингвокультуре многогранного, изменчивого и культурно-обусловленного образа человека. В центре нашего внимания – субстандартная номинация органов человека, поскольку соматический код является базовым для концептуализации действительности: лексемы, обозначающие части тела, передают не только биологические, но и социальные, культурные и абстрактные смыслы.

Обозначенная проблематика была изучена в разрезе субстандартной фразеологии английского и русского языков [Синицына, 2013]. Рассмотрена интерпретация субстандартных лексических единиц медицинской направленности (на примере семантической подгруппы *голова человека*) [Файзиева, Гроховская, 2019, 2021]. Проведен семантический анализ русскоязычных субстандартных лексических единиц семантической подгруппы *голова* [Гроховская, 2021]. Тем не менее, до настоящего времени нет отдельного комплексного исследования, репрезентирующего семантические и лингво-

культурологические особенности номинаций органов человека посредством субстандартных лексических единиц.

В связи с этим цель исследования – выявить универсальные и дифференциальные черты при номинации органов человека в английской и русской субстандартных лингвокультурах на примере лексем *heart – сердце* и *head – голова*, определить общие закономерности их семантической деривации и национально-культурную специфику аксиологических коннотаций.

Теоретические основания исследования

Основополагающим в настоящем исследовании является определение понятия «термин», приведенного в Словаре русского языка А.П. Евгеньевой¹: термин – это слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определенного понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни и т. п.

Семантика термина зависит от параметров коммуникации, языковой картины мира и речемыслительных особенностей говорящего [Маджаева, 2011]. Исходя из этого, проанализируем в англоязычной и русскоязычной субстандартной языковых картинах мира номинацию слов или их сочетаний, обозначающих органы и части человеческого тела на примере лексем «сердце» и «голова».

Номинация является важнейшим признаком взаимосвязи языка и мышления, а выбор признака, положенного в основу наименования, показывает, как происходит концептуализация мира в мышлении человека. Это позволяет понять, как формируется понятийная картина мира и как она влияет на восприятие реальности. А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова и Е.С. Кубрякова отмечают, что процесс номинации – это «закрепление за языковым знаком понятия, отражающего определенные признаки предмета» [Уфимцева и др., 1977, с. 92]. В условиях употребления субстандартной лексики этот процесс приобретает особую специфику, поскольку в основе номинации посредством субстандартных лексем лежит не стремление к точности идентификации объекта, а потребность в экспрессивности, образности и эмоциональной оценке, при этом происходит смещение вектора номинации с денотата на коннотат. Таким образом, субстандартная номинация не столько отражает реальность, сколько вербализирует ее восприятие.

Изучение субстандартной лексики, обозначающей органы человека, представляет значительный интерес для антропоцентрической лингвистики, когнитивистики и междисциплинарных исследований, поскольку человек познает окружающий мир через призму телесности и эта лексика является зеркалом культурных табу, социальных установок, эмоционального отношения к телу и отражает специфические механизмы языковой номинации. В рамках когнитивного подхода, как мы отмечали в предыдущих работах, «единицы и формы знания получают процессуальную интерпретацию, поскольку истинным знанием объявляются результаты познавательной и профессиональной деятельности» [Маджаева, 2012, с. 30].

При обращении к субстандартной лексике ключевой теоретической рамкой становится концепция «наивной анатомии», поскольку именно в жаргоне и сленге номинации частей тела отражают не столько физиологическую реальность, сколько обыденные, культурно и социально обусловленные представления о теле [Урысон, 1995]. Именно в этом контексте соматизмы становятся ключевым объектом жаргонной и сленговой номинации [Гроховская, Файзиева, 2019].

Ю.С. Сухорукова утверждает, что субстандартные соматические номинации представляют собой «метафорически переосмысленный образ и функции органов», а расхождения между научным и наивным знанием обусловлены как универсальными когнитивными механизмами, так и культурно-национальной спецификой [Сухорукова,

¹ Словарь русского языка: в 4-х т. 1999. Т. IV: С–Я. Москва, Русский язык, Полиграфресурсы, 795 с.

2017]. При этом наименования органов посредством субстандартных лексем являются не просто синонимичными номинациями стандартных соматизмов – они способствуют интериоризации телесного опыта (например, в английском языке: *ticker, pimp, tick-tock* в значении *heart*; *noodle, bean / cocoput* в значении *head*; в русском языке *моторчик, бубенчик* в значении *сердце*; *котелок, чердак, чайник, думалка* в значении *голова*) и декодированию присущих для определенной культуры установок (так, русской субстандартной лингвокультуре присуще употребление «технических» метафор для номинации органов (например: *мотор, насос, движок* в значении *сердце*; *процессор, купол* в значении *голова*), отождествляя тело человека с механизмом), в то время как номинация органов в английской субстандартной лингвокультуре в большей степени отражает культ эффективности, скорости и индивидуализма (например: *To have a lot of miles left on the ticker* (дословн. *иметь много миль на счётчике*, в значении *человек ещё проживёт долго*); *To have good batteries* (дословн. *иметь хорошие батарейки*, в значении *иметь хороший сердечный ресурс*).

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили данные авторитетных лексикографических источников субстандартной лексики английского и русского языков (*American slang dictionary (the ultimate reference to nonstandard usage, colloquialisms, popular jargon, and vulgarisms)* by R. Spears ¹, *The Oxford Dictionary of Slang* by J. Ayto ², *The Routledge dictionary of Modern American slang and unconventional English*³, *Большой словарь русского жаргона* В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной⁴, *Толковый словарь уголовных жаргонов* Ю.П. Дубягина, А.Г. Бронникова, Г.В. Боровкова)⁵.

Методом направленной выборки из названных словарей отобрано 65 субстандартных лексических единиц, номинирующих голову и 25 субстандартных лексем-номинаций сердца и имеющих в словарной статье соответствующую дефиницию. Отобранные субстандартные лексемы анализировались в соответствии с принципами метафоризации объекта номинации.

Результаты и их обсуждение

Анализ языкового материала позволяет выделить несколько ключевых моделей формирования субстандартных номинаций органов человека, общих для обеих лингвокультур.

Номинация лексемы *head* – голова

В обеих лингвокультурах голова является объектом интенсивной субстандартной номинации (всего зафиксировано 65 лексических единиц), что связано с её ключевой ролью в идентификации личности и функционировании интеллекта. Так, в русской субстандартной лингвокультуре выявлено 34 лексемы, номинирующих голову (100 %); например: *вертилога, чердак, думалка, балда, тыква, арбуз, репа, компьютер, котелок, комель, бестолковка, соображалка, купол, кочан, вилок, чайник, крыша, башня, башка, дом советов, глобус, калган, жбан, скворешня, шеро, хэд* (калька английского *head*) и др. Сниженные номинации органа были разделены нами на несколько метафорических групп:

¹ Spears R.A. 2007. *American slang dictionary (the ultimate reference to nonstandard usage, colloquialisms, popular jargon, and vulgarisms)*. New York, McGraw-Hill, 546 p.

² Ayto J. 1999. *The Oxford Dictionary of Slang*. Oxford University Press, Oxford, 474 p.

³ *The Routledge dictionary of Modern American slang and unconventional English*. 2017. New York, Routledge, 905 p.

⁴ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. 2000. *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург, Норинт, 716 с.

⁵ Дубягин Ю.П., Бронников А.Г., Боровкова Г.В. 1991. *Толковый словарь уголовных жаргонов*. Москва, Интер-Омнис, 208 с.

Бытовая и гастрономическая метафора – при номинации головы уподобляется посуде или продуктам питания, при этом подчеркивается форма головы (максимальное количество лексем в выборке, 16 лексических единиц, 47 %). Например: *котелок* (в основном, с положительной коннотацией – *котелок варит*), *макитра*, *самовар* (*самовар кипит – голова, перегруженная мыслями*), *кастрюля* (с негативной коннотацией – *пустая кастрюля*), *чайник*, *жбан*, *репа*, *арбуз*, *тыква* и т. д. Эти номинации создают метафору вместилища интеллекта, где ‘пустота’ или ‘наполненность’ служат оценкой умственных способностей.

Архитектурно-пространственная метафора (11 лексических единиц, 32,4 %). Голова в русской субстандартной лингвокультуре воспринимается как вместилище, хранилище для мыслей. Например: *башня*, *чердак*, *крыша* (с негативной коннотацией – *крыша поехала*, *крыша течет*), *скворешня/скворечник* (с негативной коннотацией – *скворечник со скворцом*, в значении *лживый человек, льстец*), *антресоль*.

Инструментальная метафора (минимальное количество лексем в выборке, 6 лексических единиц, 17,6 %). Голова как орудие или механизм: *компьютер*, *булава*, *компол/кумпол*, *шарабан*, *хлебоприемник* (с негативной коннотацией головы человека, который только ест), *колода* (с негативной коннотацией – для обозначения головы физически сильного человека с низким интеллектом), *фонарь* (с нейтральной коннотацией – светить фонарем, в значении *высовывать голову*), *глобус* и др.

В анализируемых словарях русского субстандарта обнаружена единственная метафора (3 %) по внешнему признаку – лексема *шарик*.

Общей чертой русских субстандартных номинаций термина «голова» является их выраженная оценочность, чаще всего негативная – пренебрежительная или уничижительная.

Подобное отмечается и в субстандартных фразеологизмах, где номинация головы зафиксирована в 39 субстандартных фразеологических единицах; например: *настучать по чавке* (в значении *избить*); *крыша едет, дом стоит* (в значении *сойти с ума*); *тихо шифером шуриша, едет крыша не спеша* (в значении *говорить и думать не то, что ждут другие*); *дать по балде / настучать по балде* (в значении *избить*); *башка в колени покатила* (в значении *испугаться*); *всветить в башку* (в значении *додумать до чего-либо*); *починять башку* (в значении *опохмелиться*); *оторвать башку* (в значении *избить*); *свернуть себе башку* (в значении *погибнуть*); *адамова голова* (в значении *череп*); *чайник поехал / чайник закипел / чайник засвистел* (в значении *переутомился*) и т.д. При этом лексема *голова*, входя в состав фразеологических единиц, подвергается процессу семантической трансформации, утрачивая свою предметно-номинативную функцию и выступая в качестве символического или метафорического элемента, актуализирующего вторичные, переносные смыслы, связанные с мыслительной деятельностью человека, его психическим или физическим состоянием, взаимоотношениями в социуме.

В английской субстандартной лингвокультуре выявлена 31 лексема, номинирующая голову, например: *nut* (*башка*), *bean* (*боб*), *noggin*, *nog*, *poodle* (подобно русскому *котелок*), *block* (*колода*, *чурбан* – в значении *тупая голова*), *chump* (с тем же значением, букв. *чурбан*), *gourd* (*тыква*), *melon* (*дыня*), *cocunut / conk* (от *conch* – раковина' или искаж. от *cocunut* – кокос), *dome* (*купол*), *cranium / skull* (*череп*), *bonce* (*шар, шарик*), *knowledge-box* (букв. *ящик для знаний*), *think-box / thinking-machine* (подобно русскому *соображалка, думалка*), *nob / knob* (в значении – *умная голова*), *pot* (в значении – *черепная коробка*), *upper storey / top storey* (подобно русскому *чердак*), *brain* (подобно русскому *дом советов*) и т.д.

Выявленные номинации также были структурированы по метафорическим группам.

Архитектурно-пространственная метафора (максимальное количество лексем в выборке, 16 лексических единиц, 51,6 %). Метафорическая трансляция головы как вместилища для мозга с подчеркиванием интеллектуальных способностей человека; например: *think-box*, *thinking-machine*, *idea box*, *think-box*, *tank*, *block*, *can*, *blockhead* (в значении – *тупой, тупица*), *conehead* (в значении – *дурная голова, дурак*), *dome* (особенно

о лысой голове), *flathead* (букв. *плоская голова*, в значении – *человек с плоским умом*), *fuse box*, *top storey / attic* (подобно русскому – *чердак*), *mazzard* (дословно – *кубок*, в значении – *головенка*), *scopce* (в значении – *место для мозга*).

Гастрономическая метафора (10 лексических единиц, 32,3 %), например: *biscuit* (в значении – *пустая голова*), *cabbage* (в том же значении), *gourd*, *potato*, *pumpkin*, *banana-head* (в значении – *тупая голова*) и др.

Метафора по внешнему признаку (минимальное количество лексем в выборке, 4 лексических единицы, 12,9 %). Например: *chrome-dome / bald dome* (*лысая голова*), *boncel / bubblehead* (*круглая голова, шарик*).

В словаре *The Routledge dictionary of Modern American slang and unconventional English* обнаружена единственная зоометафора (3,2 %) – *conk/konk* (дословно – *голова для битья*, в значении – *козел отпущения*).

Помимо этого, в словаре выявлено значительное количество лексических единиц с корнем *head*, например: *chowderhead*, *chumphead*, *dickhead*, *dinghead*, *fathead*, *Hammer = hammerhead*, *knucklehead*, *musclehead*, *mushhead*, *potatohead* (букв. *безголовый*, в значении – *тупой человек*), *cheesehead* (в значении – *нерационально, глупо поступающий человек*), *egghead* (в значении – *интеллектуальный человек*), *budhead* (*человек, предпочитающий пиво*), *C-head* (*кокаиновый наркоман*).

Как и в словарях субстандартной лексики русского языка, в словарях английского субстандарта зафиксировано 26 субстандартных фразеологических единиц, номинирующих орган *head*; например: *off one's nut* (в значении – *голова, сошедшая с ума*), *to knock someone's block off* (дословно – *голова человека, с которого сбили спесь*), *use your bean* (дословно – *используй свою голову*, подобно русскому *шевели мозгами*), *off one's chump* (дословно – *мозги вылетели из головы*, в значении – *спятивший*), *to have a good head on one's shoulders* (подобно русскому *иметь голову на плечах, быть умным, рассудительным*), *dead from the neck up* (дословно *мертво все, что выше шеи*, в значении *пустая голова*), *soft in the head* (подобно русскому *ветер в голове*), *talking head* (дословн. *говорящая голова*) и т. д.

Анализ представленных номинаций головы в английской и русской субстандартных лингвокультурах позволяет сделать вывод о том, что в обоих языках этот орган осмысляется через универсальные метафорические модели (гастрономическая метафора, архитектурно-пространственная метафора, метафора по внешнему признаку), в то же время присутствуют дифференциальные метафоры (инструментальная метафора в субстандарте русского языка и зоометафора в английской субстандартной лингвокультуре). При этом английские субстандартные номинации менее агрессивны, в то время как русский субстандарт обладает большей экспрессивной сниженностью и инвективностью. Практически равное количество номинаций головы (34 в русской субстандартной лингвокультуре и 31 в английской) свидетельствует о типологической общности механизмов вторичной номинации: в обоих языках голова является одним из наиболее продуктивных источников метафорического переноса в субстандарте. И в английской, и в русской субстандартных лингвокультурах голова, как важнейший орган, ассоциируется с умственными способностями, жизнью и занимает центральное место в субстандартной картине мира носителей английского и русского языков, независимо от культурных различий.

Орган человека: heart – сердце

Сердце – один из самых важных органов в теле человека, в связи с чем и в английской субстандартной лингвокультуре, и в русской субстандартной лингвокультуре зафиксировано небольшое количество номинаций данного органа (25 лексем). Это может быть объяснено тем, что сердце в европейской культурной традиции (как русской, так и англо-саксонской) является не просто физиологическим органом, но и высшим культурным символом. Такая высокая семиотическая нагрузка и сакральность образа сердца

накладывает имплицитные табу на его использование в сниженной, грубой или фамильярной субстандартной речи.

В русской субстандартной лингвокультуре выявлено 17 лексем, номинирующих орган человека – сердце (100 %); например: *мотор, помпа, движок, отбойник, насос, бубенчик, колыхало, середка, центр управления, колотун, стукало/стучалка, тукалка* и др. В отличие от термина «голова», номинируемого в субстандарте русского языка преимущественно через внешнюю форму, термин «сердце» вербализируется исключительно посредством инструментальной метафоры (кроме представленной посредством архитектурно-пространственной метафоры лексемы *середка*). Объяснение этому, вероятно, заключается в восприятии человеком функции самого органа – работать, качать кровь, биться, что обуславливает реализацию номинативной парадигмы, в основе которой лежит апелляция к функциональному предназначению органа, а не к его внешней форме. При этом закрепление в языковом сознании функциональных номинаций сердца посредством инструментальных метафор носит имплицитный характер и не требует обязательной актуализации научных представлений о системе кровообращения, поскольку опирается на универсальный телесный опыт ритмической активности сердца. В целом, последовательная деантропоморфизация – наиболее типичная черта русской субстандартной номинации сердца.

В словарях субстандартной лексики русского языка зафиксировано также 13 фразеологизмов, содержащих лексему «сердце» или номинирующих этот орган; например: *отвалиться от сердечка (перестать обременять кого-либо), оттянуть от сердца (лишиться чего-либо или кого-либо), кроить сердце (расстраивать), сесть на сердце (понравится), мотор барахлит/сдаёт (о человеке с больным сердцем), мотор/движок заглох (об умершем человеке), качать трудить помпу (тренировать сердце)* и т. д. При этом фразеологизмы отражают различные степени эмоционального состояния говорящего: например, такие выражения, как *сердце кровью обливается, сердце рвется на части* используются в разговорной речи для выражения крайней степени эмпатии.

В английском языке зафиксировано всего 8 субстандартных номинаций органа «сердце», например: *pump, ticker, tick-tock, battery, mallet, big / great bell, starter*. Подобно русскому субстандарту, английский демонстрирует сходную тенденцию к инструментальной репрезентации органа. В словаре выявлены также субстандартные номинации, включающие лексему *heart* и обозначающие явления, объекты или их качества; например: *purple hearts* (дословно *пурпурные сердца*, название наркотических таблеток), *horse / pink heart* (название наркотических таблеток), *heart starter* (название алкогольного напитка, принимаемого для облегчения похмелья), *heart racing* (*сердцебиение*), *iced heart* (*отморозок*), *chicken-hearted* (*трусливый*), *heart check* (тюремный термин, обозначающий проверку нового заключенного или члена банды через опасное задание) и др.

В английском языке функционируют субстандартные фразеологизмы, в которых присутствует лексема *heart*, например: *(one's) heart doesn't pump Kool-Aid* (в значении *сердце качает настоящую кровь*), *bit with a heart of gold* (дословно *бомж с золотым сердцем*, в значении *неудачник*), *have heart* (*быть «крутым»*), в которых номинации сердца напрямую связаны с концептом эмоционального центра личности и ее моральной оценкой.

Таким образом в английской и русской субстандартных лингвокультурах сердце номинируется посредством универсальной для обоих языков метафорической модели – инструментальной метафоры, однако в русском субстандарте присутствует не только указание на орган, как на физический объект (например: *мотор, помпа, движок, насос* и т. д.), но и на его функциональные характеристики (например: *колотун, стучалка, тукалка, колыхало* и др.)

Типологическим признаком номинации исследуемого термина для английского языка является то, что в английском субстандарте инструментальная метафора сердца не образует единого просторечного поля, а фрагментирована по субкультурным нишам и употребляется

в определенных типах языковых субстандартных вариантов, становясь маркером принадлежности к субкультуре (например: *purple hearts*, *hearts* употребляются исключительно как сленговые единицы наркоманов, *(one's) heart doesn't pump Kool-Aid*, *heart check* – криминальный жаргон и тюремный сленг и т.д.), в то время как русские инструментальные номинации являются общенародным просторечием.

Не менее важной характеристикой исследуемого термина для русского субстандартного языка можно считать и тот факт, что в русском субстандарте сердце номинирует орган и при определении его функциональных характеристик (например: *сердце барахлит*, *мотор сдает*, *движок заглох*) сохраняется связь с физиологией, тогда как в английском языке лексема *heart* в своем субстандартном функционировании зачастую десоматизируется, перестает обозначать орган и становится культурным концептом (например: *hearts* – наркотик, *heart starter* – *напиток для опохмеля*, *heart check* – проверка нового заключенного или члена банды через опасное задание и т. д.).

Заключение

Таким образом, сопоставление субстандартных номинаций органов и частей тела человека в английской и русской субстандартных лингвокультурах позволяет сделать вывод об универсальности когнитивных механизмов при номинации органов, подчиняющихся базовым когнитивным законам метафоризации. В обоих языках наблюдаются схожие модели переосмысления (орган уподобляется предмету или механизму). Универсальным признаком при номинации органов и частей тела является концептуализация интеллекта и эмоций. Однако в рамках этих универсалий проявляется яркая национально-культурная специфика. Так, русский субстандарт в сфере номинации *головы* имеет негативную окраску, приобретая признаки уничижительности и инвективности. Большое количество негативно-оценочных синонимов (19 субстандартных лексических единиц) свидетельствует о высокой степени экспрессивности и готовности к снижению образа человека через номинацию части его тела. Английский субстандарт, хотя и имеет аналогичные модели, сохраняет менее агрессивный тон.

В русской субстандартной лингвокультуре присутствует 2 источника метафоризации (бытовая и гастрономическая, инструментальная), также с негативной окраской, грубыми и ироничными дисфемизмами. В английской субстандартной лингвокультуре выявлен только инструментальный механизм метафоризации, с нейтральными и ироничными оттенками. Типологическим признаком номинации органа человека *heart* для английского языка является то, что в английском субстандарте лексема *heart* не подвергается прямой субстантивной инструментализации, а реализует инструментальную семантику опосредованно – через акционально-квалитативные комплексы, закрепленные за конкретными субкультурными кодами. В отличие от русского общенародного просторечия, английские субстандартные лексемы, номинирующие орган человека *heart*, практически утратили прямую связь с анатомическим органом в субстандартном употреблении.

Изучение субстандартной соматической лексики позволяет глубже понять механизмы формирования экспрессивной картины мира и ценностных ориентаций носителей разных лингвокультур. Перспективы дальнейшего исследования связаны с анализом гендерной специфики употребления выявленных номинаций и их динамики в условиях межкультурной коммуникации.

Список литературы

- Бердникова Д.В. 2012. Языковая картина мира как часть концептуальной картины мира. В кн.: Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в неязыковых вузах. Материалы Межфакультетской научно-методической конференции (Москва, 10 апреля 2010 г.). Под ред.

- Е.А. Бережнова. Москва, Издательский дом Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»: 271–278.
- Вайсгербер Й.Л. 2004. Родной язык и формирование духа. Пер. с нем. О.А. Радченко. Москва, Эдиториал УРСС, 232 с. (Weisgerber Jo.L. 1929. Muttersprache und Geistesbildung. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.)
- Гроховская И.А., Файзиева Г.В. 2019. К проблеме интерпретации субстандартных лексических единиц медицинской направленности (на примере семантической группы «органы человека»). *Вестник Пятигорского государственного университета*, 1: 157–169.
- Гроховская И.А. 2021. Семантический анализ русскоязычных субстандартных лексических единиц семантической подгруппы Голова. В кн.: *Язык и межкультурная коммуникация: Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции*, Астрахань, 01 ноября 2021 года. Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный университет»: 43–48. DOI 10.21672/2078-9858-2021.10.01-043-048. EDN SAYYZM.
- Ильина Е.В. 2015. Языковая картина мира как совокупность концептосфер. *Филология и литературоведение*, 12(51): 3–5.
- Ладо Р. 1989. Лингвистика поверх границ культур. В кн.: *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика*. Пер. с английского под ред. Б.Ю. Городецкого. Под ред. В.К. Гака Москва, Прогресс: 34–35. (Lado R. 1957. *Linguistics across Cultures: Applied Linguistics and Language Teachers*. University of Michigan Press, Ann Arbor.)
- Маджаева С.И. 2011. Термины в медицинском дискурсе. *Вестник Челябинского государственного университета*, 33(248). Вып. 60: Филология. Искусствоведение: 92–94.
- Маджаева С.И. 2012. Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование. Автореф. ... докт. филол. наук, Волгоград, 37 с.
- Мокиенко В.М., Огнева Е.А., Озерова Е.Г., Семенов Н.Н. 2025. Теория ценностно-смыслового пространства языка Н.Ф. Алефиренко в свете полипарадигмальных тенденций в лингвистике 20-21 вв. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*, 11(4): 24–41. DOI: 10.18413/2313-8912-2025-11-4-0-2
- Синицына Н.В. 2013. Соматические номинации в субстандартной фразеологии английского и русского языков : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : дис. ... канд. фил. наук. Астрахань. 205 с. –EDN SUQZEV.
- Сухорукова Ю.С. 2017. К вопросу о наивной анатомии сердца во французской фразеологии. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 3–3(69): 168–170.
- Урысон Е.В. 1995. Фундаментальные способности человека и наивная анатомия. *Вопросы языкознания*, 3: 3–16.
- Уфимцева А.А., Азнаурова Э.С., Кубрякова Е.С. 1977. Языковая номинация (Общие вопросы). Под ред. Б.А. Серебrenникова, А.А. Уфимцевой. Москва, Наука, 359 с.
- Файзиева Г.В., Гроховская И.А. 2021. К проблеме интерпретации субстандартных лексических единиц медицинской направленности (на примере семантической подгруппы Голова человека) *Вестник Калмыцкого университета*, 1(49): 91–97. EDN LGPBGs.

References

- Berdnikova D.V. 2012. Yazykovaya kartina mira kak chast' kontseptual'noi kartiny mira [The linguistic picture of the world as part of the conceptual picture of the world]. In: *Aktual'nye problemy prepodavaniya inostrannykh yazykov v neyazykovykh vuzakh* [Actual problems of teaching foreign languages in non-linguistic universities]. Proceedings of the Interfaculty scientific and methodological conference (Moscow, April 10, 2010). Ed. E.A. Berezhnov. Moscow, Publ. Izdatel'skii dom Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta "Vysshaya shkola ekonomiki": 271–278.
- Vaisgerber I.L. 2004. Rodnoi yazyk i formirovanie dukkha [Native language and the formation of the spirit]. Transl. from German O.A. Radchenko. Moscow, Publ. Ehditorial URSS, 232 p. (Weisgerber Jo.L. 1929. *Muttersprache und Geistesbildung*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.)
- Grokhovskaya I.A., Fayzieva G.V. 2019. The Issue of Interpretation of Substandard Medical Lexical Units (Drawing on the Example of the Semantic Group "Human Organs"). *Pyatigorsk state university bulletin*, 1: 157–169 (in Russian).

- Grokhovskaya I.A. 2021. Semantic analysis of Russian-language substandard lexical units of the semantic subgroup Head. In: Language and Intercultural Communication: Collection of articles of the XIV International Scientific and Practical Conference, Astrakhan, November 01, 2021. Astrakhan: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Astrakhan State University": 43–48 (in Russian). DOI 10.21672/2078-9858-2021.10.01-043-048. EDN SAYYZM.
- Ilyina E.V. 2015. The Language Picture of the World as a Set Kontseptosfer. *Filologiya i literaturovedenie*, 12(51): 3–5.
- Lado R. 1989. Lingvistika poverkh granits kul'tur [Linguistics across cultural boundaries]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Iss. XXV: Kontrastivnaya lingvistika [Contrastive Linguistics]. Transl. from English ed. B.Yu. Gorodetsky. Ed. V.K. Gak. Moscow, Publ. Progress: 34–35.
- Madzhaeva S.I. 2011. Terminy v meditsinskom diskurse [Terms in medical discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 33(248). Iss. 60: *Filologiya. Iskusstvovedenie*: 92–94.
- Madzhaeva S.I. 2012. Meditsinskie terminosistemy: stanovlenie, razvitie, funktsionirovanie [Medical terminology systems: formation, development, functioning]. Abstract ... Doct. Philology. Volgograd, 37 p.
- Mokienko V.M., Ogneva E.A., Ozerova E.G., Semenenko N.N. 2025. N.F. Alefirenko's theory of the value-semantic space of language in the light of poly-paradigm trends in linguistics of the 20th and 21st centuries. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 11(4): 24–41. DOI: 10.18413/2313-8912-2025-11-4-0-2
- Sinitsyna N.V. 2013. Somaticheskie nominatsii v substandartnoj frazeologii anglijskogo i russkogo yazykov : spetsial'nost' 10.02.20 Sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe yazykoznanie. Astrakhan', 205 p. EDN SUQZEV.
- Sukhorukova Yu.S. 2017. On Naive Anatomy of Heart in the French Phraseology. *Philology. Theory & Practice*, 3–3(69): 168–170.
- Uryson E.V. 1995. Fundamental abilities of man and naive "anatomy". *Voprosy yazykoznaniiya*, 3: 3–16.
- Ufimtseva A.A., Aznaurova Eh.S., Kubryakova E.S. 1977. Yazykovaya nominatsiya (Obshchie voprosy) [Language nomination (General issues)]. Eds. B.A. Serebrennikov, A.A. Ufimtseva. Moscow, Publ. Nauka, 359 p.
- Fajzieva G.V., Grokhovskaya I.A. K probleme interpretatsii substandartnykh leksicheskikh edinit meditsinskoj napravlenosti (na primere semanticheskoy podgruppy Golova cheloveka) *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 1(49): 91–97. EDN LGPBGS.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.03.2026

Поступила после рецензирования 06.05.2026

Принята к публикации 11.06.2026

Received March 20, 2026

Revised May 06, 2026

Accepted June 11, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Файзиева Галина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Россия.

Маджаева Санья Ибрагимовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных и латинского языков, Астраханский государственный медицинский университет, г. Астрахань, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina V. Fayzieva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of the English Language and Professional Communications, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia.

Sanya I. Madzhaeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia.

УДК 811.161.1'373.611:81'22
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-378-384
EDN YMWHNG

Проверсия и реверсия как когнитивные модели словосложения в русском языке

Чекулай И.В., Прохорова О.Н., Пархоменко А.Н., Кобченко В.И., Ломакин Н.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

chekulai@bsuedu.ru; prokhorova@bsuedu.ru; parkhomenko@bsuedu.ru;
kobchenko_v@bsuedu.ru; 1523768@bsuedu.ru

Аннотация. В работе рассмотрены два противоположных механизма интеграции словосочетаний в сложные слова: проверсия, при которой порядок следования корневых элементов в сложном слове совпадает с исходной моделью словосочетания, и реверсия, при которой порядок компонентов меняется на противоположный. Понятия проверки и реверсии разрабатываются авторами в рамках более широкого исследования когнитивных механизмов языкового семиозиса. На обширном эмпирическом материале русского языка показано, что глагольно-номинативная исходная модель тяготеет преимущественно к реверсивному словосложению, тогда как адъективно-субстантивная модель обнаруживает явное доминирование проверки. Установлено, что формальные грамматические признаки компонентов исходной модели – прежде всего категории числа и падежа – влияют на выбор механизма словосложения. Сделан вывод о том, что при очевидной описательной значимости понятий проверки и реверсии конкретные когнитивные основания выбора того или иного механизма остаются недостаточно выясненными. Намечена перспектива сравнительно-типологического исследования данных явлений на материале родственных индоевропейских языков.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, словосложение, проверка, реверсия, сложные слова, когнитивные модели, словообразование, русский язык

Для цитирования: Чекулай И.В., Прохорова О.Н., Пархоменко А.Н., Кобченко В.И., Ломакин Н.А. 2026. Проверсия и реверсия как когнитивные модели словосложения в русском языке. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 378–384. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-378-384 EDN: YMWHNG

Proversion and Reversion as Cognitive Models of Word Compounding in Russian

Igor V. Chekulai, Olga N. Prokhorova, Anastasia N. Parkhomenko,

Veronika I. Kobchenko, Nikita A. Lomakin

Belgorod State National Research University

85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

chekulai@bsuedu.ru; prokhorova@bsuedu.ru; parkhomenko@bsuedu.ru;
kobchenko_v@bsuedu.ru; 1523768@bsuedu.ru

Abstract. The paper explores proversion and reversion as two opposing cognitive models of word compounding in Russian, situating them within a broader framework of cognitive semiotics and the theory of linguistic sign formation. Proversion denotes the compounding mechanism in which the linear order of root elements in the resulting compound word mirrors the order of constituents in the source phrase (e.g., *chistaya krov'* 'pure blood' – *chistokrovnyy* 'thoroughbred'), while reversion denotes the mechanism in which the constituent order is reversed (e.g., *poslushnyy zakonu* 'obedient to the law' – *zakonoposlushnyy* 'law-abiding'). Drawing on an extensive corpus of Russian compound words, the study demonstrates that verbal-nominative source models overwhelmingly favour reversion, generating compound nouns and

adjectives in which the nominal element precedes the verbal root. By contrast, adjectival-nominal source models show a strong preference for proversion, with only two instances of reversion identified in the data. The article further shows that formal grammatical features of the source constituents – particularly the grammatical categories of case and number – appear to constrain the distribution of proversion and reversion. Despite the descriptive adequacy of the two constructs, the precise cognitive factors that determine the selection of one mechanism over the other remain unresolved. The paper concludes by arguing that comparative-typological studies across Slavic and other Indo-European languages, where both mechanisms are also attested, offer a promising avenue for uncovering the universal cognitive foundations of compound word formation.

Keywords: cognitive linguistics, word compounding, proversion, reversion, compound words, cognitive models, word formation, Russian language

For citation: Chekulai I.V., Prokhorova O.N., Parkhomenko A.N., Kobchenko V.I., Lomakin N.A. 2026. Proversion and Reversion as Cognitive Models of Word Compounding in Russian. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(2): 378–384 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-378-384 EDN: YMWHNG

Введение

В современной когнитивной лингвистике назрела необходимость пересмотра сущностных характеристик некоторых базовых категорий. Одной из таких категорий является концепт, который Е.С. Кубрякова определяет как «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике»¹. Концепт охватывает определённую, достаточно обширную предметную область или область отношений, он существует как своего рода поле с ядром, периферией и возможностями интерпретации его содержания, и в то же время он является своего рода ментальным сгустком культуры социума, который говорит на данном языке.

Актуальной задачей является разграничение концепта и прочих структур ментального оперирования понятиями, которые формируют ментальный лексикон. Это сугубо структурные модели, лежащие в основе формирования языковых знаков как заменителей реальных сущностей, связей и отношений внутри социума. В данном исследовании будут рассмотрены именно эти структуры, поскольку без их чёткого разграничения невозможно определить, какие из когнитивных механизмов действительно задействованы в процессе оперирования ими.

В современной когнитивной лингвистике механизмы формирования лексических единиц рассматриваются в неразрывной связи с проблематикой концептуализации и категоризации опыта [Лакофф, Джонсон, 2004; Лангаккер, 1997]. Особое место занимают исследования, посвящённые структурам ментального лексикона и принципам концептуальной интеграции, или блендинга [Фоконье, Тёрнер, 2002; Эванс, Грин, 2006]. В последние годы данная проблематика получила развитие в русле теории расширенной концептуальной метафоры [Kövecses, 2020] и концепции динамической конвенционализации языковых единиц, трактующей закрепление знаковых форм как результат многократного употребления в социальной практике [Schmid, 2020]. В отечественной традиции когнитивные аспекты словообразования разрабатывались прежде всего в рамках дериватологии: Е.А. Земская обосновала словообразование как особый вид речевой деятельности, опирающийся на системные ментальные операции [Земская, 1992], а В.Н. Телия показала, каким образом внутренняя форма производного

¹ Кубрякова Е.С. 1996. Концепт. В кн.: Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Под ред. Е.С. Кубряковой. Москва, Филологический факультет МГУ. С. 90.

слова отражает ценностно-когнитивные установки носителей языка [Телия, 1996]. Актуальным направлением отечественной когнитивистики остаётся изучение антропоцентрической природы языкового знания [Болдырев, 2015]. Вместе с тем разграничение частных механизмов, обуславливающих конкретный порядок компонентов при словосложении, остаётся недостаточно изученным, что и определяет проблематику настоящей работы.

Проверсия и реверсия: концептуальные основания

Нами ранее рассматривалось понятие реверсивности как своеобразного когнитивного механизма создания речевых структур в ходе языкового семиозиса [Чекулай, Прохорова, 2009; Чекулай, Прохорова, 2011]. Его сущность состоит в том, что исходные структуры языкового знания приобретают противоположный порядок следования компонентов в результирующей речевой модели. Наиболее ярким проявлением такого переструктурирования является стилистический приём, известный как хиазм. В основном исследование было посвящено единицам структурного уровня, но в ходе недавних исследований было выяснено, что механизм перестановки компонентов вполне успешно моделируется и на словообразовательном уровне. В то же время следует отметить и противоположный механизм, который мы назвали проверсией. И проверсия, и реверсия представляют собой частные модели общего механизма, известного как интеграция словосочетания в сложное слово. Проверсия состоит в том, что порядок следования корневых элементов в сложном слове является тем же, что и в исходной модели словосочетания. Например, проверсия проявляется в образовании сложного слова «чистокровный» из словосочетания «чистая кровь». Реверсия же представляет собой смену порядка следования компонентов при образовании сложного слова, например, слова законопослушный из словосочетания «послушный закону».

Основная проблема в связи с феноменами проверсивности и реверсивности состоит именно в их когнитивных основаниях. Вне всякого сомнения, общий механизм интеграции словосочетания в сложное слово ясен и достаточно прост. Некоторые отдельные структуры знания, выражаемые лексическими единицами, могут сливаться в новую структуру знаний, выражаемых отдельным словом. Однако непонятно, почему в одних случаях образование сложного слова идёт по проверсивной модели, а в других – по реверсивной. Например, можно было бы предположить, что в основе разграничения этих процессов лежит диахронический принцип, поскольку более архаичные словосочетания в своём массиве чаще образуются по проверсивной модели, а более современные – по реверсивной. Например, такие архаизмы, часто встречающиеся в церковнославянских и современных православных текстах, как прекраснодушие, смиренномудрие, слабодушный, злоречивый и другие образуются, как нетрудно заметить, по проверсивной модели. Однако эмпирическим путём это положение легко опровергается такими примерами реверсивного образования сложных архаизмов, как богопротивный (от словосочетания противный Богу), чадолубие (от любить чадо), псалмопевец (от петь псалмы), местнотимый (от чтить по месту) и многие другие.

Структурно-грамматический анализ моделей словосложения

Определённая степень системности наблюдается при структурном подходе к изучению интеграции словосочетаний в сложные слова. Если провести анализ моделей «лексема 1 + лексема 2 = лексема X», где X – это результирующее сложное слово, то можно заметить некоторые черты системной зависимости соотношения частеречной принадлежности компонентов исходной модели и результирующего слова. Например, при исследовании частотности образования сложных слов в модели, которую мы в общем виде определили, как «глагольно-номинативную» (т. е. лексема 1 является глаголом,

управляющим лексемой 2 – именем существительным), число лексем, образованных по реверсивной модели, существенно превышает численные показатели соответствующих проверсивных образований. В качестве многочисленных примеров реверсивного словообразования по этой модели можно привести следующие распространённые и высокочастотные сложные слова.

А. Результирующее сложное слово – имя существительное: варить сок – соковарка; мешать бетон (мешалка бетона) – бетономешалка; то же – сенокосилка; положить основы – основоположник; носить дары – дароносица; носить оружие – оруженосец; носить ракеты/торпеды/авиацию – ракетonosец/торпедonosец/авианосец; носить рога – рогonosец; носить (перен.) мечи – меченосец (рыба); тяпать голову – головотяп; ломать голову – головоломка; втирать очки – очковтирательство; плести стихи/рифмы – стихоплёт/рифмоплёт; мараить бумагу – бумагомаратель; творить мир/благо – миротворец/благодотворитель; трясти солому – соломотряс; тушить огонь – огнетушитель; резать сучки – сучкорез; ср. резать хлеб – хлеборез/-ка; колоть дыры – дырокол; проводить воду – водопровод; пасти свиней – свинопас; щупать кур – курошуп; отливать воду – водоотлив (ср. лить воду – Водолей); шить золотом – златошвейка; промышленять скотом – скотопромышленник; торговать наркотиками – наркотоходец; черпать вино – виночерпий; приносить жертву – жертвоприношение; гнать коней – коногон и другие.

Б. Результирующее сложное слово – имя прилагательное: бежать от центра – центробежный; упираться огню – огнеупорный; стремиться к центру – центростремительный; поклоняться кресту – Крестопоклонная (Неделя); носить венец – венценосный; бить масло – маслобойный; молотить кости – костемольный; бояться Бога – богобоязненный (в укр. богобоязливий); дробить зубы – зубодробительный; заправлять бензин – бензозаправочный; преклонить колени – коленопреклонённый; щипать душу – душещипательный; стрелять огнём – огнестрельный; бороться с Богом – богоборческий и другие.

В противовес реверсивной модели нами было обнаружено только два случая проверсивного образования по этой общей модели: это трясогузка (от трясти гузкой) и вертихвостка (от вертеть хвостом). Столь очевидная асимметрия сама по себе заслуживает специального объяснения, однако его выработка требует привлечения более широкого круга данных.

Объективности ради следует отметить, что данный подход также не устраняет указанную общую проблему происхождения и мотивированности сложного слова исходной моделью словосочетания. Так, представленные примеры реверсивного словообразования с результатом X-носек, в частности, носить дары – дароносица; носить оружие – оруженосец; носить ракеты/торпеды/авиацию – ракетonosец/торпедonosец/авианосец; носить рога – рогonosец; носить (перен.) мечи – меченосец (рыба) могут создать иллюзию того, что конечный результат зависит от глагольного компонента. Однако нетрудно заметить и морфологически отличные результаты в исходной модели с управлением данным глаголом существительным при сохранении общей реверсивной модели интеграции словосочетания в сложное слово: приносить жертву – жертвоприношение, носить яйца – яйценоска, слова типа ракета-носитель, флеш-носитель и другие. С другой стороны, принцип разделения проверсивного и реверсивного образования сложных слов в пределах одной исходной модели для других частей речи в качестве исходных компонентов также остаётся недостаточно ясным.

Так, например, на настоящем этапе исследования практически невозможно найти основания того, что в общей модели Adj + N = N (т.е. в результате сложения основ прилагательного и существительного получается сложное существительное) доминирует проверсия и практически отсутствует реверсивное образование. Ср. многочисленные проверсивные примеры: прекрасная душа – прекраснотушье; единая вера – единовержье; бензиновая колонка – бензоклонка; хитрое сплетение – хитросплетение; хромя ножка – хромоножка; золотые погоны – золотопогонник; дальний бой – дальнотбойщик; жёлтое

брюхо – желтобрюх; лихие лета – лихолетье; долгий нос – долгоносик; газовая сварка – газосварка/газосварочный/газосварщик – против лишь двух обнаруженных случаев реверсии: борющийся с Богом – богоборец и падающая вода – водопад.

Следует подчеркнуть, что основной сложностью в решении поставленной проблемы остаётся дефицит данных о реальной этимологии сложного слова. Так, мы обозначили исходную модель для слова водопад как падающая вода, но далеко не исключена возможность его образования в результате интеграции словосочетания падение воды. Это не устраняет реверсивную модель, но привносит дезориентацию в определение исходной частеречной модели словообразования.

То, что парадигматика исходной модели имеет значение, доказывает ещё и такой факт. Если учесть не только частеречную принадлежность исходных компонентов, но и их формальные признаки, обусловленные комплексным действием грамматических категорий соответствующих частей речи (в случае имён существительных и прилагательных – число и падеж), то в приведённой в качестве предыдущего примера комплексной адъективно-субстантивной исходной модели нетрудно заметить, что исходное словосочетание образовано либо согласованием в именительном падеже, либо управлением в творительном падеже (лихие лета – лихолетье: борющийся с Богом – богоборец). Очевидно, отсутствие в модели других падежных форм обусловлено определёнными закономерностями, которые могут дать ответ на вопрос об обусловленности проверсивного и реверсивного словосложения.

Заключение

Таким образом, понятия проверсии и реверсии достаточно чётко описывают особенности образования сложных слов в русском языке, однако не дают основного ответа на вопрос, какими конкретными когнитивными факторами обусловлен такой фактически универсальный вид словообразования, как словосложение.

Авторами впервые предложены и разграничены понятия проверсии и реверсии как новые теоретические инструменты описания словосложения, а описаны закономерности соотношения частеречных моделей исходного словосочетания с механизмом образования сложного слова. На наш взгляд, приблизить ответ на ключевой вопрос о когнитивных основаниях этих механизмов могли бы сравнительно-типологические исследования моделей проверсии и реверсии в славянских и других индоевропейских и неиндоевропейских языках, поскольку данные явления засвидетельствованы в них также. С учётом этого нами уже найдены многочисленные примеры в украинском языке и начато исследование подобных моделей на материале белорусского и чешского языков (например, такие сложные слова, как стагоддзя, малаадукаваны, смалакур, краявід, ліхалецце, старадаўны; bájeslovní, dobrovolně, hnidopich, letopis и другие). Такой подход представляется перспективным, потому что в родственных языках обязательно должны обнаружиться общие основания проверсии и реверсии, а уже на их основе можно отыскать специфику такого образования в отдельных языках.

Список литературы

- Болдырев Н.Н. 2015. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 1(42): 5–12.
- Земская Е.А. 1992. Словообразование как деятельность. Москва, Наука, 221 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М. 2004. Метафоры, которыми мы живём. Пер. с англ. А.Н. Баранова. Москва, Едиториал УРСС, 256 с.
- Лангаккер Р.У. 1997. Модель, основанная на употреблении. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 4: 159–174.
- Телия В.Н. 1996. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва, Языки русской культуры, 288 с.

- Чекулай И.В., Прохорова О.Н., 2009. Реверсивность как способ реализации языковой картины мира. В кн.: *Нl'adanie ekvivalentnosti IV. Proceedings of the International Scientific Conference of Russian Scholars* (Prešov, September 11–13, 2008). Prešov, Publ. Prešovská univ. v Prešove: 261–271.
- Чекулай И.В., Прохорова О.Н. 2011. Реверсивность как универсальная модель представления знаний. В кн.: *Современная англистика: Традиции. Сегодня. Перспективы. Тезисы докладов Четвёртого Международного научного форума*. Харьков, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина: 98–100.
- Эванс В., Грин М. 2006. *Когнитивная лингвистика: Введение*. Эдинбург, Edinburgh University Press, 830 с.
- Kövecses Z. 2020. *Extended Conceptual Metaphor Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 247 p.
- Schmid H.-J. 2020. *The Dynamics of the Linguistic System: Usage, Conventionalization, and Entrenchment*. Oxford: Oxford University Press, 512 p.
- Fauconnier G., Turner M. 2002. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 440 p.

References

- Boldyrev N.N. 2015. *Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funktsiyakh, yedinitzakh i kategoriyakh* [The anthropocentric essence of language in its functions, units, and categories]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 1(42): 5–12.
- Zemskaya E.A. 1992. *Word formation as an activity*. Moscow, Publ. Nauka, 221 p. (in Russian).
- Lakoff G., Johnson M. 2003. *Metaphors We Live By*. 2nd ed. Chicago, Publ. University of Chicago Press. (Russian translation: Moscow, 2004), 256 p.
- Langacker R.W. 1997. *Model', osnovannaya na upotreblenii* [A usage-based model]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 4: 159–174.
- Chekulai I.V., Prokhorova O.N., 2009. *Reversivnost' kak sposob realizatsii yazykovoï kartiny mira* [Reversibility as a way of realizing the linguistic picture of the world]. In: *Нl'adanie ekvivalentnosti IV* [Search for Equivalence IV]. Proceedings of the International Scientific Conference of Russian Scholars (Prešov, September 11–13, 2008). Prešov, Publ. Prešovská univ. v Prešove: 261–271.
- Chekulai I.V., Prokhorova O.N. 2011. *Reversivnost' kak universal'naya model' predstavleniya znaniï* [Reversibility as a universal model of knowledge representation]. In: *Sovremennaya anglitika: Traditsii. Segodnya. Perspektivy* [Modern English Studies: Traditions. Today. Prospects]. Abstracts of the Fourth International Scientific Forum. Kharkiv, Publ. Khar'kovskii natsional'nyi universitet im. V.N. Karazina: 98–100.
- Evans V., Green M. 2006. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 830 p.
- Kövecses Z. 2020. *Extended Conceptual Metaphor Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 247 p.
- Schmid H.-J. 2020. *The Dynamics of the Linguistic System: Usage, Conventionalization, and Entrenchment*. Oxford: Oxford University Press, 512 p.
- Fauconnier G., Turner M. 2002. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 440 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.03.2026

Поступила после рецензирования 09.06.2026

Принята к публикации 11.06.2026

Received March 24, 2026

Revised June 09, 2026

Accepted June 11, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чекулай Игорь Владимирович, доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Igor V. Chekulai, Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Прохорова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. **Olga N. Prokhorova**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Пархоменко Анастасия Николаевна, магистрант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. **Anastasia N. Parhomenko**, Master's student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Кобченко Вероника Ивановна, магистрант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. **Veronika I. Kobchenko**, Master's student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Ломакин Никита Алексеевич, студент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. **Nikita A. Lomakin**, Student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 81'42
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-385-394
EDN WXULRS

Лингвокультурологическая интерпретация односоставных текстовых эмотивов (на материале романа Дианы Гэблдон «Чужестранка»)

Чупина К.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015 г. Белгород, ул. Победы, д. 85
chupina@bsuedu.ru

Аннотация. Художественный текст является важным источником изучения взаимосвязи языка, культуры и эмоций, поскольку эмоциональные смыслы в нем формируются в тесной связи с культурно-историческим контекстом. Особый интерес для лингвокультурологии представляют языковые единицы, сочетающие эмоциональную и культурную маркированность. Несмотря на значительное количество работ, посвященных эмотивности художественного текста, лингвокультурные текстовые эмотивы и их роль в репрезентации культурно значимых смыслов остаются недостаточно изученными. Цель исследования состоит в выявлении и лингвокультурологической интерпретации односоставных текстовых эмотивов в романе Дианы Гэблдон «Чужестранка». Материалом исследования послужил текст романа «Чужестранка» (1991). Для анализа использовались методы сплошной выборки, контекстуального, семантического и лингвокультурологического анализа, а также сопоставление словарных и контекстуально актуализированных значений исследуемых единиц. В результате исследования выявлены и систематизированы односоставные лингвокультурные текстовые эмотивы. Установлено, что такие единицы, как *Sassenach*, *Highlander*, *Beltane* и *Hogmanay*, выполняют не только эмотивную функцию, но и репрезентируют культурно-историческую информацию о межэтнических отношениях, традиционных праздниках, социальной организации и ценностях шотландского общества восемнадцатого века. На основе структурного критерия предложена типология лингвокультурных текстовых эмотивов, включающая односоставные, двусоставные и сложносоставные единицы. Полученные результаты расширяют представления о способах репрезентации культурных смыслов в художественном тексте и способствуют дальнейшему развитию лингвокультурологического анализа эмотивности.

Ключевые слова: эмотив, лингвокультурный эмотив, односоставный эмотив, классификация эмотивов, художественный текст, лингвокультурный маркер, шотландская лингвокультура

Для цитирования: Чупина К.С. 2026. Лингвокультурологическая интерпретация односоставных текстовых эмотивов (на материале романа Дианы Гэблдон «Чужестранка»). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 385–394. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-385-394 EDN: WXULRS

Linguocultural Interpretation of Single-Component Textual Emotives (Based on the Novel “Outlander” by Diana Gabaldon)

Ksenia S. Chupina

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
chupina@bsuedu.ru

Abstract. Literary texts provide a productive framework for examining how emotional meanings intertwine with collective memory, social values, and culturally specific knowledge. Historical fiction is particularly

valuable in this respect, as it preserves linguistic representations of a community's worldview and identity. Diana Gabaldon's "Outlander", set in eighteenth-century Scotland, offers rich material for such analysis due to its extensive use of culturally marked vocabulary associated with Scottish traditions, social structures, and historical experience. Although textual emotivity has attracted considerable scholarly attention, linguocultural textual emotives and their role in conveying culture-specific meanings remain underexplored. In particular, scholars have not yet systematically examined one-component textual emotives from a linguocultural perspective. The present study aims to identify and interpret one-component textual emotives in the novel "Outlander". The study draws on the text of the Diana Gabaldon's novel "Outlander" (1991). The analysis combines continuous sampling with contextual, semantic, and linguocultural approaches, as well as a comparison of dictionary definitions and context-dependent meanings. The findings reveal and systematize a group of one-component linguocultural textual emotives. The analysis demonstrates that units such as Sassenach, Highlander, Beltane, and Hogmanay encode not only emotional evaluation but also information about interethnic relations, traditional celebrations, social organization, and the value system of eighteenth-century Scottish society. The study proposes a structural typology of linguocultural textual emotives, comprising one-component, two-component, and complex units. The study contributes to the development of linguocultural approaches to literary discourse by demonstrating how emotives function as markers of both emotional meaning and cultural knowledge.

Keywords: emotive, linguacultural emotive, single-component emotive, classification of emotives, literary text, linguacultural marker, Scottish linguoculture

For citation: Chupina K.S. 2026. Linguocultural Interpretation of Single-Component Textual Emotives (Based on the Novel "Outlander" by Diana Gabaldon). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(2): 385–394 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-385-394 EDN: WXULRS

Введение

Явления социальной и культурной жизни человека находят отражение в тексте как сложном коммуникативном образовании. Текст отображает такие сферы жизни человека, как быт, религия, социальные устои и историческое наследие. Изучение функционирования лексических единиц в тексте обуславливает обращение к художественному тексту как к одному из носителей лингвокультурной информации и субъективно-авторской проекции языковой картины мира. Особый интерес в данном контексте представляют языковые единицы, отражающие не только культурно значимые смыслы, но и эмоциональное содержание художественного текста.

В современной лингвистике проблематика интерпретации эмоций в художественном тексте активно разрабатывается в рамках лингвокультурологии и этимологии. А. Вежбицкая [1996] рассматривает соотношения языка и культуры, языка и языковой картины мира и уделяет особое внимание классам слов или отдельным лексемам, называющим эмоции (love, joy, boredom). Проблема интерпретации смысловых эмоциональных компонентов текста также рассматривается в трудах В.И. Шаховского, где эмотивная лексика интерпретируется в широком теоретическом аспекте, выходя за пределы узкого понимания ее как совокупности слов, непосредственно номинирующих или описывающих эмоции. В рамках его концепции в структуру эмотивного значения включаются не только единицы прямой номинации эмоциональных состояний (fear, anger), но и средства их экспрессивной актуализации (междометия), а также языковые элементы, репрезентирующие эмоции опосредованно – через описание кинетических и паралингвистических проявлений (движения, позы, мимика, выразительность взгляда) [Шаховский, 2010]. Т.А. ван Дейк рассматривает ситуации, этнические предубеждения и другие социокультурные факторы, формирующие эмоциональность текста, основанную на «негативных» и «позитивных» установках [Дейк, 2000, с. 177–178]. Развивая эти принципы, А.Н. Магомедова представляет эмотивы, как сложную семантическую структуру [Магомедова, 2020, с. 173].

Изучение эмотивной лексики и лексики эмоций выводит интерпретацию эмотивности текста в целом и отдельных текстовых эмотивов на абсолютно новый уровень. В современных исследованиях подчеркивается, что «семантическая организация языка указывает на неотъемлемую связь каждой лексемы с текстом» [Огнева и др., 2025, с. 500], вследствие чего интерпретация эмотивов невозможна вне культурного и контекстуального пространства художественного произведения. Опираясь на понятие ситуации, места и времени, можно дать более обширную номинацию и интерпретацию текстового эмотива, не приравнивая его к прямому называнию эмоции, а обуславливая эмотив лингвокультурными маркерами. Е.Л. Березович отмечает, что лингвокультурная маркированность – это «закрепленная в символической форме информация о мире» [Березович, 2007, с. 9]. Под информацией о мире мы понимаем религию, быт, фольклор, традиционные ремесла, нормы поведения, этнические и национальные языки, общность территорий, уклад жизни, а под лингвокультурными маркерами понимаются номинанты быта, ремесла, традиционного костюма, религиозных ритуалов, поведенческих особенностей, присущих конкретной нации или народности, то есть те языковые единицы, в которых культурная информация закреплена и может быть извлечена носителем языка [Маслова, 2022, с. 5]. Исторический художественный текст позволяет реконструировать культурную память сообщества через систему языковых маркеров, отражающих представления народа о прошлом, социальной организации и национальной идентичности [Переверзнецов, 2020].

Вместе с тем, несмотря на значительное количество работ, посвященных эмотивности текста, лингвокультурные текстовые эмотивы, совмещающие эмоциональную и культурную маркированность, остаются недостаточно изученными. В частности, отсутствует типология таких единиц по структурному признаку, а также системное описание их функций носителя культурно-исторической информации в художественном тексте, отражающем взаимодействие различных лингвокультур. В этой связи особый интерес представляет роман Д. Гэблдон «Чужестранка», воссоздающий культурно-историческое пространство Шотландии восемнадцатого века и репрезентирующий широкий спектр лексических единиц, обладающих эмоциональной и лингвокультурной маркированностью.

Целью данной работы является выявление и интерпретация лингвокультурных текстовых эмотивов в связке эмоционально-маркированных и лингвокультурно-маркированных форм лексического корпуса, вариативности семантического прочтения и значимости.

Эмотивы, несущие в себе эмоциональную и лингвокультурную маркированность, принимаются нами за лингвокультурные эмотивы. Лингвокультурные текстовые эмотивы предлагается понимать как лексические единицы, отражающие эмоции и чувства и обусловленные культурными, историческими и социальными реалиями.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужил текст романа «Чужестранка» современной американской писательницы Дианы Гэблдон, впервые опубликованного в 1991 году.

Объектом исследования выступает лексика, обладающая эмоциональной и лингвокультурной маркированностью, в частности односоставные текстовые эмотивы. Предметом исследования являются семантические, структурные и интерпретационные характеристики эмотивов в художественном тексте. В ходе сплошной выборки отбирались лексические единицы, сочетающие эмотивную и лингвокультурную маркированность. По результатам выборки языкового материала была произведена классификация лингвокультурных текстовых эмотивов с последующей интерпретацией.

Исследование основано на методах комплексного лингвистического анализа художественного текста, включающих контекстуальный, семантический и лингвокультурологический подходы. Контекстуальный анализ нацелен на выявление зависимости интерпретации эмотивов от условий их функционирования в структуре текста. Семантический анализ определяет денотативное и коннотативное содержание. Посредством лингвокультурологического анализа устанавливается связь исследуемых единиц с культурно-историческими реалиями. Сравнительно-сопоставительный анализ выявляет специфику словарных дефиниций и контекстуально актуализированных значений эмотивов.

Результаты исследования

Известно, что эмоциональная окраска и эмоциональное воздействие закладывается писателем как в текст в целом, так и в текстовые единицы в частности, что обуславливает специфичность семантики. Под текстовым эмотивом мы будем понимать не только слово, но и выражение, устойчивое словосочетание, обороты речи и сложное синтаксическое целое, несущие в себе эмоционально окрашенные культурные особенности, социальные особенности, исторические факты и их социальную интерпретацию.

Нами предлагается следующая классификация текстовых эмотивов: 1) односоставные текстовые эмотивы; 2) двусоставные текстовые эмотивы; 3) сложносоставные текстовые эмотивы.

Под *односоставными текстовыми эмотивами* предлагается понимать маркеры эмотивности, то есть языковые единицы, равные одному слову: *love, divine, barbarian*.

Под *двусоставными текстовыми эмотивами* понимается эмоционально маркированное выражение (фраза, оборот речи) или словосочетание: *tickled pink, feel blue, bummed out*.

Под *сложносоставными текстовыми эмотивами* мы предлагаем понимать группу маркеров эмотивности, составляющих предложение или группу предложений, связанных по смыслу и имеющих определенную смысловую законченность: *six feet under, to buy a lemon, over the moon, makes your day*.

Рассмотрение односоставных лингвокультурных текстовых эмотивов в романе Дианы Гэблдон «Чужестранка» показывает следующие особенности их употребления, смысловой нагрузки.

Пример (1): “Suddenly she is a Sassenach – an “outlander” – in a Scotland torn by war and raiding border clans in the year of Our Lord... 1743” [Gabaldon, 1991, p. 1].

Перевод (1): «Внезапно она становится Сассенах – «чужестранкой» – в Шотландии, раздираемой на части войной и набегами пограничных кланов в год Рождества Христова... 1743» (перевод автора. – К. Ч.).

Односоставным лингвокультурным текстовым эмотивом в контексте является слово *Outlander* (рус. чужестранка). Оксфордский словарь английского языка дает два определения: “*Outlander* – a person from outside one’s own town, area, or region (now rare); a foreigner, stranger, outsider. Also in extended use. The earliest known use of the noun *outlander* is in the late 1500”¹.

Значимым для проводимого исследования является семантический анализ лингвокультурного эмотива, выраженного лексемой *outlander* и синонимом, приводимым тезаурусом, *foreigner* – someone who is excluded from or is not a member of a group² (рус. иностранец – тот, кто исключен из группы или не является ее членом).

¹ Oxford English Dictionary. Oxford University Press. URL: <https://www.oed.com/search/dictionary?scope=Entries&q=outlander> (accessed: 20 December 2024).

² Diffword. Dictionary and thesaurus. URL: <https://diffword.com/w/foreigner/> (accessed: 26 May 2025).

Словарь Merriam-Webster определяет *outlander* как: *as an stranger. A person who is not native to or known to a community*¹ (рус. Чужак. Человек, который не является местным жителем или незнаком сообществу).

В переводе с английского на русский язык *outlander* означает – «чужестранец», «чужеземец». В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (4-е изд., 1999) и «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940) дается следующее определение: «чужестранец», устаревшее. То же, что «иностранец». В более широком смысле определение дают электронные ресурсы – слово «чужестранец» или «чужеземец» относится к человеку, который родом из другого места или региона, отличного от того, в котором он находится в данный момент². Необходимо отметить, что эмоциональная окраска лингвокультурных эмотивов «чужестранец» и «иностранец» отличается друг от друга, и мы считаем целесообразным остановиться подробнее на семантическом анализе этой синонимичной пары лингвокультурных эмотивов. Если вариант «иностранец» выступает скорее нейтральной единицей, констатирующей факт того, что человек является жителем одного из многих других государств, городов, регионов, то вариант «чужестранец» имеет отрицательную коннотацию, выделяя человека в качестве инородного явления в общности, к которой он не относится территориально и разнится по культурным, религиозным или этническим признакам.

Эмотив *outlander* фигурирует в названии исследуемого романа, является основополагающей характеристикой главной героини и описывает всю эмоциональную обстановку и ведущую проблематику произведения. При интерпретации художественного текста эмотиву *outlander* приравниваются такие определения, как «несущий опасность», «опасный», «тот, кого следует остерегаться», «несчастье». Синонимы, с точки зрения эмоционального восприятия, ассоциируются с однокоренным словом «чужой», то есть «не собственный, не свой, принадлежащий другим, свойственный другим, относящийся к другим», а значит – противопоставляющийся «своим».

Структурный анализ лингвокультурного текстового эмотива *outlander* выявил его односоставность, и отсутствие зависимых лексем, влияющих на семантику. Односоставный лингвокультурный текстовый эмотив *outlander* является лингвокультурным эмотивным маркером.

Пример (2): “Eh, a bonny one, Sassenach or no” [Gabaldon, 1991, p. 69].

Перевод (2): «Да, хорошенькая, Сассенах (англичанка) или нет».

Также в художественном тексте в процессе лингвистического анализа выявлен гэльский контекстуальный синоним односоставного лингвокультурного эмотива “*outlander*” – это лексема “*Sassenach*”, что в дословном переводе с гэльского языка означает: «англичанин» или «человек, прибывший из Англии», являющийся представителем другой нации. Данная особенность обусловлена историческими и культурологическими факторами, географией Шотландии и ее «доступностью» для путешественников, практически стопроцентно прибывающих сухопутным путем со стороны Англии. Расширенный вариант перевода предполагает любого путешественника, не родившегося в Шотландии или Англии. Лингвокультурный маркер обуславливает особое эмоциональное восприятие явления, выраженного словом в конкретной местности Шотландии. Односоставный эмотив *Sassenach* заведомо культурно-специфичен.

Лингвокультурологическое исследование показало важность того факта, что гэльский язык – это язык шотландских гэлов, или горной Шотландии (кельтской группы индоевропейской языковой семьи), носители которого – кельтская народность. Действие в исследуемом романе происходит в Шотландии 18 в., а соответственно, при интерпретации

¹ Merriam Webster. Dictionary. Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/outlander> (accessed: 20 December 2025).

² Douglas Harper. 2001-2025. Etymonline. Online etymology dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/outlander> (accessed: 20 December 2025).

текста следует упомянуть о напряженных отношениях между шотландцами и англичанами и о восстании якобитов в 1745 году, что представляет собой экстралингвистический фон функционирования рассматриваемого лингвокультурного текстового эмотива [Walker, 1998].

Структурный анализ показывает, что лексема *Sassenach* выступает односоставным эмотивом, состоящим из одной текстовой единицы, из слова. Односоставный лингвокультурный текстовый эмотив *Sassenach* является эмоциональным и лингвокультурным маркером.

Пример (3): “...Dougal, Jamie, and Ned were educated... Highlanders from the remote crags and glens of the MacKenzie lands. They were courageous fighters and dauntless warriors, but they were also as superstitious as any primitive tribesmen from Africa or the Middle East” [Gabaldon, 1991, p. 361].

Перевод (3): «Дугал, Джейми и Нед получили образование... Горцы с отдаленных утесов и долин земель Маккензи. Они были отважными бойцами и неустрашимыми воинами, но при этом были такими же суеверными, как и любые примитивные племена Африки или ближнего Востока».

Лингвистический анализ выявил следующий лингвокультурный эмотив *Highlander*. Оксфордский словарь английского языка приводит дефиницию: “*Highlander* – chiefly with capital initial. A native or inhabitant of Scottish Highlands. Cf. *Highlandman*”¹ (рус. Горец – в основном с большой буквы. Уроженец или житель Шотландского нагорья). Фактическая сводка оксфордского словаря, помимо произношения, дает более точное описательное значение: “There are seven meanings listed for the noun “*Highlander*”. “*Highlander*” has developed meanings and uses in subjects including: military (early 1700s), agriculture (late 1700s), animals (late 1700s), fishing (1860s)”² (рус. Существует семь значений существительного “горец”. Слово “горец” получило широкое распространение в таких областях, как военное дело (начало 1700-х годов), сельское хозяйство (конец 1700-х годов), животные (конец 1700-х годов), рыболовство (1860-е годы). Словарь Мериам Вебстер предлагает следующее определение: “An inhabitant of a highland. An inhabitant of the highlands of Scotland”³ (рус. Житель горной местности. Житель горной Шотландии).

Семантический анализ выявил, что в соответствии с линией повествования, контекстом повествования и замыслом автора в произведении Дианы Гэблдон, *Highlander* понимается как “горец”, “сильный духом и телом”, “верный своей земле”, “гостеприимный в меру”.

Мы обратились к географии местности и ее лингвокультурным особенностям. Высокогорье или *Highlander* – chiefly with capital initial. A native or inhabitant of Scottish Highlands, располагается к северу и западу от низменностей Шотландии, простирающихся до южных границ с Англией, именуемых *Lowland*. Северные земли хранили и продолжают хранить намного больше традиций. Жители северной Шотландии верят в старые кельтские легенды и соблюдают древние ритуалы в отличие от юга Англии.

Лексема *Highlander* обладает эмотивным и лингвокультурным маркером и по своей структуре является односоставным лингвокультурным текстовым эмотивом.

Пример (4): “There’s no place on earth with more of the old superstitions and magic mixed into its daily life than the Scottish Highlands. Church or no church, Mrs. Baird believes in the Old Folk, and so do all the neighbors.” he pointed at the stain with one neatly polished toe. “The blood

¹ Oxford English Dictionary. Oxford University Press. URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=highlander> (accessed: 20 December 2025).

² Oxford English Dictionary. Oxford University Press. URL: https://www.oed.com/dictionary/highlander_n?tab=factsheet#1607811 (accessed: 20 December 2025).

³ Merriam Webster. Dictionary. Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/highlander#h1> (accessed: 20 December 2025).

of a black cock,” he explained, looking pleased. “The houses are new, you see. Pre-fabs” [Gabaldon, 1991, p. 20].

Перевод (4): «... – Нет на земле места, где в повседневную жизнь было бы вплетено больше старых суеверий и магии, чем в Шотландском нагорье. Церковь там или не церковь, но миссис Бэрд верит в старые сказки, как все ее соседи, – он указал на пятно аккуратно отполированным носком ботинка. – Это кровь черного петуха, – объяснил он с довольным видом. – Видите же, дома новые. Панельные...»

В романе упоминаются традиции Шотландских горцев, которые не искоренились даже с приходом христианства. Односоставные лингвокультурные текстовые эмотивы Highlander, Highlands, Magic, Superstitions, Feasts сопряжены с лингвокультурным аспектом, а точнее, с мифологией и историей Шотландского Нагорья.

Пример (5): “...The ancient feasts... Hogmanay... Midsummer Day, Beltane and All Hallows’. Druids, Beaker Folk, early Picts, everybody kept the sun feasts and the fire feasts, so far as we know. Anyway, ghosts are freed on the holy days, and can wander about at will, to do harm or good as they please” [Gabaldon, 1991, p. 22].

Перевод (5): «Древние праздники... Хогманай, День летнего солнцестояния, Белтейн и День всех Святых. Друзиды, иберы, путешествовавшие со своими носатыми кувшинами, древние пикты, все отмечали праздники огня и солнца, насколько нам известно. В любом случае, в святые дни призраки вольны бродить где угодно, причиняя вред или добро, как им заблагорассудится».

Посредством лингвистического анализа были выделены односоставные лингвокультурные текстовые эмотивы, для адекватного понимания которых требуется владение фоновыми знаниями шотландской лингвокультуры: Hogmanay – шотландский праздник чествования последнего дня в году, связанный с огнем, Beltane – кельтский праздник начала лета, по традиции отмечаемый первого мая, один из праздников Колеса Года и Ночи огня, Druids – жрецы у древних кельтов. Такие лексические единицы, по В.В. Воробьеву, являются совокупностью формы языкового знака, содержания и культурного смысла [Воробьев, 2006].

Односоставный лингвокультурный текстовый эмотив, несущий в себе код негативного действия, ритуала, традиции Beltane (рус. Белтейн, Бел Тайн или Бэллтейн). Знание лингвокультуры подразумевает, что человек будет опасаться выходить в такую ночь на улицу, испытывать страх, ужас. Согласно Oxford English Dictionary: “Beltane – the earliest known use of the noun is in the Middle English period (1150–1500)”¹ (рус. Белтейн – самое раннее из известных употребление этого существительного относится к среднеанглийскому периоду). Шотландский гэльский допускает написание Bealltainn. Словарь Мериам Вебстер дает следующее определение: “Bel-tane – the Celtic May Day”, т. е. кельтское празднование начала мая, традиционно отмечаемое в ночь с тридцатого апреля на первое мая. Источник дает лингвокультурологическое разъяснение: “To the ancient Celts, May Day (or “Bealltainn”) marked the start of summer, and a critical time when the boundaries between the humans and supernatural world were removed, requiring that people take special measures to protect themselves against enchantments”² (рус. Для древних кельтов Первомай знаменовал начало лета и был критическим временем, когда стирались границы между людьми и миром сверхъестественного, требуя от людей принятия особых мер для защиты от чар). Именно в ночь Bealltainn проводились особые ритуалы, характерные для горной Шотландии, местные

¹ Oxford English Dictionary. Oxford University Press. URL: https://www.oed.com/dictionary/beltane_n?tl=true (accessed: 21.11.2025)

² MerriamWebster. Dictionary. Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/Beltane> (accessed: 20 December 2025).

жители пытались защитить свой скот от болезней и иного зла, жгли огромные костры и искренне верили в результативность того, что делали.

Hogmanay – сочетает маркеры эмотивности и лингвокультуры. По своей структуре Hogmanay – односоставный лингвокультурный текстовый эмотив. Для точности исследования приводим определение Оксфордского словаря английского языка: “Hogmanay – originally and chiefly Scottish. The last day of the year, 31 December; spec. the evening of this day”¹ (рус. Хогманай – первоначально и в основном шотландский праздник. Последний день в году, тридцать первое декабря; специфичный вечер). Словарь Мериам Вебстер дополняет вариативность интерпретации лингвокультурного текстового эмотива и, помимо определения последнего дня в году, дает определение подарка, преподносимого или выпрашиваемого в ночь Hogmanay: “A gift solicited or given at Hogmanay”². Положительная эмоциональная маркированность и вековая традиция, подразумевающая гулянья и веселье, определяют лингвокультурный эмотив “Hogmanay”. Следует отметить, что сезонность четырех основных культурных гэльских праздников: Самайн (1 ноября), Имболк (1 февраля), Белтейн (1 мая) и Лугнасад (1 августа) обоснована традициями, верованиями, историей горной Шотландии и особенностями психического склада горцев.

Лингвокультурный односоставный текстовый эмотив Druids также сочетает маркеры эмотивности и лингвокультуры: “Druid – one of an order of men among the ancient Celts of Gaul and Britain, who according to Caesar were priests or religious ministers and teachers”³ (рус. друид – один из представителей ордена древних кельтов Галлии и Британии, которые, согласно решению Цезаря, были жрецами, религиозными служителями и учителями).

Наряду с перечисленными характеристиками друидов в этом номинанте также вербализованы их сверхъестественные способности: “Druid – one of an ancient Celtic priesthood appearing in sagas and Christian legends as magicians and wizards”⁴ (рус. друид – один из древних кельтских жрецов, фигурирующих в сагах и христианских легендах как маги и волшебники).

Лексемы Hogmanay, Bealltainn, Druids имеют эмотивный и лингвокультурный маркер и по своей структуре являются односоставными лингвокультурными текстовым эмотивами.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Лингвокультурная интерпретация текста, основывающаяся на односоставных эмотивах, позволяет создать целостную, логическую, завершенную модель авторской картины художественного произведения. Доказано, что текстовые эмотивы представляют собой эмоционально окрашенные единицы, обуславливаются не только прямым номинированием эмоций, но историческими, культурными и социокультурными особенностями и определяются как текстовые лингвокультурные эмотивы.

Сформирована классификация лингвокультурных текстовых эмотивов, состоящая из *односоставных, двусоставных и сложносоставных* номинантов.

Лингвокультурные текстовые эмотивы *Outlander, Highlander* характеризуют главных и второстепенных персонажей, уточняют обстановку, сюжетно сематическую линию романа, включающую исторические факты и культурное наследие. В исследовании

¹ Oxford English Dictionary. Oxford University Press. URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=Hogmanay> (accessed: 20 December 2025).

² Merriam Webster. Dictionary. Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/Hogmanay> (accessed: 20 December 2025).

³ Oxford English Dictionary. Oxford University Press. URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=Druid> (accessed: 20 December, 2025)

⁴ Merriam Webster. Dictionary. Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/druids> (accessed: 20 December, 2025).

показана изменчивость представлений эпохи в зависимости от географии, понимание писателем особенностей быта и мироощущения народа.

Рассмотрение односоставных лингвокультурных текстовых эмотивов в романе Дианы Гэблдон «Чужестранка» показывает особенности их употребления и смысловой нагрузки в аспекте лингвокультурных фоновых знаний, поскольку язычество горной Шотландии, глубоко пустившее корни в сознание людей и повлиявшее на их мироощущение, сознание и психику, а соответственно и на эмоциональный отклик, определяет линейку лингвокультурных текстовых эмотивов Hogmanay, Beltane, Druids, присущих конкретной языковой группе и культуре.

Исследование текста романа показало, что эмоциональная окраска текста варьируется от положительной до отрицательной в зависимости от контекста художественного произведения и культурных реалий, в нем упомянутых. В работе представлена разница в эмоциональной окраске лингвокультурных текстовых эмотивов Hogmanay и Beltane, один из которых исторически несет читателю положительный эмоциональный посыл, а другой – отрицательный. Следовательно, интерпретация односоставных лингвокультурных текстовых эмотивов позволяет смоделировать текстовый формат исторической реальности.

Список литературы

- Березович Е.Л. 2007. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. Москва, Индрик, 599 с.
- Вежбицкая А. 1996. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. Под ред. М.А. Кронгауз. Москва, Русские словари, 416 с.
- Воробьев В.В. 2006. Лингвокультурология. Москва, Российский университет дружбы народов, 336 с.
- Дейк Т.А. ван. 2000. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова. Благовещенск, Благовещенский гуманитарный колледж им. А.И. Бодуэна де Куртенэ, 308 с.
- Ионова С.В., Шаховский В.И. 2018. Проспекция лингвокультурологической теории эмоций Анны Вежбицкой. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*, 22(4): 966–987. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-966-987
- Красных В.В. 2003. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва, Гнозис, 375 с.
- Магомедова А.Н. 2020. Роль эмотивной лексики в создании картины мира художественного текста. *Верхневолжский филологический вестник*, 3(22): 171-175. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-3-22-171-175
- Маслова В.А. 2022. Лингвокультурологический анализ: учебник для вузов. Москва, Юрайт, 245 с.
- Огнева Е.А., Бузина Е.И., Чупина К.С. 2025. Синергичная модель эмотивного концепта HAPPY в произведении Ф. Бэкона “The New Atlantis”. *Казанская наука*. №2: 500-502.
- Переверзенцев С.В. 2020. Историческое сознание: Опыт типологизации. В кн.: Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности. Словесно-исторические научные чтения им. Т.Н. Щипковой (Москва, 17 февраля 2020 г.). Под ред. А. В. Щипкова. Москва, Русская экспертная школа: 32–45.
- Шаховский В.И. 2008. Лингвистическая теория эмоций. Москва, Гнозис, 414 с.
- Шаховский В.И. 2010. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Москва, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 128 с.
- Gabaldon D. 1991. *Outlander*. Dell, 850 p.
- Walker D.M. 1998. *A Legal History of Scotland. Vol. V: The Eighteenth Century*. Edinburgh, T. & T. Clark, 878 p.
- Wilson S. 2008. *Unknown Scotland*. Москва, Менеджер, 349 с.

References

- Berezovich E.L. 2007. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Research]. Moscow, Publ. Indrik, 599 p.
- Verzhbitskaya A. 1996. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Trans. from English. Ed. M.A. Krongauz. Moscow, Publ. Russkie slovari, 416 p. (Wierzbicka A. 1992. *Semantics, Culture*

- and Cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. Oxford University Press, 486 p.)
- Vorob'ev V.V. 2006. Lingvokul'turologiya [Linguocultural studies]. Moscow, Publ. Rossiiskii universitet druzhby narodov, 336 p.
- Deik T.A. van. 2000. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication]. Trans. from English. Ed. V.I. Gerasimov. Blagoveshchensk, Publ. Blagoveshchenskii gumanitarnyi kolledzh im. A.I. Boduena de Kurtene, 308 p.
- Ionova S.V., Shakhovskiy V.I. 2018. Anna Wierzbicka's Linguocultural Theory of Emotions in the Development Dynamics. *Russian Journal of Linguistics*, 22(4): 966–987 (in Russian). DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-966-987
- Krasnykh V.V. 2003. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost' ["Ours" among "strangers": myth or reality]. Moscow, Publ. Gnozis, 375 p.
- Magomedova A.N. 2020. The role of emotive vocabulary in the creation of the world picture of an artistic text. *Verkhnevolzhskii Filologicheskii Vestnik*, 3(22): 171–175 (in Russian) DOI: 10.20323/2499-9679-2020-3-22-171-175
- Maslova V.A. 2022. Lingvokulturologicheskii analiz: uchebnik dlya vuzov [Linguistic and cultural analysis: a textbook for universities]. Moscow, Publ. Yurayt. 245 p.
- Ogneva E.A., Buzina E.I., Chupina K.S. 2025. A synergistic model of the emotive concept of HAPPY in F. Bacon's "The New Atlantis". *Kazanskaya nauka*, 2: 500-502. (in Russian)
- Pereverzentsev S.V. 2020. Istoricheskoe soznanie: Opyt tipologizatsii [Historical consciousness: An attempt at typology]. In: *Gumanitarnye nauki i otechestvennoe obrazovanie. Istoriya, preemstvennost' i tsennosti* [Humanities and domestic education. History, continuity and values]. Verbal and historical scientific readings named after T.N. Shchipkova (Moscow, February 17, 2020). Ed. A.V. Shchipkova. Moscow, Publ. Russkaya ekspertnaya shkola: 32–45.
- Shakhovskiy V.I. 2008. Lingvisticheskaya teoriya emotsii [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Publ. Gnozis, 414 p.
- Shakhovskiy V.I. 2010. Emotsii: Dolvingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya [Emotions: Prelinguistics, linguistics, linguacultural studies]. Moscow, Publ. Knizhnyi dom «LIBROKOM», 128 p.
- Gabaldon D. 1991. *Outlander*. Dell, 850 p.
- Walker D.M. 1998. *A Legal History of Scotland. Vol. V: The Eighteenth Century*. Edinburgh, T. & T. Clark, 878 p.
- Wilson S. 2008. *Unknown Scotland*. Moscow, Publ. Menedzher, 349 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.02.2025

Поступила после рецензирования 6.03.2025

Принята к публикации 10.03.2026

Received February 17, 2025

Revised March 6, 2025

Accepted March 10, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чупина Ксения Сергеевна, ассистент кафедры иностранных языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia S. Chupina, Assistant of the Department of Foreign Languages, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.